УЧРЕДИТЕЛИ:

**Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;
социологический факультет МГУ**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

ОСИПОВА Надежда Геннадьевна — доктор социологических наук, профессор, декан социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, главный редактор, г. Москва, Россия, e-mail: ngo@socio.msu.ru, тел., факс: 8 (495) 939-46-98

ПОЛЯКОВА Наталья Львовна — доктор социологических наук, профессор кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, заместитель главного редактора, г. Москва, Россия, e-mail: polyakova@socio.msu.ru, тел.: +7(495) 939-45-39

ИЛЬИНЫХ Ольга Владимировна — сотрудник кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, ответственный секретарь, редактор, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 939-08-54, +7 (903) 268-89-69, e-mail: ilinih@socio.msu.ru

ДОБРИНСКАЯ Дарья Егоровна — кандидат социологических наук, доцент кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, редактор сайта, г. Москва, Россия, тел.: +7(495) 939-08-54, e-mail: dobrinskaya@socio.msu.ru

БАРКОВ Сергей Александрович — доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической социологии и менеджмента социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, сотрудник редколлегии, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 932-88-71, e-mail: socorgmen@yandex.ru

ВЕРШИНИНА Инна Альфредовна — кандидат социологических наук, доцент кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, сотрудник редколлегии, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 939-21-37, e-mail: vershinina@socio.msu.ru

ЕЛИШЕВ Сергей Олегович — доктор социологических наук, профессор кафедры современной социологии, ученый секретарь социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, сотрудник редколлегии, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 939-59-61, e-mail: elishev@list.ru

КАНЕВСКИЙ Павел Сергеевич — кандидат политических наук, доцент, заместитель декана по научной работе социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, сотрудник редколлегии, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 939-24-05, e-mail: kanevskiy@socio.msu.ru

НОВОСЁЛОВА Елена Николаевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, сотрудник редколлегии, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 939-24-05, e-mail: nauka@socio.msu.ru

ПРОНЧЕВ Геннадий Борисович — кандидат физико-математических наук, доцент, заместитель декана по учебной работе социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, сотрудник редколлегии, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 939-55-44, e-mail: pronchev@yandex.ru

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Аверин Юрий Петрович — доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой методологии социологических исследований социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия, тел.: +7(495)939-27-95, e-mail: aup@inbox.ru; **Антонов Анатолий Иванович** — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495)939-50-60, e-mail: antonov_ai_@mail.ru; **Вельц Франк** — доктор социологических наук, профессор департамента социологии Инсбрукского университета имени Леопольда и Франца, г. Инсбрук, Австрия, тел.: +43 512 507 73405, e-mail: frank.welz@uibk.ac.at; **Бабосов Евгений Михайлович** — доктор философских наук, профессор, академик НАН Белоруссии, главный научный сотрудник Института социологии НАН Белоруссии, г. Минск, Белоруссия, e-mail: soccomsys@mail.ru; **Водопьянов Павел Александрович** — доктор философских наук, профессор, член-корреспондент НАН Белоруссии, профессор кафедры философии и права УО “Белорусский государственный технологический университет”, e-mail: pva1940@bk.ru; **Данилов Александр Николаевич** — доктор социологических наук, профессор, член-корреспондент НАН Белоруссии, заведующий кафедрой социологии факультета философских и социальных наук Белорусского государственного университета, тел: +375-17-259-70-41, e-mail: a.danilov@tut.by; **Желтов Виктор Васильевич** — доктор политических наук, профессор кафедры всеобщей истории и социально-политических наук Кемеровского государственного университета, г. Кемерово, Россия, тел.: +7 (384) 254-49-33, e-mail: politdekanat@kemsu.ru; **Ильхам Мамед-Заде** — доктор философских наук, директор Института философии, социологии и права Национальной академии наук Азербайджана, г. Баку, Азербайджан, тел.: + 99412-439-34-61, e-mail: Ilham_mamedzade@mail.ru; **Кеничи Охаши,** профессор социологии и культурной антропологии департамента культуры и туризма Университета Риккьо, г. Токио, Япония, тел.: +81-48-471-7447, e-mail: ohashik@rikkyo.ac.jp; **Скворцов Николай Генрихович** — доктор социологических наук, профессор, декан факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета, председатель Социологического общества им. М.М. Ковалевского, г. Санкт-Петербург, Россия, тел.: +7 (812) 710-00-29, e-mail: n.skvortsov@spbu.ru; **Тай-Лок Луи** — доктор философии, профессор, вице-президент Университета образования Гонконга, директор Академии гонконгских исследований, Гонконг, тел.: +852 2948 7220, e-mail: tloklui@eduhk.hk; **Фарро Антимо Луиджи** — доктор социологических наук, профессор Римского университета “Сапиенца”, г. Рим, Италия, e-mail: antimoluigi.farro@uniroma1.it; **Цинекер Хайдрун** — доктор политических наук, профессор Университета Лейпцига, г. Лейпциг, Германия, тел.: +49 341 97 35614, e-mail: zinecker@uni-leipzig.de

Редактор **О.В. ИЛЬИНЫХ**

FOUNDER
Lomonosov Moscow State University;
Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University)

Editorial Board

Editor-in-chief: Nadezhda G. OSIPOVA, Doctor of Sociology, Professor, Dean of the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7(495) 939-46-98, e-mail: ngo@socio.msu.ru
Associated Editor-in-Chief: Natalya L. POLYAKOVA, Doctor of Sociology, Professor of the Department of Contemporary Sociology at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7(495) 939-45-39, e-mail: polyakova@socio.msu.ru
Managing Editor: Olga V. ILINIH, phone: +7(495) 939-08-54, +7(903) 268-89-69, e-mail: ilinih@socio.msu.ru
Website Editor: Daria E. DOBRINSKAYA, Candidate of Sociology, Associate Professor at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7(495) 939-08-54, e-mail: dobrinskaya@socio.msu.ru

Editorial board: Sergey A. BARKOV — Doctor of Sociology, Professor, Head of the Department of Economic Sociology and Management at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7 (495) 932-88-71, e-mail: socorgmen@yandex.ru
Inna A. VERSHININA, Candidate of Sociology, Associate Professor at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7(495) 939-21-37, e-mail: vershinina@socio.msu.ru
Sergey O. ELISHEV — Doctor of Sociology, Professor of the Department of Modern Sociology, Scientific Secretary at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7 (495) 939-59-61, e-mail: elishev@list.ru
Pavel S. KANEVSKIY, PhD, Associate Professor, Associate Dean for Science at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7 (495) 939-24-05, e-mail: kanevskiy@socio.msu.ru
Elena N. NOVOSELOVA, Candidate of Sociology, Associate Professor of the Department of Sociology of Family and Demography at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7(495) 939-24-05, e-mail: nauka@socio.msu.ru
Gennady B. PRONCHEV — Candidate of Physics and Mathematics, Associate Professor, Department of Methodology of Sociological Research, Deputy Dean for Academic Affairs at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7 (495) 939-55-44, e-mail: pronchev@yandex.ru

Editorial council

Anatoliy I. Antonov, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Sociology of Family and Demography at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7 (495)939-50-60, e-mail: antonov_ai_@mail.ru
Yuriy P. Averin, Doctor of Sociology, Professor, Head of Sociological Research Methodology Department at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7(495)939-27-95, e-mail: aup@inbox.ru
Frank Welz, Doctor of Sociology, Professor at Innsbruck School of Social and Political Sciences, Department of Sociology (Innsbruck University), Innsbruck, Austria, phone:+43-512-507 -73405, -73420 (secretary), e-mail: frank.welz@uibk.ac.at
Lui Tai-lok, Doctor of Philosophy, Professor, Vice President of the Education University of Hong Kong, Director of the Academy of Hong Kong Studies, phone: +852 2948 7220, e-mail: tloklui@eduhk.hk
Viktor V. Zheltov, Doctor of Political Science, Professor at Chair of General History and Socio-Political Sciences (Kemerovo State University), Kemerovo, Russian Federation, phone: +7 (384) 254-49-33, e-mail: politdekanat@kemsu.ru
Nikolai G. Skvortsov, Doctor of Sociology, Professor at the Department of Comparative Sociology (Saint Petersburg University), Saint Petersburg, Russian Federation, phone: +7 (812) 710-00-29, e-mail: n.skvortsov@spbu.ru
Antimo L. Farro, Doctor of Sociology, Professor at the Department of Social and Economical Sciences (Sapienza University), Rome, Italy, e-mail: antimoluigi.farro@uniroma1.it
Heidrun Zinecker, Doctor of Political Science, Professor of International Relations at the Institute of Political Science (University of Leipzig), Leipzig, Germany, phone: +49 341 97 35614, e-mail: zinecker@uni-leipzig.de
Evgeniy M. Babosov, Doctor of Philosophy, Professor, Academician of National Academy of Sciences of Belarus (NAS of Belarus), Chief researcher at the Institute of sociology of NAS of Belarus, Minsk, Republic of Belarus, e-mail: soccomsys@mail.ru
Pavel A. Vodop'yanov, Doctor of Philosophy, Professor, Corresponding Member of the National Academy of Sciences of Belarus, Professor at the Department of Philosophy and Methodology of Science (Belarusian State Technical University), Minsk, Republic of Belarus, e-mail: pva1940@bk.ru
Kenichi Ohashi, Professor of Sociology and Cultural Anthropology at the Department of Culture and Tourism Studies (Rikkyo University), Tokyo, Japan, phone: +81-48-471-7447, e-mail: ohashik@rikkyo.ac.jp
Ilham Mamed-Zadeh, Doctor of Philosophy, Professor, Director of the Institute of Philosophy, Sociology and Law of Azerbaijan National Academy of Sciences, Baku, Azerbaijan, phone: + 99412-439-34-61, e-mail: Ilham_mamedzade@mail.ru
Alexander N. Danilov, Doctor of Sociology, Professor, Corresponding Member of the National Academy of Sciences of Belarus, Head of the Department of Sociology Faculty of Philosophy and Social Sciences (Belarus State University), Minsk, Republic of Belarus, phone: +375-17-259-70-41, e-mail: a.danilov@tut.by

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 18
СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

№ 3 • Том 26 • 2020 •
ИЮЛЬ — СЕНТЯБРЬ

Издательство Московского университета

Выходит четыре раза в год

СОДЕРЖАНИЕ

Социальное неравенство

Осипова Н.Г., Елишев С.О., Прончев Г.Б. Представления студентов московских вузов о социальном неравенстве в России и в современном мире 7

Социальная структура, социальные институты и процессы

Смирнов В.А. Факторы социального самочувствия жителей российской провинции 24

Семина Т.В. Медицина и общество: микроуровень социального взаимодействия 43

Политическая социология

Самсонова Т.Н. Когда же взойдет “заря гражданственности новой” над Россией? 66

Соколова С.Ю. Это сладкое слово — “свобода” (О постановке проблемы свободы в итальянской политической мысли XX в.). 88

Кочетков В.В. Роль Чемпионата мира по футболу 2018 г. в формировании имиджа России 106

Социология коммуникаций

Денисова Г.В. Социокультурные стереотипы в межкультурной коммуникации. 127

Социология управления и менеджмента

Игумнов О.А. Внешние факторы формирования социального капитала российских организаций 149

Современная социология в Китае

Ван Лили. Особенности процесса миграции крестьян в города современного Китая 173

С рабочего стола социолога

Сикевич З.В., Федорова А.А. Этнокультурная обусловленность виртуальных и “реальных” гендерных образов 182

Кабайкина О.В. Гендерная дискриминация в сфере трудоустройства в г. Москве 200

Гресь Е.Е. Социологический анализ отношения профессиональных спортсменов России к религии 214

Научная полемика

Ильин А.Н. Западная толерантность: господство демократии или наступление дегуманизации? 227

© Издательство Московского университета.
«Вестник Московского университета», 2020

Moscow State University Bulletin

SCIENTIFIC JOURNAL

Established in 1946

Series 18

SOCIOLOGY AND POLITICAL SCIENCE

Publishing house of Moscow State University

N 3 • VOLUME 26 • 2020 •

JULY — SEPTEMBER

Four Issues per Annum

CONTENTS

Social inequality

Osipova N.G., Elishev S.O., Pronchev G.B. Perceptions of Moscow University students of social inequality in Russia and in the modern world. 7

Social structure, social institutions and processes

Smirnov V.A. Factors of public well-being of residents of the Russian province. 24

Semina T.V. Medicine and society: micro level of social interaction 43

Political sociology

Samsonova T.N. When will the "dawn of new civism" rise over Russia? 66

Sokolova S.Yu. This sweet word "freedom" (On the formulation of the problem of freedom in the Italian political thought of the twentieth century) 88

Kochetkov V.V. The role of the 2018 FIFA World Cup in forming Russia's image 106

Sociology of communications

Denisova G.V. Sociocultural stereotypes in cross-cultural communication 127

Sociology of administration and management

Igumnov O.A. Russian organizations social capital formation external factors 149

Contemporary sociology in China

Wang Lili. Features of the migration process of peasants in the cities of modern China 173

From the sociologist's desk

Sikevich Z.V., Fedorova A.A. Ethnocultural factors in virtual and "real" gender stereotypes 182

Kabaykina O.V. Gender discrimination in employment in Moscow 200

Gres E.E. Professional sportsmen attitude towards religion (based on the materials of the sociological survey) 214

Scientific controversy

Ilyin A.N. Western tolerance: the rule of democracy or the offensive of dehumanization? 227

СОЦИАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО

DOI: 10.24290/1029-3736-2020-26-3-7–23

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СТУДЕНТОВ МОСКОВСКИХ ВУЗОВ О СОЦИАЛЬНОМ НЕРАВЕНСТВЕ В РОССИИ И В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ*

Н.Г. Осипова, докт. социол. наук, проф., проф. кафедры современной социологии, декан социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, Москва, Российская Федерация, 119234**

С.О. Елишев, докт. социол. наук, доц., проф. кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, Москва, Российская Федерация, 119234***

Г.Б. Прончев, канд. физ.-мат. наук, доц., доц. кафедры методологии социологических исследований социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, Москва, Российская Федерация, 119234****

Настоящая статья посвящена анализу результатов социологического исследования, направленного на изучение представлений студенческой молодежи о сущности и различных формах социального неравенства, имеющих место как в России, так и в современном мире.

Исследование было проведено в 2019 г. на социологическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова в рамках регулярно осуществляемого (с 2013 г.) мониторинга представлений московской студенческой молодежи о социально-политических процессах, институтах социализации и субъектах молодежной политики. В ходе проведения исследования было опрошено 811 студентов 50 "гуманитарных" и 50 "естественных" факультетов высших учебных заведений г. Москвы.

45,6% опрошенных молодых людей составляли лица мужского пола, а 54,4% — женского. 60,4% опрошенных составили молодые люди в возрасте от 18 до 22 лет, 18,9% — от 23 до 26 лет, 13,3% — от 14 до 18 лет, 7,4% — от 27 до 30 лет.

В статье проанализированы ответы студентов на следующие вопросы: Считаете ли Вы, что в современном мире имеет место острое социальное неравенство? Какие причины лежат в основе социального неравенства? Чем, на Ваш взгляд, обусловлено социальное неравенство? Какие виды социального не-

* Статья подготовлена при поддержке РФФИ. Проект № 18-011-01106 "Новые формы социального неравенства и особенности их проявления в современной России".

** **Осипова Надежда Геннадьевна,** e-mail: ngo@socio.msu.ru

*** **Елишев Сергей Олегович,** e-mail: elishev@list.ru

**** **Прончев Геннадий Борисович,** e-mail: pronchev@yandex.ru

равенства наиболее распространены в современном мире? Какие формы и виды социального неравенства наиболее распространены в современном российском обществе? Как часто Вы сталкиваетесь со следующими проявлениями социального неравенства? Как Вы относитесь к проблеме глобального социального неравенства? и ряд других.

Детальный анализ ответов на эти и другие вопросы, представленный в статье, показал, что социальное неравенство признается студенческой молодежью в качестве злободневной социальной проблемы, которой, к сожалению, власти не уделяют должного внимания.

Ключевые слова: *социальное неравенство, представления студентов, формы и виды социального неравенства, глобальное социальное неравенство, экономическое неравенство, неравенство доступа, дискриминация, социальная эксклюзия.*

PERCEPTIONS OF MOSCOW UNIVERSITY STUDENTS OF SOCIAL INEQUALITY IN RUSSIA AND IN THE MODERN WORLD

Osipova Nadezda G., Doctor of Sociological Sciences, Professor, Dean of the Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: ngo@socio.msu.ru

Elishev Sergey O., Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Professor at the Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: elishev@list.ru

Pronchev Gennadi B., PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor, Associate Professor at the Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: pronchev@yandex.ru

This paper deals with an analysis of the results of a sociological research aimed at studying the students' perceptions of the nature and various forms of social inequality that occur in Russia as well as the modern world.

The study was conducted in 2019 at the sociology faculty of Lomonosov Moscow State University, in the framework of regular monitoring (since 2013) of Moscow student youth' perception of socio-political processes, institutions of socialization and subjects of youth policy. A sociological study was conducted. During the study, 811 students of 50 "humanitarian" and 50 "natural" faculties of higher educational institutions in Moscow were interviewed.

45,6% of young people interviewed were males, and 54,4% were females. 60,4% of the respondents were young people aged 18 to 22 years, 18,9% — from 23 to 26 years old, 13,3% — from 14 to 18 years old, 7,4% — from 27 to 30 years old.

The article analyzes the students' answers to the following questions: Do you think that acute social inequality occurs in the modern world? What reasons underlie social inequality? What, in your opinion, is the cause of social inequality? What types of social inequality are most common in the modern world? What forms and types of social inequality are most common in modern Russian society? How often do you encounter the following manifestations of social inequality? How do you feel about the problem of global social inequality? and a number of others.

A detailed analysis of the answers to these and other questions presented in the article showed that social inequality is recognized by students as an urgent social problem, which, unfortunately, the authorities do not pay enough attention to.

Key words: *social inequality, students' perceptions, forms and types of social inequality, global social inequality, economic inequality, access inequality, discrimination, social exclusion.*

Одним из важных и перспективных направлений современных социологических исследований является изучение представлений студенческой молодежи о сущности и различных формах социального неравенства, имеющих место как в России, так и в современном мире[1]. Актуальность изучения данной тематики не вызывает сомнения, поскольку в настоящее время социальное неравенство давно уже стало "глобальной социальной проблемой, отягощающей жизнь не только членам отдельных обществ в региональном масштабе, но и угрожающей всему мировому сообществу"[2]. Как осмысляют проблематику "социального неравенства" и следующей за ним "социальной несправедливости" молодые люди? Понимают ли они суть этих процессов и явлений? Или же просто являются объектом манипулятивного воздействия со стороны различных неоднозначных субъектов общественной жизнедеятельности[3], воспроизводя специально сконструированные штампы, лозунги и шаблоны, внедренные в их сознание этими субъектами[4]? На все эти вопросы необходимо получить ответы, которые важны для совершенствования процесса и механизмов осуществления молодежной политики в нашей стране[5], для восполнения тех пробелов, которые очевидны в ее реализации.

С этой целью в 2019 г. на социологическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова в рамках регулярно осуществляемого (с 2013 г.) мониторинга представлений московской студенческой молодежи о социально-политических процессах, институтах социализации

---

[1] *Осипова Н.Г.* Социальное неравенство в современном мире // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2019. Т. 25. № 4.

[2] *Osipova N.G.* The global inequality: genesis, evolution, institutions and forms // Socioloska Luca. Journal of Sociology, social anthropology, social demography and social psychology. 2013. Vol. 2. N VII.

[3] *Osipova N.G., Elishev S.O., Pronchev G.B.* Mass information media and propaganda mouthpiece as a tool for manipulating and social inequality factor among the young people // Astra Salvensis. 2018. Vol. 6.

[4] *Pronchev G.B., Proncheva N.G., Goncharova I.V.* Modern management of media environment: negative effects for the society of today // Journal of Environmental Treatment Techniques. 2019. Vol. 7. N 4.

[5] *Елишев С.О.* Социальное манипулирование молодёжью. М., 2018.

и субъектах молодежной политики[6] было проведено социологическое исследование. В процессе исследования ряд вопросов были направлены на выявление отношения студентов московских вузов к проблеме социального неравенства[7], к его различным видам и формам проявления в современном мире[8].

В ходе проведения исследования с 15 апреля по 5 мая 2019 г. было опрошено 811 студентов 50 "гуманитарных" и 50 "естественных" факультетов высших учебных заведений. В их числе: МГУ имени М.В. Ломоносова, РАНХиГС, МПГУ, МГПУ, МГТУ ГА, АГЗ МЧС России, РУДН, МГУКИ, МГТУ имени Н.Э. Баумана, РАМ имени Гнесиных, МГХПА имени С.Г. Строганова, МГАВМиБ имени К.И. Скрябина, МГЮА, МГЛУ, Финансовый Университет при Правительстве РФ, Академия ФСБ России, БВШД, Первый Московский государственный медицинский университет имени И.М. Сеченова, ИЖЛТ, МГИМО, МЭСИ, МИФИ, МАИ, МИИТ, РГУНиГ имени И.М. Губкина, МГАУ-МСХА имени К.А. Тимирязева, МФТИ, ГУУ, МУ МВД России имени В.Я. Кикотя, ПСТГУ, РХТУ имени Д.И. Менделеева, РТА, РЭУ имени Г.В. Плеханова, МАТИ-РГТУ имени К.Э. Циолковского, ВАВТ, НИУ ВШЭ.

По социально-демографическим признакам и социально-экономическим параметрам состав выборочной совокупности выглядел следующим образом. 45,6% опрошенных молодых людей составляли лица мужского пола, а 54,4% — женского.

60,4% опрошенных (т.е. более половины из них) составили молодые люди в возрасте от 18 до 22 лет, 18,9% — от 23 до 26 лет, 13,3% — от 14 до 18 лет, 7,4% — от 27 до 30 лет.

---

[6] *Елишев С.О., Таланова К.С.* Результаты социологического исследования "Ценностные ориентации современной российской молодёжи, особенности процесса их формирования и осуществления молодёжной политики" // Социологические исследования социальных проблем современного российского общества. Т. 1. М., 2014; *Осипова Н.Г., Елишев С.О., Прончев Г.Б., Монахов Д.Н.* Особенности процесса формирования ценностных ориентаций современной российской молодежи и осуществления молодежной политики в Российской Федерации (результаты социологического исследования): Монография. М., 2016; *Осипова Н.Г., Елишев С.О., Прончев Г.Б.* Динамика представлений российской студенческой молодежи о социально-политических процессах, институтах социализации и субъектах осуществления молодежной политики в период с 2013 по 2017 г.: Научная монография. М., 2018.

[7] *Осипова Н.Г.* Неравенство в эпоху глобализации: сущность, институты, региональная специфика и динамика // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2014. № 2.

[8] *Осипова Н.Г., Вершинина И.А., Мартыненко Т.С.* Неравенство и неопределенность: современные вызовы для городов // Социологические исследования. 2019. № 1.

В 2018 г. 21,5% опрошенных вовсе не имели доходов, 19,5% — имели доход от 5000 до 15000 рублей, 16,6% — имели доход свыше 45000 рублей, 15,9% — от 15000 до 30000 рублей, 13,9% — от 30000 до 45000 рублей, 6,5% — от 0 до 2000 рублей, 6% — от 2000 до 5000 рублей.

38,4% опрошенных оценили уровень своей материальной обеспеченности как средний, 22,8% — ниже среднего, 12,3% — выше среднего, 12,3% — как низкий, 6,9% — как высокий, 7,4% — затруднились дать ответ на поставленный вопрос.

Среди опрошенных респондентов 13,4% имеют собственное жилье (квартиру(ы), дачу или дома). 86,6% не имеют собственного жилья.

По отношению к вере и религии, к конфессиональной принадлежности, а также по членству в политических партиях и движениях представители московской студенческой молодежи распределились следующим образом.

Большинство студентов (29,4%), считают религию важным аспектом в жизни, но не соблюдают религиозные обряды, 19,4% — считают религию важным аспектом в жизни и соблюдают религиозные обряды, 17,8%, хотя и назвали себя неверующими, но все же считают религию важным аспектом в жизни общества.

Менее чем каждый пятый студент (18,6%) является неверующим, считающим религию бесполезным аспектом в жизни общества. При этом 13% опрошенных затруднились с ответом на данный вопрос, а 1,9% студентов дали иные ответы.

Из числа опрошенных 58,8% определили себя как православных верующих, 9% — как последователей ислама, 8,8% — как протестантов, 3,2% — как последователей иудаизма, 2% — как католиков, 2% — как буддистов, 0,8% — как членов новых религиозных движений, 14,1% — затруднились ответить на поставленный вопрос, 1,2% дали другой ответ.

Подавляющее большинство опрошенных — 95,9% не состоят в какой-либо партии или организации. Лишь 4,1% от общего числа респондентов ответили, что являются членами политических партий, движений, организаций.

Ответы студентов на основные вопросы в отношении социального неравенства позволили установить следующее.

Более половины студентов (58,4%) считают, что в современном мире имеет место острое социальное неравенство. При этом почти четверть респондентов (23,7%) отрицают сам факт его наличия, а 18% опрошенных затруднились с ответом на вопрос о его присутствии или отсутствии в современном мире (см. рис. 1).

Рис. 1.

Среди причин, лежащих в основе социального неравенства, половина студентов (50,1%) отметила именно социальные причины, которые вышли на первое место среди причин социального неравенства в мире (по оценкам студентов). О том, что в основе социального неравенства лежат экономические причины ответили 45,5% респондентов. Политические и индивидуальные причины социального неравенства получили 38,6% и 24,3% ответов соответственно. 13,3% опрошенных затруднились с определением причин, лежащих в основе социального неравенства (см. рис. 2).

Рис. 2.

Анализ ответов студентов на вопрос “Чем на Ваш взгляд обусловлено социальное неравенство?” показал, что по мнению студен-

тов московских вузов, социальное неравенство в большей степени обусловлено обладанием властью (47,8% ответов), имущественным различием (45,6% ответов), различием статусов, которые люди получают по рождению (44,9% ответов). Чуть в меньшей степени оно связано с дискриминацией (36,4% ответов), природой человека (32% ответов). Также оно обусловлено различием в умственных способностях (29,3% ответов), профессиональной принадлежностью (28,6% ответов), разницей в физических способностях (20,9%), разницей в особенностях психики (19,3% ответов). Гораздо меньшая часть студентов (лишь каждый девятый из них) придерживается мнения, что социальное неравенство обусловлено разделением общественного труда (9,3%). 5,9% опрошенных затруднились с ответом на данный вопрос, а 1% — считает, что оно обусловлено другими причинами и обстоятельствами (см. рис. 3).

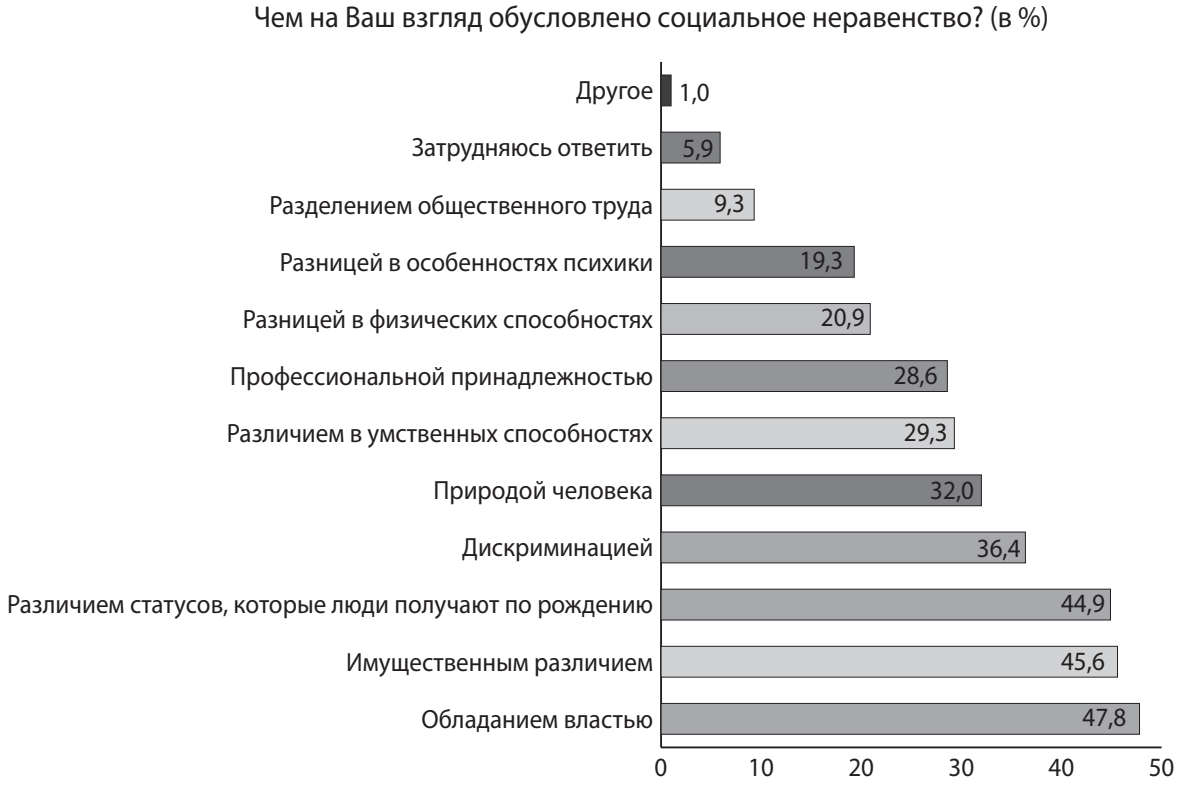

Рис. 3.

Весьма интересными оказались представления студентов о видах социального неравенства, распространенных в современном мире[9]. По их мнению, самым распространенным видом социального неравенства в современном мире является экономическое неравенство (64,1% ответов).

---

[9] *Осипова Н.Г.* Неравенство в эпоху глобализации: сущность, институты, региональная специфика и динамика // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2014. № 2.

Затем достаточно распространенным, по мнению студентов, является неравенство доступа к определенным нематериальным благам (44,8% ответов), неравенство жизненных шансов и возможностей (40,3% ответов), классовое неравенство (33,8% ответов), этническое, национальное неравенство (31% ответов), половое неравенство (29,4% ответов), расовое неравенство (27,7% ответов), социальная эксклюзия (27,4%), возрастное неравенство (22,8%), религиозное неравенство (18,6%), кастовое неравенство (10,5%), цифровое неравенство (9,6%).

5,5% опрошенных затруднились дать какой-либо ответ на вопрос о том, какие из видов социального неравенства наиболее распространены в современном мире, 0,3% — дали иные ответы (см. рис. 4).

Рис. 4.

На следующий вопрос “Какие формы и виды социального неравенства наиболее распространены в современном российском обществе?” ответы студентов распределились следующим образом. На первом месте по распространенности стоит экономическое неравенство. Так, более двух третей (69,1%) молодых людей считают сильно распространенным в современном российском обществе экономическое неравенство. О распространенности в России данного вида неравенства также заявили 23,2% студентов. О нераспростра-

ненности данного вида неравенства заявили лишь 3,1% студентов, 4,5% — затруднились с ответом.

На втором месте по степени распространенности в современном российском обществе, по мнению московских студентов, находится неравенство доступа к определенным нематериальным благам (о его сильном распространении заявили 36,6% студентов, о распространенности — 36%).

На третьем месте — неравенство жизненных шансов и возможностей (о его сильном распространении заявили 33,8% студентов, о распространенности — 40,3%).

На четвертом месте — религиозное неравенство. 28,6% студентов отметили сильную распространенность данного вида неравенства, 25,9% — распространенность, хотя одна треть студентов (33,2%) усомнилась в этом.

На пятом месте по степени распространенности в современном российском обществе, по мнению студентов московских вузов, находится классовое неравенство: о его сильном распространении заявили 27,5% студентов, о распространенности — 40,7%. На шестом месте — гендерное неравенство (21,8% ответов — о его сильном распространении и 31,6% — просто о распространенности). На седьмом месте — возрастное неравенство (20,4% ответов — о сильной степени распространенности и 33,2% ответов — о распространенности).

На восьмом месте, по мнению студентов московских вузов, находится этническое, национальное неравенство (19,1% ответов — о сильной степени распространенности и 42,2% ответов — о распространенности). На девятом — расовое неравенство (15,9% ответов — о сильной степени распространенности и 32,4% ответов — о распространенности). На десятом — цифровое неравенство (13,2% ответов — о сильной степени распространенности и 25,6% ответов — о распространенности). На последнем одиннадцатом месте — кастовое неравенство (8,6% ответов — о сильной степени распространенности и 22% ответов — о распространенности) (см. рис. 5).

Ответы студентов также показали, что с проявлениями экономического неравенства постоянно сталкиваются 23,8% московских студентов, часто — 22,6% молодых людей, периодически — 25,4%, очень редко — 17,5%. 10,7% молодых людей заявили, что никогда не сталкивались с проявлением экономического неравенства.

22,4% студентов постоянно сталкиваются с неравенством доступа к определенным нематериальным благам; часто — 20,6%; периодически — 26,6%, очень редко — 17,3%, никогда — 13,1%.

Рис. 5.

С неравенством жизненных шансов и возможностей постоянно сталкиваются 20,6% студентов, часто — 21,1%, периодически — 26,5%, очень редко — 17,8%, никогда — 14%.

11,6% молодых людей постоянно сталкивается с классовым неравенством, часто — 15,9%, периодически — 26,4%, очень редко — 27,4%, никогда — 18,7%.

9,1% студентов отметили, что постоянно сталкивается с гендерным неравенством, часто — 15,4%, периодически — 26,8%, очень редко — 23,3%, никогда — 25,4%.

9,9% опрошенных постоянно сталкивается с возрастным неравенством, часто — 14,3%, периодически — 27,1%, очень редко — 22,9%, никогда — 25,7%.

С проявлениями этнического, национального неравенства постоянно сталкиваются лишь 7% московских студентов, часто — 11,9% молодых людей, периодически — 30,8%, очень редко — 23,2%, 27% — никогда.

О постоянных проявлениях религиозного неравенства заявили всего 7,7% молодых людей, о частых — 11,3%, о периодических — 24%, а об очень редких — 24,5%. При этом почти треть (32,5%) студентов никогда не сталкивалась с проявлениями религиозного неравенства.

7% молодых людей, по их утверждениям, постоянно сталкиваются с проявлениями расового неравенства, часто — 12%, периодически — 23,3%, очень редко — 24,6%, никогда — 33,2%.

8,5% московских студентов постоянно сталкиваются с фактами цифрового неравенства, часто — 11,8%, периодически — 19,7%, очень редко — 22,6%, никогда — 37,4%.

3,8% опрошенных постоянно ощущают наличие социальной эксклюзии, 7,7% — часто, периодически — 24,6%, очень редко — 25,4%, никогда — 38,6%.

С проявлениями кастового неравенства постоянно, по их мнению, сталкиваются 5,5% московских студентов, 7,2% — часто, 21,4% — периодически, 22,8% — очень редко, никогда — 43,2% (см. рис. 6). Хотя, следует отметить, что все они достаточно слабо представляют себе суть подобного неравенства.

Рис. 6.

Заслуживают пристального внимания представления студентов о причиных тяжелого положения людей, оказавшихся за чертой бедности[10]. По мнению более половины молодых людей главной причиной такого положения является безработица (56,1% ответов). На втором месте среди отмеченных причин — алкоголизм (54,9%

[10] *Сычева В.С.* Бедность и ее измерение // Социология: методология, методы, математические модели. 2001. № 14.

ответов), хотя, возможно, что эти две причины взаимосвязаны, поскольку число студентов, указавших на них почти одинаково. На третьем месте — лень и неприспособенность к жизни — 44,2% ответов, на четвертом — проживание в бедном регионе (40,6% ответов), на пятом — низкий образовательный уровень (35,2%). На последнем, шестом месте — семейные несчастья (23,3% ответов) (см. рис. 7).

Рис. 7.

57% молодых людей выразили свое отрицательное отношение к проблеме глобального социального неравенства. 26,3% студентов относятся к данной проблеме нейтрально и лишь 8,2% — положительно, т.е. примерно столько же, сколько и воздержалось от оценки данной проблемы — 8,5% ответов (см. рис. 8).

Рис. 8.

По мнению почти половины опрошенных (49,7% ответов) материальный достаток людей в России напрямую зависит от региона их проживания. Однако более трети молодых людей (36,1% ответов) выразили свое несогласие с этим тезисом. 14,3% студентов затруднились с ответом (см. рис. 9).

Рис. 9.

С утверждением о том, что профессия человека предопределяет его положение в обществе, согласна почти половина (48,7%) молодых людей, а чуть более трети (36,4%) — с этим категорически не согласна. 14,9% студентов затруднились с обозначением свой позиции по данному поводу (см. рис. 10).

Рис. 10.

Большинство опрошенных, 46%, молодых людей считают, что инвалиды ущемлены в различных своих правах. 35,5% студентов так не считают, придерживаясь противоположной точки зрения. 18,5% респондентов затруднились выразить свое мнение по данному поводу (см. рис. 11).

Рис. 11.

На взгляд почти двух третей студентов московских вузов (62,8%) власти не уделяют должного внимания решению проблемы социального неравенства. В то же время, 22,1% молодых людей не согласны с ними и считают, что нынешняя власть оказывает достойное внимание проблеме социального неравенства. В то же время, 15,1% не смогли выразить свою позицию по данному вопросу. (см. рис. 12).

Рис. 12.

Результаты исследования показали, что половина опрошенных студентов (50,4%) являются реалистами и считают, что искоренить социальное неравенство не представляется возможным. Почти треть студентов, 29,2%, являются оптимистами и считают, что искоренить социальное неравенство все же можно. Пятая часть (20,4%) молодых людей затруднилась с ответом на данный вопрос. (см. рис. 13).

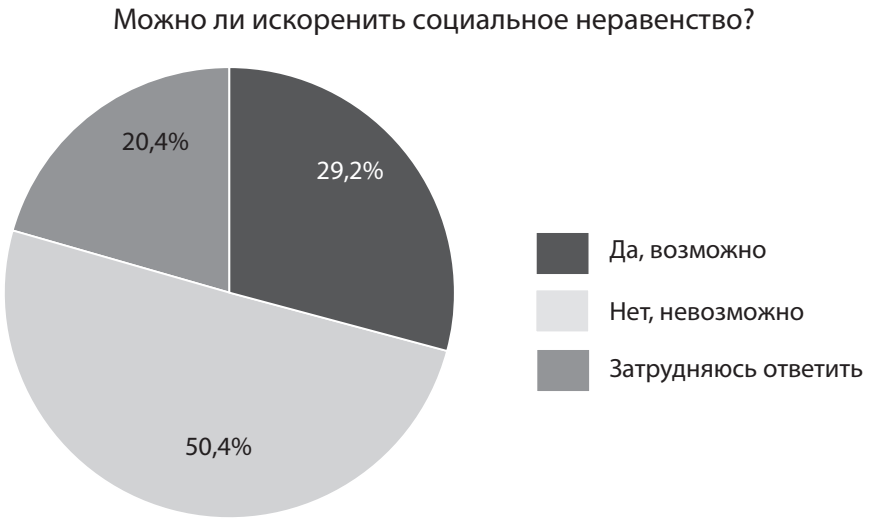

Рис. 13.

Таким образом, проведенное исследование представлений студентов московских вузов о социальном неравенстве в России и современном мире, показало, что данная категория респондентов, безусловно, осознает важность проблемы социального неравенства как в мире, так и в России. Его причинами, по мнению студентов, являются не индивидуальные особенности людей, а, прежде всего, причины социального, экономического и политического порядка. В то же время, на рост социального неравенства также оказывают влияние такие факторы, как различия в умственных способностях людей, профессиональная принадлежность, психические и физические их особенности. Самым распространенным видом неравенства как в мире, так и в России, студентами признается экономическое неравенство, достаточно распространенными, по их мнению, являются неравенство доступа к определенным материальным благам и неравенство жизненных шансов и возможностей. Интерес также вызывает тот факт, что значительная часть студентов достаточно распространенным, в том числе и в российском обществе, назвала расовое, а также кастовое неравенство, хотя конкретными представлениями о способах проявления данных видов неравенства студенты не обладают. Число студентов, давших положительный ответ по поводу распространенности

цифрового неравенства, пока что невелико — всего 9%. Со многими видами неравенства студенты московских вузов сталкиваются постоянно или периодически. К проблеме глобального социального неравенства москровские студенты относятся отрицательно, не верят в возможности его искоренения, особенно потому, что, по их мнению, власти не оказывают должного внимания этой проблеме.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Елишев С.О. Социальное манипулирование молодёжью. М., 2018.

Елишев С.О., Таланова К.С. Результаты социологического исследования "Ценностные ориентации современной российской молодёжи, особенности процесса их формирования и осуществления молодёжной политики" // Социологические исследования социальных проблем современного российского общества. Т. 1. М., 2014. С. 64–129.

Осипова Н.Г. Неравенство в эпоху глобализации: сущность, институты, региональная специфика и динамика // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2014. № 2. С. 22–46. DOI: 10.24290/1029-3736-2014-0-2-119-141.

Осипова Н.Г. Социальное неравенство в современном мире // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2019. Т. 25. № 4. С. 124–153. DOI: 10.24290/1029-3736-2019-25-4-124-153.

Осипова Н.Г., Вершинина И.А., Мартыненко Т.С. Неравенство и неопределенность: современные вызовы для городов // Социологические исследования. 2019. № 1. С. 153–155. DOI: 10.31857/S013216250003758-6.

Осипова Н.Г., Елишев С.О., Прончев Г.Б. Динамика представлений российской студенческой молодежи о социально-политических процессах, институтах социализации и субъектах осуществления молодежной политики в период с 2013 по 2017 г.: Научная монография. М., 2018.

Осипова Н.Г., Елишев С.О., Прончев Г.Б., Монахов Д.Н. Особенности процесса формирования ценностных ориентаций современной российской молодежи и осуществления молодежной политики в Российской Федерации (результаты социологического исследования): Монография. М., 2016.

Сычева В.С. Бедность и ее измерение // Социология: методология, методы, математические модели. 2001. № 14. С. 176–188.

REFERENCES

Elishev S.O. Social'noe manipulirovanie molodjozh'ju [Social manipulation of youth]. M., 2018 (in Russian).

Elishev S.O., Talanova K.S. Rezul'taty sociologicheskogo issledovaniya "Cennostnye orientacii sovremennoj rossijskoj molodyozhi, osobennosti processa ih formirovaniya i osushchestvleniya molodyozhnoj politiki" [Results of sociological research "Value orientations of modern Russian youth, peculiarities of their formation and implementation of youth policy"] // Sociologicheskie issledovaniya social'nyh problem sovremennogo rossijskogo obshchestva. Vol. 1. M., 2014. P. 64–129 (in Russian).

Osipova N.G. Neravenstvo v epohu globalizacii: sushchnost', instituty, regional'naya specifika i dinamika [Inequality in the era of globalization: essence,

institutions, regional specificity and dynamics] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18: Sociologiya i politologiya. 2014. N 2. P. 22–46. DOI: 10.24290/1029-3736-2014-0-2-119-141 (in Russian).

Osipova N.G. Social'noe neravenstvo v sovremennom mire [Social inequality in the modern world] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya. 2019. Vol. 25. N. 4. P. 124–153. DOI: 10.24290/1029-3736-2019-25-4-124-153 (in Russian).

Osipova N.G., Vershinina I.A., Martynenko T.S. Neravenstvo i neopredelennost': sovremennye vyzovy dlya gorodov [Inequality and uncertainty: modern challenges for cities] // Sociologicheskie issledovaniya. 2019. N 1. P. 153–155. DOI: 10.31857/S013216250003758-6 (in Russian).

Osipova N.G., Elishev S.O., Pronchev G.B. Dinamika predstavlenij rossijskoj studencheskoj molodezhi o social'no-politicheskih processah, institutah socializacii i sub"ektah osushchestvleniya molodezhnoj politiki v period s 2013 po 2017 g.: Nauchnaya monografiya [Dynamics of ideas of Russian students about socio-political processes, institutions of socialization and subjects of youth policy in the period from 2013 to 2017: Scientific monograph]. M., 2018 (in Russian).

Osipova N.G., Elishev S.O., Pronchev G.B., Monahov D.N. Osobennosti processa formirovaniya cennostnyh orientacij sovremennoj rossijskoj molodezhi i osushchestvleniya molodezhnoj politiki v Rossijskoj Federacii (rezul'taty sociologicheskogo issledovaniya): Monografiya [Features of the process of formation of value orientations of modern Russian youth and implementation of youth policy in the Russian Federation (results of sociological research): Monograph]. M., 2016 (in Russian).

Osipova N.G. The global inequality: genesis, evolution, institutions and forms // Socioloska Luca. Journal of Sociology, social anthropology, social demography and social psychology. 2013. V. 2. N VII.

Osipova N.G., *Elishev S.O.*, *Pronchev G.B.* Mass information media and propaganda mouthpiece as a tool for manipulating and social inequality factor among the young people // Astra Salvensis. 2018. Vol. 6.

Pronchev G.B., *Proncheva N.G.*, *Goncharova I.V.* Modern management of media environment: negative effects for the society of today // Journal of Environmental Treatment Techniques. 2019. Vol. 7. N 4. P. 836–840.

Sycheva V.S. Bednost' i ee izmerenie [Poverty and its measurement] // Sociology: methodology, methods, mathematical models. 2001. N 14. P. 176–188 (in Russian).

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

DOI: 10.24290/1029-3736-2020-26-3-24-42

ФАКТОРЫ СОЦИАЛЬНОГО САМОЧУВСТВИЯ ЖИТЕЛЕЙ РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ

В.А. Смирнов, докт. социол. наук, доц., проректор по стратегическим коммуникациям Костромского государственного университета, ул. Дзержинского, д. 17, г. Кострома, Российская Федерация, 156005*

В статье анализируются особенности социального самочувствия жителей российской провинции, исследуются релевантные факторы, оказывающие влияние на его уровень и направленность.

Автор указывает на то, что социокультурные особенности периферии имеют существенное значение для субъективного восприятия людьми успешности своей жизни. В статье делается вывод о том, что социальное самочувствие жителей российской провинции в значительной степени определяется возрастом респондентов. Россияне среднего и старшего возраста значительно реже воспринимают свой социальный статус как высокий, редко имеют высокую самооценку и видят возможности для самореализации в будущем.

На социальное самочувствие жителей российской провинции также оказывают существенное влияние уровень образования, готовность к постоянному саморазвитию и образованию на протяжении всей жизни, субъективная оценка собственного материального благополучия, а также степень социальной интеграции человека и поддержка его со стороны ближайшего окружения и местного сообщества.

На основании проведенного анализа делается вывод о низкой эффективности социальной политики Российского государства и общества, необходимости развития социальных институтов, ориентированных на формирование у жителей России компетенций "заботы о себе" на протяжении всей жизни.

Ключевые слова: *социальное самочувствие, российская провинция, жизнестойкость, социальная политика.*

* **Смирнов Владимир Алексеевич,** e-mail: kano_igt@mail.ru

FACTORS OF PUBLIC WELL-BEING OF RESIDENTS OF THE RUSSIAN PROVINCE

Smirnov Vladimir A., Doctor of Sociology, Associate Professor, Vice-Rector for Strategic Communications, Kostroma State University, st. Dzerzhinsky, d. 17, Kostroma, Russian Federation, 156005, e-mail: kano_igt@mail.ru

The article analyzes the features of the social well-being of the residents of the Russian province, examines the relevant factors that influence its level and direction.

The author points out that the socio-cultural features of the periphery are essential for people's subjective perception of the success of their lives. The article concludes that the social well-being of residents of the Russian province is largely determined by the age of the respondents. Middle-aged and older Russians are much less likely to perceive their social status as high, rarely have high self-esteem, and see opportunities for self-realization in the future.

The social well-being of residents of the Russian province is also significantly influenced by the level of education, readiness for continuous self-development and education throughout life, subjective assessment of their own material well-being, as well as the degree of social integration of a person and support from the immediate environment and the local community.

Based on the analysis, the author concludes that the social policy of the Russian state and society is not very effective, and that it is necessary to develop social institutions that focus on the formation of "self-care" competencies for Russian residents throughout their lives.

Key words: *social well-being, Russian province, resilience, social policy.*

Введение

Социальное самочувствие традиционно выступает валидным индикатором изменений, происходящих в том или ином обществе. Направленность социальных ожиданий людей, самооценка ими своего благополучия и статуса, социальный оптимизм или пессимизм по поводу будущего, все это позволяет увидеть латентные процессы, которые наряду с очевидными социальными и экономическими индикаторами позволяют определить текущее состояние конкретного сообщества.

Концептуально понятие "социальное самочувствие" чаще всего описывается как один из важнейших элементов социальных настроений, характеризующих совокупность факторов, определяющих дискурсивное и практическое поведение той или иной социальной группы или общества в целом[1]. При этом, в отличие от социального настроения, которое описывает аффективные, эмоциональные со-

[1] *Тощенко Ж.Т.* Социальное настроение — феномен современной социологической теории и практики // Социологические исследования. 1998. № 1. С. 21–35.

стояния того или иного сообщества, термин “социальное самочувствие” репрезентирует когнитивные и поведенческие характеристики жизненной стратегии человека. “Социальное самочувствие — это интегральная характеристика реализации жизненной стратегии личности, субъективных ее сторон. Социальное самочувствие понимается как синдром сознания, отражающий соотношение между уровнем притязаний и степенью удовлетворения потребностей субъекта, которые представлены как когнитивные формирования. Мы склонны рассматривать социальное самочувствие как важный механизм рефлективного социального знания, используемого агентом социального действия в организации социального типа”[2].

Феномен социального самочувствия тесным образом связан с понятием общественное (социальное) здоровье[3], уровень которого становится, несомненно, важным индикатором удовлетворенности людей своей жизнью.

Традиционно феномен социального самочувствия рассматривается в российской социологии как применительно к обществу в целом[4], так и к отдельным социальным группам. Это и социальное самочувствие российской молодежи[5], и особенности самовосприятия и самооценки людей старшего поколения[6], и анализ социального самочувствия отдельных профессиональных групп россиян[7].

---

[2] *Петрова Л.Е.* Социальное самочувствие молодежи // Социологические исследования. 2000. № 12. С. 50–55.

[3] См. например: *Осипова Н.Г.* Социальное конструирование общественного здоровья // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2016. № 4. С. 119–141.

[4] См. например: *Воронин Г.Л.* Социальное самочувствие россиян (1994–1996 гг.) // Социологические исследования. 2001. № 6. С. 59–60; *Лапин Н.И.* Как чувствуют себя, к чему стремятся граждане России // Мир России. 2003. № 1. С. 121–145; *Крупец Я.Н.* Социальное самочувствие как интегральный показатель адаптированности // Социологические исследования. 2003. № 4. С. 143–144.

[5] *Давыдова Е.В.* Измерение социального самочувствия молодежи. М., 1992; *Елишев С.О.* Молодежь как объект социализации и манипуляции. М., 2015; Социальное самочувствие молодежи Свердловской области в 2015 году: итоги социологического исследования. Коллективная монография / Под общ. ред. Ю.Р. Вишневского, Д.Ю. Нархова. Екатеринбург, 2016.

[6] *Ковалева Н.Г.* Пожилые люди: социальное самочувствие // Социологические исследования. 2001. № 7. С. 73–79; *Краснова О.В., Лидерс А.Г.* Социальная психология старости. М., 2002; Социальное самочувствие и положение пожилых людей в регионе / Под ред. Н.М. Байкова, Л.В. Кашириной. Хабаровск, 2012.

[7] *Ахметшина Е.Р., Клюева Т.В., Полетаева О.В.* Образ жизни и социальное самочувствие свободно занятых работников: межрегиональное сравнение // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2016. № 4. С. 172–193; *Рубина Л.Ф.* Профессиональное и социальное самочувствие учителей // Социологические исследования. 1996. № 6. С. 63–75.

В западной социологии для анализа социального самочувствия используется понятие “субъективное благополучие”, которое в большей степени носит социально-психологический характер и проявляется в трех компонентах: когнитивный (это отношение к себе и окружающей действительности, удовлетворенность жизнью), позитивный и негативный аффект (как комплекс реакций на события внешней среды)[8].

Таким образом, можно констатировать, что и в российской, и в западной социальной науке феномен социального самочувствия рассматривается скорее как социальный аттитюд (социальная установка), который проявляет себя на трех уровня: когнитивном (отношение к себе, своему социальному статусу), аффективном (эмоциональное восприятие ситуации, уверенности в своих силах и способностях изменить социальную ситуацию) и поведенческом (социальное поведение, ориентированное на изменение своего социального положения).

Не смотря на широкий спектр работ, посвященных проблемам социального самочувствия, в отечественной социологии попрежнему не хватает эмпирических исследований, ориентированных на изучение особенностей жизнедеятельности россиян, проживающих в социокультурном пространстве провинции. Ранее мы неоднократно отмечали тот факт, что жизненные возможности, жизненные траектории и стили жителей периферии значительно отличаются от жизненных стратегий и повседневных практик жителей столицы и мегаполисов. Это, несомненно, оказывает влияние и на социальное самочувствие жителей российской провинции, анализу которого и посвящена настоящая статья.

Информационная база исследования

В основу данной статьи положены результаты “Мониторинга социального самочувствия населения — 2018”, проведенного Институтом социального анализа и прогнозирования Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации в 2018 г. Методология исследования — массовый репрезентативный анкетный опрос, выборка — 1600 человек. Исследование проведено в 27 регионах РФ. Первичные данные исследования находятся в открытом доступе на портале социологических

---

[8] См.: *Lyubomirsky S., King L., Diener E.* The benefits of frequent positive affect: does happiness lead to success? // Psychological Bulletin. 2005. Vol. 131. N 6. P. 803–855; *Ryff C., Singer B.* Know thyself and become what you are: A eudaimonic approach to psychological well-being // Journal of Happiness Studies. 2008. Vol. 9 (1). P. 13–39.

данных РАНХИГС [9]. Для настоящей статьи из выборки были исключены записи, касающиеся жителей Москвы, Московской области и Санкт-Петербурга. Для обработки и анализа данных использован свободно распространяемый язык программирования R.

Восприятие своего положения в обществе

Важный индикатор социального самочувствия — это степень включенности человека в социальные процессы, субъективная оценка своего положения в обществе, и его динамика. В данном случае речь не идет о формальном социальном статусе, а скорее о восприятии своего положения в обществе, которое измеряется не обязательно каким-то внешними индикаторами. Дело не в том, обладает ли человек какими-либо социальными ресурсами, высоким материальным благосостоянием, доступом к власти или занимает престижную социальную позицию. Важным является то, вовлечен ли он в какие-либо социальные процессы, ощущает ли себя частью сообщества и насколько это ощущение формирует его социальный оптимизм. Именно эти, во многом субъективные характеристики, формируют общую картину социального самочувствия. Участникам исследования было предложено оценить свое положение в обществе. Распределение ответов на данный вопрос в зависимости от возраста респондентов представлено на рис. 1.

На рис. 1 мы можем видеть то, каким образом изменяется субъективная оценка своего социального положения респондентами в зависимости от возраста. Социальный пессимизм (снижение высоких и рост низких оценок своего положения в обществе) возрастает в зависимости от возраста респондентов. При этом, на графике видно, что динамика субъективной оценки своего социального положения имеет очень выраженный характер (проведенный тест Краскела-Уоллесса позволяет констатировать статистически значимые различия в оценках между людьми разного возраста). Наибольший социальный оптимизм демонстрируют молодые люди, начиная с 18 лет и примерно до 31 года, после чего начинается постепенное снижение высоких оценок, при этом примерно с 45 лет происходит существенный рост числа респондентов, характеризующих свое положение в обществе как “низкое”. Средние оценки остаются практически неизменными во всех возрастных группах.

---

[9] Мониторинг социального самочувствия населения — 2018. URL: https://social.ranepa.ru/tsentry-i-instituty/institut-sotsialnogo-analiza-i-prognozirovaniya/issledovaniya/89-monitoring-sotsialnogo-samochuvstviya-naseleniya-2018 (дата обращения: 01.02.2020).

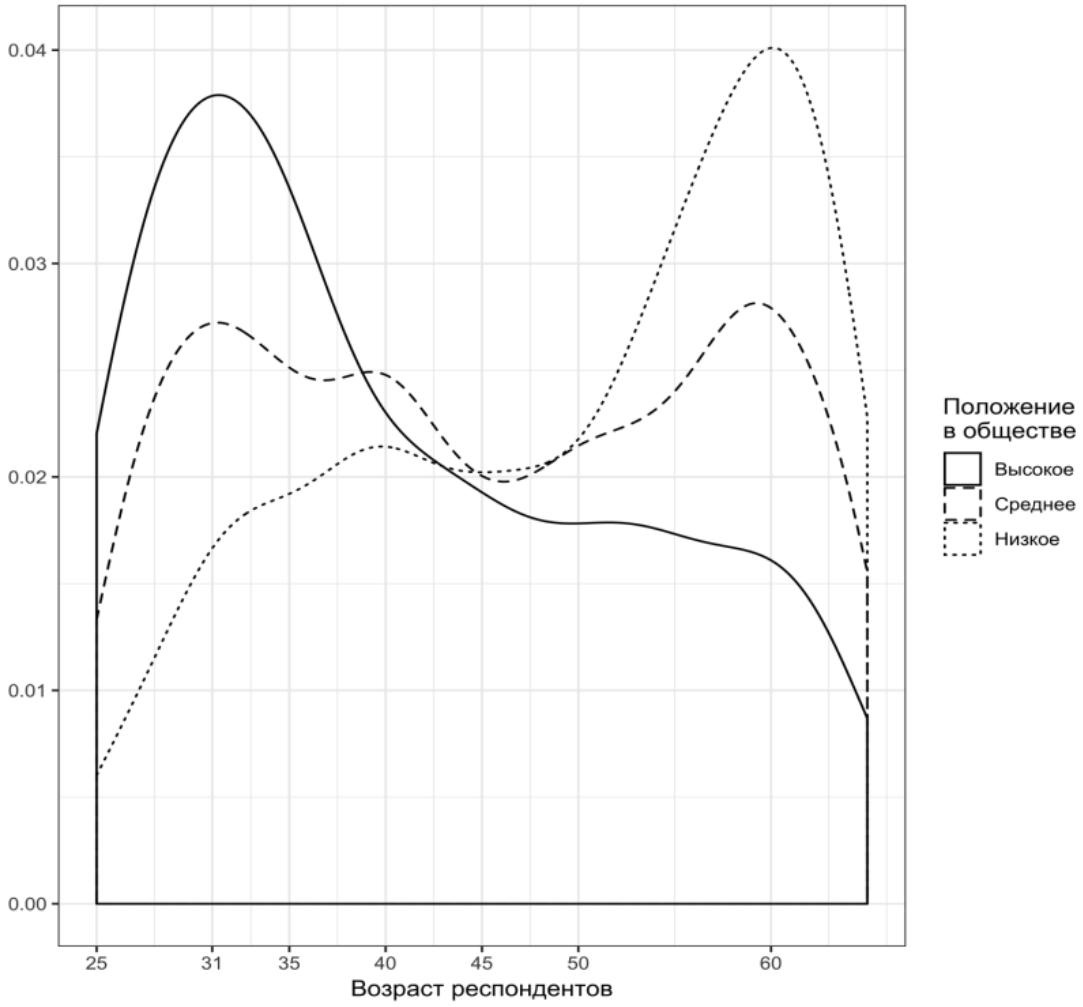

Рис. 1.

Что иллюстрирует данная ситуация?

Во-первых, мы можем констатировать, что "социальный оптимизм молодости", ощущение включенности в социальные процессы, ожидание или обладание высоким социальным статусом, которые демонстрируют молодые люди, вступают в противоречие с имеющейся социальной структурой российского общества, отсутствием институтов "социального сопровождения" человека на протяжении всей его жизни. Мы неоднократно обращали внимание[10] на тот факт, что государственная и общественная система сопровождения молодежного транзита (молодежная политика) России во многом дисфункциональна и функционирует в большинстве своем в акционно-мероприятийном формате, нежели как механизм вторичной социализации молодого человека и подготовки его к жизни в статусе "взрослого". Тот факт, что субъективная оценка своего социального положения снижается начиная с 30-летнего возраста, свидетельству-

[10] *Смирнов В.А.* Молодежная политика: опыт системного описания // Социологические исследования. 2014. № 3. С. 72–80.

ет о том, что значительная часть провинциалов в первые десятилетия самостоятельной жизни не смогла получить необходимые компетенции для успешной жизнедеятельности в среднем и старшем возрасте.

Во-вторых, представленный график демонстрирует тот факт, что сегодня в нашей стране отсутствует политика и институты народосбережения. Несмотря на то, что данная тематика достаточно активно актуализируется в общественном дискурсе в последнее время[11], тем не менее, конкретных технологий, направленных на сохранение и развитие социального и человеческого капитала россиян среднего и старшего возраста, нет. Учитывая демографические процессы, происходящие в нашей стране, это может стать фактором, определяющим конкурентоспособность России в ближайшие десятилетия. В данном контексте уместным будет указать на тот факт, что в нашей стране исторически не сформировалось культуры "заботы о себе" [12], в основе которой лежит понимание важности "сопровождения себя" на протяжении всей жизни и подготовка к старости как важнейшая задача для человека молодого и среднего возрастов. Именно поэтому для России так важно развитие государственных и общественных институтов социального сопровождения людей среднего и старшего возраста, встраивания их в постоянно меняющуюся социальную реальность.

В-третьих, не менее важным представляется и тот факт, что субъективная оценка своего социального положения имеет устойчивый характер. Так в частности, молодые люди значительно чаще, чем люди среднего и старшего возраста, говорят о том, что их социальное положение в обществе выросло за последние годы, они также полагают, что оно будет продолжать расти и далее, в то время как начиная с определенного возраста значительное число жителей российской провинции считают, что их положение в обществе снизится. Средний возраст респондентов, считающих, что их социальное положение высокое, что оно повысилось, и будет повышаться далее, составляет 34 года, 52,5 года — средний возраст респондентов, которые оценивают свое место в обществе как низкое, снижающееся и имеющее тенденцию к снижению в будущем.

В-четвертых, отметим, что при оценке своего положения в обществе мы не наблюдаем значимых различий между мужчинами и женщинами, проживающими в социокультурном пространстве

---

[11] Стратегия народосбережения в Российской Федерации до 2050 года (2019). URL: https://vrns.ru/narodozberejenie/5194 (дата обращения: 01.02.2020).

[12] Осмысление концепта "забота о себе", его генезис и динамика представлены, например, в: *Фуко М.* Герменевтика субъекта: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1981–1982 учебном году. СПб., 2007.

российской провинции. Вероятно, это связано с тем фактом, что возможные гендерные различия нивелируются социокультурными факторами, связанными с особенностями жизнедеятельности в пространстве российской периферии.

Самооценка своего социального потенциала и успешности

Субъективная оценка своего положения в обществе тесным образом связана с самооценкой человека и его готовностью действовать вопреки внешним обстоятельствам. Участникам исследования бы задан вопрос: “Могут ли такие люди как вы реализовать свои возможности и свой потенциал?”. Данный вопрос репрезентирует комплексную оценку человеком самого себя, восприятие себя как “победителя” или “неудачника”. Распределение ответов на него, в соответствие с возрастом и полом респондентов представлено на рис. 2.

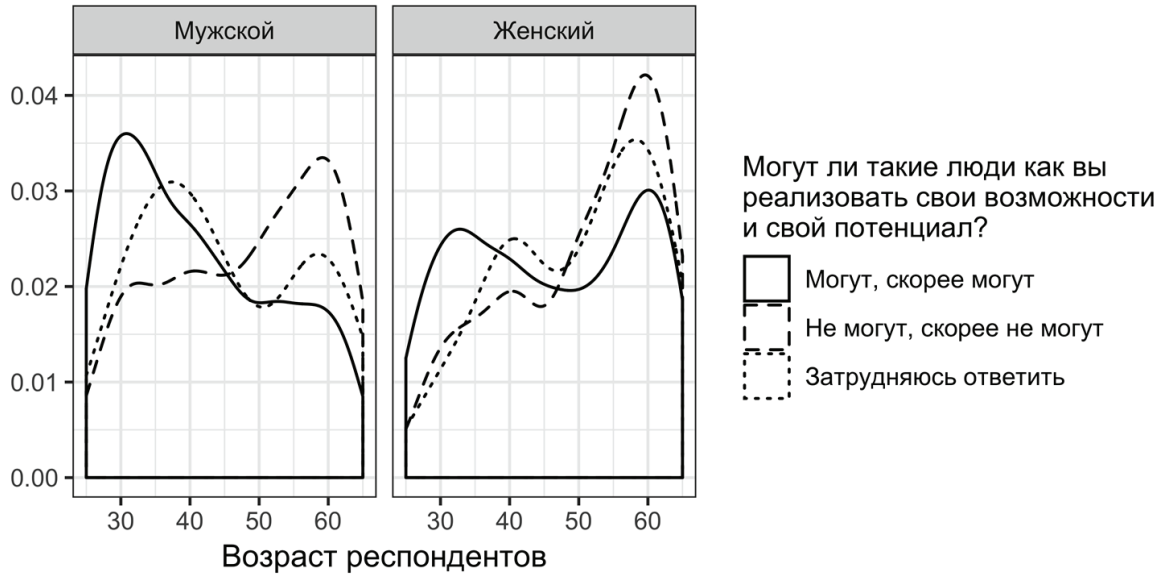

Рис. 2

Во-первых, мы можем видеть, что распределение уверенности в своих силах тесным образом связано с возрастом. Как и ранее, более оптимистичную позицию демонстрируют молодые люди, в то время как респонденты среднего и старшего возраста более умеренны в оценках.

Во-вторых, мы можем видеть, что самооценка респондентов связана с их полом. Действительно, молодые мужчины демонстрируют более высокий уровень уверенности, чем девушки, в то время как уровень неуверенности у них примерно одинаковый. Средний возраст и для мужчин, и для женщин во многом определяется сни-

жением уверенности в своих силах, но гораздо больший интерес представляет самооценка мужчин и женщин после 50 лет.

Как можно видеть, начиная примерно с 50 лет оценка своего потенциала и возможностей для реализации у женщин начинает возрастать, у мужчин такой тенденции не наблюдается. Другими словами, женщины среднего возраста в отличие от сверстников-мужчин находят внутренние ресурсы, позволяющие им более высоко оценивать свои возможности в жизни. В данном случае, по всей видимости, стоит говорить о сохранении в социокультурном пространстве российской провинции традиционных гендерных ролей. Несмотря на тот факт, что значительное число исследователей, а также СМИ и масс-культура убеждают нас в том, что мы живем в эпоху стирания гендерных границ, представленные результаты позволяют сделать противоположные выводы, по крайней мере относительно российской периферии. Для мужчины из российской провинции по-прежнему доминирующей остается карьерная, профессиональная траектория и именно поэтому возможность жизненной самореализации связана с ней. Естественным выглядит в этой ситуации снижение самооценки примерно с 50 лет, увеличение числа респондентов, полагающих, что они уже не смогут реализовать свой потенциал. Респонденты-женщины в большей степени ориентированы на реализацию себя в сфере семьи и именно 45–50-летний рубеж — это время, когда дети обретают самостоятельность, и возникает возможность для поиска себя в других сферах. Подобная гендерная жизненная динамика неоднократно выявлялась нами при анализе самых разных аспектов жизнедеятельности российского общества. Так в частности, анализируя социально-демографические особенности кандидатов и победителей выборов на должность глав местного самоуправления[13], мы отмечали, что в среднем возрасте число женщин, участвующих в муниципальных выборах в качестве кандидатов, значимо превышает число мужчин, что, несомненно, можно рассматривать как один из механизмов реализации собственного социального потенциала. Жизненная траектория российского мужчины из провинции, по всей видимости, по-прежнему остается линейной и тесным образом связанной с профессиональной карьерой. Неспособность определенной группы мужчин среднего возраста выйти за рамки жизненного сценария приводит к снижению поисковой активности[14], что, в свою

---

[13] *Смирнов В.А.* Социологический портрет кандидатов и победителей выборов на должность главы местного самоуправления в современной России // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2018. № 2. С. 106–123.

[14] *Аршавский В.В., Ротенберг В.С.* Поисковая активность и адаптация. М., 2015.

очередь, может быть одним из факторов того, что средний возраст жизни российского мужчины значительно меньше, нежели женщины (на 2017 г. разница между мужчинами и женщинами составляла порядка 10 лет)[15]. Все вышеизложенное ставит вопрос о трансформации российской социальной политики, о выделении в ней акмеологической составляющей как комплекса институтов и социальных технологий, способствующих повышению жизнестойкости россиян среднего и старшего возраста с учетом гендерных особенностей.

Как отмечается в целом ряде исследований российских социологов, сегодня в социокультурном пространстве российской провинции доминирует сценарий доживания, связанный со спадом активности, интереса к жизни, способности к самореализации и самоактуализации[16]. При этом, говоря о трансформации социальной политики государства в отношении людей среднего и старшего возраста, важно умело сочетать идеи тотального контроля, сопровождения и либерализации старения[17], ориентируясь скорее на создание условий для формирования сообществ пожилых людей, способных стать механизмами их самореализации и самоактуализации. Речь должна идти о своеобразном "третьем пути", избегающем как коллективного проживания в домах престарелых, так и физического одиночества в своем опустевшем доме или квартире.

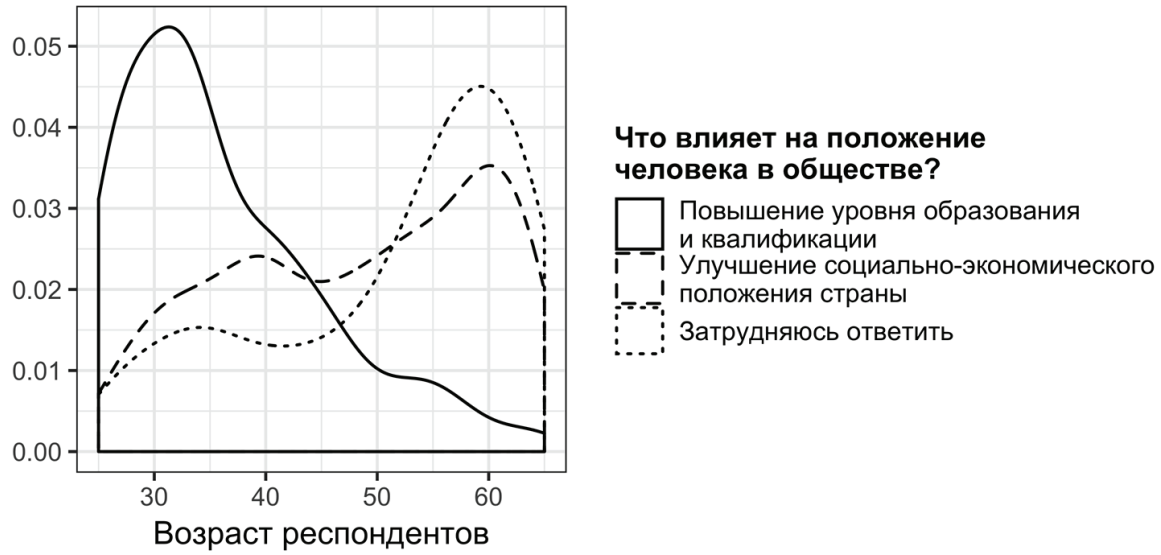

Рис. 3

[15] Естественное движение населения России (2020). URL: https://www.gks.ru/folder/12781 (дата обращения: 01.02.2020).

[16] *Рогозин Д.* Пять книг о либерализации старения (2013). UPL: http://postnauka.ru/books/11075 (дата обращения: 01.02.2020).

[17] См. например: Aging in community / Ed. by J.M. Blanchard, B. Anthony. Chapel Hill, 2013.

Не меньший интерес представляет анализ социальных механизмов, способных, по мнению респондентов, повлиять на их положение в обществе и самооценку. Представим распределение ответов респондентов на данный вопрос на рис. 3.

Для более наглядного представления стратифицирующих возрастные группы градаций признака мы убрали некоторые варианты ответа на данный вопрос, которые одинаково распределены среди всех респондентов. Представленная диаграмма позволяет сделать важные выводы.

Во-первых, отметим возрастную трансформацию локуса-контроля среди опрошенных россиян. Если повышение квалификации и уровня образования можно отнести к внутреннему локусу-контроля, то выбор параметра "улучшение социально-экономического положения страны", несомненно, свидетельствует об экстернальности респондентов, переносе ответственности за свое положение и свой успех с внутренних факторов, на внешние, которые не зависят от самого человека. Эта трансформация не такая значительная, тем не менее, на графике видно, что начиная примерно с 45 лет, количество респондентов, связывающих свой успех и свое положение в обществе с внешним фактором (изменением в стране) возрастает.

Во-вторых, тот факт, что значительное число респондентов в среднем и старшем возрасте практически не рассматривают образование как механизм повышения собственной эффективности, является серьезной социальной проблемой российского общества. Сегодня, когда знания и компетенции устаревают в течение нескольких лет, такая ситуация является не только фактором ухудшения социального самочувствия, но и может оказывать существенное влияние на социально-экономическое развитие отдельных регионов и страны в целом. Действительно, если постоянное повышение уровня образования и квалификации не рассматривается человеком как действенный механизм реализации своего потенциала и достижения определенного положения в обществе, значит, он не будет актуализироваться, что может привести к воспроизводству в отдельных сегментах экономики и социального управления неэффективных социальных практик. В то же время, такая ситуация может быть симптомом серьезных латентных дисфункций. Если в процессе структурации российского общества знания и компетенции не являются значимыми факторами, оказывающими влияние на воспроизводство и развитие социальной структуры, то, естественно, что и отдельный индивид в своей повседневности не будет рассматривать это как эффективный механизм самореализации. Отметим, что на уровне дискурсивных практик повышение уровня

образования, *lifelong lerning,* постоянное саморазвитие и т.д. являются доминирующими конструктами, которые актуализируются ежедневно на самых разных уровнях. При этом, на практике, особенно в социокультурном пространстве российской периферии, это остается не более чем социально-одобряемым дискурсом.

В-третьих, не менее важна динамика тех, кто затруднились с ответом. Начиная, примерно с 45-летнего возраста, количество респондентов, которые не видят никаких механизмов, способных улучшить их положение в обществе, значительно увеличивается. Данная ситуация — это, с одной стороны, индикатор снижающейся жизнестойкости, отсутствия мотивации к саморазвитию и самосовершенствованию, социальной апатии и нежелания что-либо, зачастую кардинально, менять в своей жизни. Это, проявление слабой ресурности, отсутствия важных в современном мире компетенций самоанализа, самоуправления и самоизменения. С другой стороны, это, как мы уже отмечали выше, отсутствие в нашей стране, особенно на периферии, адекватных технологий государственной социальной политики, ориентированной на интеграцию не только "особых" категорий граждан, но и людей, в силу возраста утративших внутренние ресурсы для реализации своего потенциала.

Одной из таких технологий могло бы стать "серебряное волонтерство", которое позволяет людям старшего возраста находить новые смыслы и мотивацию для гражданского и социального участия, саморазвития и самореализации. Но как показывают наши исследования, на данный момент этот институт практически не развит в нашей стране, особенно в пространстве российской провинции.

Таким образом, проведенный анализ позволяет сделать выводы о том, что социальное самочувствие жителей российской провинции тесным образом связано с возрастными и гендерными особенностями. Его снижение в среднем и старшем возрасте в условиях современной демографической ситуации является серьезным вызовом, стоящим перед Российским государством и институтом социальной политики.

Факторы, влияющие на социальное самочувствие

Для определения факторов, которые оказывают влияние на социальное самочувствие жителей российской провинции, разделим всех респондентов на две группы. К первой отнесем тех, кто высоко оценивает свое положение в обществе, полагает, что оно будет улучшаться в будущем и имеет высокую самооценку. Во вторую группу отберем респондентов, демонстрирующих противоположные ответы.

Первый фактор, влияющий на уровень социального самочувствия, о котором мы уже неоднократно говорили, — это возраст респондентов. Как можно убедиться, молодые люди значительно чаще воспринимают свое социальное положение как высокое или среднее, в то время как респонденты старшего возраста склонны более негативно оценивать и социальную ситуацию, и самих себя. Возрастная динамика оценки собственного положения в обществе повторяет результаты, представленные выше. Действительно, из всех респондентов, которые оценивают свое положение в обществе как высокое, почти 45% — это молодые люди в возрасте до 35 лет, к 50 годам таких людей остается чуть более 25%. При этом, практически 53% респондентов старшего возраста оценивают свое положение как низкое.

Второй фактор — это уровень образования. Оценка своего положения в обществе тесным образом связана с уровнем образования (табл. 1).

Таблица 1

Влияние образования на оценку своего положения в обществе, %

Уровень образования	Высокое	Среднее	Низкое
Начальное или среднее общее (только школа)	7,06	11,82	12,87
Начальное профессиональное (окончили проф. лицей, проф. училище (ПТУ), техническую школу)	2,75	4,26	4,11
Среднее профессиональное / среднее техническое (техникум, колледж)	26,27	38,86	42,09
Незаконченное высшее (не менее 3-х полных лет обучения в вузе)	5,10	5,45	5,49
Высшее (в том числе два и более высших)	56,47	38,21	35,13
Ученая степень	2,35	1,40	0,21

Из всех респондентов, указавших на свое низкое положение в обществе, 12,87% опрошенных имеют начальное или общее среднее образование (школа), а 42,09% закончили техникум или колледж (среднее профессиональное образование). Из всех респондентов, оценивших свое положение в обществе как высокое, 56,47% имеют высшее образование.

Из представленной таблицы становится ясно, что чем выше уровень образования респондента, тем выше уровень его социального самочувствия. Отметим, что пол не оказывает статистически

значимого влияния на оценку своего положения в обществе через призму образования. Важно обратить внимание на то, как зависит субъективное восприятие качества образования и положения в обществе. Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что субъективная оценка качества образования (независимо от его уровня) находится в обратной зависимости по отношению к восприятию своего положения в обществе. Так, в частности, лишь 10 и 12% респондентов, оценивших уровень школьного и профессионального образования как высокий, также рассматривают свое положение в обществе как высокое. При этом, около 33% респондентов, высоко оценивших школьное и профессиональное образование, рассматривают свое положение в обществе как низкое. Представленная ситуация еще раз подтверждает вывод, сделанный ранее о том, что система образования в нашей стране, как впрочем и институты молодежной и социальной политики не ориентированы на эффективную социализацию человека, подготовку его к взрослой жизни и развитие у него жизнестойкости.

Третий фактор тесным образом связан со вторым, но, тем не менее, может быть выделен в отдельный сегмент. Это вопрос о готовности или не готовности продолжать свое образование в течение всей жизни. Технологические, экономические, социальные изменения, происходящие в мире, требуют постоянного обновления и актуализации своих компетенций, что, несомненно, ставит вопрос об обучении на протяжении всей жизни как в формате классического образования, так и в формате, например, mooc-курсов. Не вызывает сомнения и тот факт, что повышение уровня своих компетенций и квалификации (о чем мы уже писали выше) способствует более высокому социальному статусу человека. Респондентам был задан вопрос — планируют ли они в ближайшие один–два года продолжить свое образование. Полученные ответы оказались связаны с оценкой своего положения в обществе.

Таблица 2

Готовность респондентов к продолжению обучения в зависимости от возраста, %

Возрастная группа	**Собираетесь ли продолжить обучение?**		
	Да, собираюсь	**Нет, не собираюсь**	**Затрудняюсь ответить**
Молодежь (18–35)	57,59	34,38	8,03
Средний возраст (36–50)	36,98	58,36	4,66
Старший возраст (51–65)	16,04	81,76	2,20

Так, в частности, из числа респондентов, которые планируют обучение в ближайшие годы, 46,6% и 28,2% указали на высокое и низкое положение в обществе соответственно. При этом, более 67% из числа тех, кто не собирается в ближайшие годы получать какое-либо образование, — это респонденты с низкой оценкой своего социального положения. Особый интерес представляет распределение данного параметра относительно возраста респондентов (табл. 2).

Готовность продолжать образование и повышать собственный уровень компетенций зависит от возраста респондентов и оказывает значимое влияние на социальное самочувствие жителей российской провинции.

Четвертый фактор — это субъективная оценка своего материального благополучия. Очевидно, что в современных условиях, когда одним из доминирующих факторов успеха является материальное благополучие, данный фактор не может не оказывать влияния на социальное самочувствие. Люди с более высоким достатком ощущают себя более комфортно в жизни, с большей уверенностью смотрят в будущее, более высоко оценивают собственную удовлетворенность жизнью. Проведенный нами анализ позволяет констатировать, что оценка своего материального благополучия влияет на оценку своего положения в обществе (табл. 3).

Таблица 3

Взаимосвязь субъективных оценок материального благополучия и положения, занимаемого в обществе, %

Положение в обществе	Уровень материального благополучия			
	Высокий	Средний	Низкий	Затрудняюсь ответить
Высокое	62,50	8,26	2,71	8,33
Среднее	32,89	83,33	40,90	33,33
Низкое	4,61	8,40	56,39	58,33

Те респонденты, которые указывают на свое высокое материальное благополучие, почти в 63% случаев также говорят о своем высоком положении в обществе, в то время как те, кто оценивает свое материальное положение как низкое, в 56,39% случаев указывают на низкий социальный статус. При этом, мы наблюдаем рост этой взаимосвязи с увеличением возраста респондентов.

Пятый фактор — это поддержка со стороны окружения. Участникам исследования был задан вопрос о том, насколько часто они ощущали поддержку своего окружения за последний год. Результаты

распределения ответов через призму субъективной оценки своего положения в обществе представлены в табл. 4.

Таблица 4

Влияние социальной поддержки на оценку своего положения в обществе, %

Как часто вы ощущаете поддержку окружающих?	Положение в обществе		
	Высокое	Среднее	Низкое
Часто	43,92	32,60	23,63
Иногда	32,16	32,65	30,49
Редко	14,90	24,23	30,17
Не чувствовал(а) поддержку со стороны окружения	9,02	10,52	15,72

Из всех тех, кто высоко оценивает свое положение в обществе, почти 44% опрошенных говорят о том, что они ощущают поддержку окружающих часто и только 14,9% и 9% указывают на редкость или отсутствие такой поддержки (соответственно). В то же время, те респонденты, которые воспринимают свой социальный статус как низкий, в 23,63% случаев говорят о частой поддержке и в 30,17% и 15,72% случаев о редкой поддержке или ее отсутствии (соответственно). Таким образом, мы можем констатировать, что данный фактор оказывает существенное влияние на социальное самочувствие жителей российской провинции.

При этом, фактор имеет не только возрастные особенности, но и гендерные. Мужчины значительно реже ощущают поддержку со стороны окружающих, чем женщины. В частности, из числа тех, для кого поддержка ближайшего сообщества — явление частое или хотя бы происходит иногда, женщины составляют 62,66% и 59,53% соответственно. При выборе ответа “не чувствую поддержку со стороны окружения” количество мужчин и женщин практически одинаково (50,68% и 49,32% соответственно). Другими словами, и мужчины, и женщины в равной степени подвержены социальному исключению, в то время как в ситуации социального внимания со стороны окружающих женщины оказываются значительно чаще. Это обстоятельство еще раз подтверждает сформулированную выше гипотезу о том, что жизненные траектории мужчин и женщин, проживающих в социокультурном пространстве российской провинции, различны, и что женщины, начиная с определенного возраста, обладают большими личностными и социальными ресурсами для повышения уровня социального самочувствия.

Если говорить о возрастных особенностях распределения данного фактора, то наибольший интерес вызывает тот факт, что с увеличением количества лет респондентов существенно возрастает число ответов “не чувствую поддержку со стороны окружения”. Так, если в возрасте 18–35 лет данный ответ встречается в 22,62% случаев, в возрасте 36–50 лет — 26,7%, то в возрасте 51–65 лет он составляет уже 50,68%. Такая динамика показателя позволяет констатировать фактическое социальное исключение значительной части зрелых россиян, проживающих на периферии.

В то же время, отметим, что не все люди, не чувствующие поддержки ближайшего окружения, ощущают себя исключенными. Вполне вероятно, что в определенных случаях такая ситуация связана с осознанным выбором стратегии “уединения”[18], которая предполагает сознательное дистанцирование пожилого человека от ближайшего сообщества. Тем не менее, понимание причин и факторов, оказывающих влияние на ситуацию одиночества пожилых россиян, проживающих в провинции, является важной задачей, как социологов, так и социальных работников, реализующих меры социальной защиты и поддержки населения.

Таким образом, социальное самочувствие россиян, проживающих в социокультурном пространстве провинции, амбивалентно и определяется целым комплексом взаимосвязанных факторов. Проведенное исследование позволяет констатировать, что в современной России слабо развиты социальные институты повышения жизнестойкости жителей, особенно это касается людей среднего и старшего возраста. Вектор социального самочувствия меняется при переходе от молодого возраста к среднему и старшему, а также определяется уровнем самооценки и образования личности. Сегодня в нашей стране как никогда актуальна системная социальная политика, ориентированная на создание условий для развития компетенций “заботы о себе” с учетом возрастных и гендерных особенностей. Наиболее актуальна эта задача в пространстве российской периферии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аршавский В.В., Ротенберг В.С. Поисковая активность и адаптация. М., 2015.

Ахметшина Е.Р., Клюева Т. В., Полетаева О.В. Образ жизни и социальное самочувствие свободно занятых работников: межрегиональное сравнение // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2016. № 4. С. 172–193.

Воронин Г.Л. Социальное самочувствие россиян (1994–1996 гг.) // Социологические исследования. 2001. № 6. С. 59–60.

[18] Подробнее см. например: *Gibson H.B.* Loneliness in later life / Foreword by P. Laslett. N.Y., 2000.

Давыдова Е.В. Измерение социального самочувствия молодежи. М., 1992.

Елишев С.О. Молодежь как объект социализации и манипуляции. М., 2015.

Ковалева Н.Г. Пожилые люди: социальное самочувствие // Социологические исследования. 2001. № 7. С. 73–79.

Краснова О.В., Лидерс А.Г. Социальная психология старости. М., 2002.

Крупец Я.Н. Социальное самочувствие как интегральный показатель адаптированности // Социологические исследования. 2003. № 4. С. 143–144.

Лапин Н.И. Как чувствуют себя, к чему стремятся граждане России // Мир России. 2003. № 1. С. 121–145.

Осипова Н.Г. Социальное конструирование общественного здоровья // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2016. № 4. С. 119–141.

Петрова Л.Е. Социальное самочувствие молодежи // Социологические исследования. 2000. № 12. С. 50–55.

Рогозин Д. Пять книг о либерализации старения (2013). UPL: http://postnauka.ru/books/11075 (дата обращения: 01.02.2020).

Рубина Л.Ф. Профессиональное и социальное самочувствие учителей // Социологические исследования. 1996. № 6. С. 63–75.

Смирнов В.А. Молодежная политика: опыт системного описания // Социологические исследования. 2014. № 3. С. 72–80.

Смирнов В.А. Социологический портрет кандидатов и победителей выборов на должность главы местного самоуправления в современной России // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2018. № 2. С. 106–123.

Социальное самочувствие и положение пожилых людей в регионе / Под ред. Н.М. Байкова, Л.В. Кашириной. Хабаровск, 2012.

Социальное самочувствие молодежи Свердловской области в 2015 году: итоги социологического исследования. Коллективная монография / Под общ. ред. Ю.Р. Вишневского, Д.Ю. Нархова. Екатеринбург, 2016.

Тощенко Ж.Т. Социальное настроение — феномен современной социологической теории и практики // Социологические исследования. 1998. № 1. С. 21–35.

Фуко М. Герменевтика субъекта: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1981–1982 учебном году. СПб., 2007.

REFERENCES

Aging in community / Ed. by J.M. Blanchard, B. Anthony. Chapel Hill, 2013.

Arshavskij V.V., Rotenberg V.S. Poiskovaya aktivnost i adaptaciya [Search activity and adaptation]. M., 2015 (in Russian).

Ahmetshina E.R., Klyueva T.V., Poletaeva O.V. Obraz zhizni i socialnoe samochuvstvie svobodno zanyatyh rabotnikov: mezhregionalnoe sravnenie [Way of life and social well-being freely employed workers: an interregional comparison] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya. 2016. N 4. S. 172–193 (in Russian).

Davydova E.V. Izmerenie socialnogo samochuvstviya molodezhi [Measurement of social well-being of youth]. M., 1992 (in Russian).

Elishev S.O. Molodezh kak obekt socializacii i manipulyacii [Youth as an object of socialization and manipulation]. M., 2015 (in Russian).

Fuko M. Germenevtika subekta: kurs lekcij, prochitannyh v Kollezh de Frans v 1981–1982 uchebnom godu [Hermeneutics of the subject: a course of lectures delivered at the Collège de France in the academic year 1981–1982.]. SPb., 2007 (in Russian).

Gibson H.B. Loneliness in later life / Foreword by P. Laslett. N.Y., 2000.

Kovaleva N.G. Pozhilye lyudi: socialnoe samochuvstvie [Elderly people: social well-being] // Sociologicheskie issledovaniya. 2001. N 7. S. 73–79 (in Russian).

Krasnova O.V., Liders A.G. Socialnaya psihologiya starosti [Social psychology of old age]. M., 2002 (in Russian)

Krupec Ya.N. Socialnoe samochuvstvie kak integralnyj pokazatel adaptirovannosti [Social well-being as an integral indicator of adaptability] // Sociologicheskie issledovaniya. 2003. N 4. S. 143–144 (in Russian).

Lapin N.I. Kak chuvstvuyut sebya, k chemu stremyatsya grazhdane Rossii [How do Russian citizens feel and strive for?] // Mir Rossii. 2003. N 1. S. 121–145 (in Russian).

Lyubomirsky S., King L., Diener E. The benefits of frequent positive affect: does happiness lead to success? // Psychological Bulletin. 2005. Vol. 131. N 6. P. 803–855.

Osipova N.G. Socialnoe konstruirovanie obshestvennogo zdorovya [Social construction of public health] // Vestnik moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya. 2016. N 4. S. 119–141 (in Russian).

Petrova L.E. Socialnoe samochuvstvie molodezhi [Social well-being of youth] // Sociologicheskie issledovaniya. 2000. N 12. S. 50–55 (in Russian).

Rogozin D. Pyat knig o liberalizacii stareniya (2013) [Five books on the liberalization of aging (2013)]. UPL: http://postnauka.ru/books/11075 (data obrasheniya: 01.02.2020) (in Russian).

Rubina L.F. Professionalnoe i socialnoe samochuvstvie uchitelej [Professional and social well-being of teachers] // Sociologicheskie issledovaniya. 1996. N 6. S. 63–75 (in Russian).

Ryff C., Singer B. Know thyself and become what you are: a eudaimonic approach to psychological well-being // Journal of Happiness Studies. 2008. Vol. 9 (1). P. 13–39

Smirnov V.A. Molodezhnaya politika: opyt sistemnogo opisaniya [Youth policy: experience of system description] // Sociologicheskie issledovaniya. 2014. N 3. S. 72–80 (in Russian).

Smirnov V.A. Sociologicheskij portret kandidatov i pobeditelej vyborov na dolzhnost glavy mestnogo samoupravleniya v sovremennoj Rossii [Sociological portrait of candidates and winners of elections for the post of head of local government in modern Russia] // Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Politologiya. 2018. N 2. S. 106–123 (in Russian).

Socialnoe samochuvstvie i polozhenie pozhilyh lyudej v regione [Social well-being and the situation of older people in the region] / Pod red. N.M. Bajkova, L.V. Kashirinoj. Habarovsk, 2012 (in Russian).

Socialnoe samochuvstvie molodezhi Sverdlovskoj oblasti v 2015 godu: itogi sociologicheskogo issledovaniya: kollektivnaya monografiya [Social well-being of the youth of the Sverdlovsk region in 2015: results of a sociological study: a collective monograph] / Pod obsh. red. Yu.R. Vishnevskogo, D.Yu. Narhova. Ekaterinburg, 2016 (in Russian).

Toshenko Zh.T. Socialnoe nastroenie — fenomen sovremennoj sociologicheskoj teorii i praktiki [Social mood-a phenomenon of modern sociological theory and practice] // Sociologicheskie issledovaniya. 1998. N 1. S. 21–35.

Voronin G.L. Socialnoe samochuvstvie rossiyan (1994–1996 gg.) [Social well-being of Russians (1994–1996)] // Sociologicheskie issledovaniya. 2001. N 6. S. 59–60 (in Russian).

DOI: 10.24290/1029-3736-2020-26-3-43-65

МЕДИЦИНА И ОБЩЕСТВО: МИКРОУРОВЕНЬ СОЦИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Т.В. Семина, докт. социол. наук, зав. кафедрой медицинского права, социологии и философии Института подготовки кадров высшей квалификации и профессионального образования ФГБУ НМИЦ ССХ им. А.Н. Бакулева, Минздрава России, Рублевское шоссе, д. 135, Москва, Российская Федерация, 121552*

В настоящей статье рассматриваются особенности взаимодействия социальных институтов медицины и здравоохранения в современном российском обществе на микроуровне — в рамках социальной системы "врач — пациент". Достаточно места уделяется сравнительному анализу традиционных (патерналистской и коллегиальной), а также современных (информационной и контрактной) моделей социальных отношений между врачами и пациентами. Автором выделены факторы, при которых широкое применение информационной и контрактной моделей в российских реалиях способствует трансформации традиционно солидарных социальных отношений в рассматриваемой системе в конфликтные.

В статье с опорой на оригинальные авторские социологические исследования рассматриваются особенности конфликтного противостояния между врачами и пациентами, обозначены их специфические отличия от традиционных социальных конфликтов. С одной стороны, конфликты, которые разворачиваются в социальной системе "врач — пациент", — это именно социальные конфликты, поскольку взаимодействием в данной системе охвачены как все представители врачебного сообщества, так и практически все члены общества, каждый из которых так или иначе становится пациентом. С другой стороны, если предпосылкой, а затем — основой обычного конфликтного взаимодействия выступает наличие единого неделимого объекта, то в случае социального конфликта в системе "врач — пациент" здоровье вряд ли можно считать "единым и неделимым объектом". Здоровье для субъектов данного конфликта действительно представляет важную духовную ценность, однако гораздо чаще конфликт возникает по поводу прав и обязанностей, а также распределения власти у взаимодействующих сторон.

Достаточно внимания уделяется анализу макро-, мезо- и микропричин данного конфликта, а также проблеме влияния СМИ на генезис конфликтных отношений данного типа, выделены и раскрыты тенденции, особенно характерные для взаимоотношений аудитории больных и СМИ в последнее время.

Ключевые слова: *медицина, здравоохранение, микроуровень социального взаимодействия, социальная система "врач — пациент", модели отношений в системе "врач — пациент", социальный конфликт, субъекты и факторы социального конфликта в системе "врач — пациент", СМИ.*

* **Семина Татьяна Васильевна,** e-mail: bakulev.yurotdel@bk.ru

MEDICINE AND SOCIETY: MICRO LEVEL OF SOCIAL INTERACTION

Semina Tatyana V., PhD Sci., Head of Department of the Scientific Center of the Union of Artists named after A.N. Bakulev, Moscow, Leninsky Prospect, 8, building 7, Moscow, Russian Federation, 119049, e-mail: bakulev.yurotdel@bk.ru

This article examines the features of the interaction of social institutions of medicine and health care in modern Russian society at the micro level — within the social system "doctor — patient". Sufficient space is given to a comparative analysis of traditional (paternalistic and collegial) and modern (informational and contractual) models of social relations between doctors and patients. The author highlights the factors under which the widespread use of information and contractual models in Russian realities contribute to the transformation of traditionally solidary social relations in the system under consideration into conflict ones.

The article, based on the original author's sociological research, examines the features of the conflict confrontation between doctors and patients, identifies their specific differences from traditional social conflicts. On the one hand, the conflicts that unfold in the social system "doctor — patient" are precisely social conflicts, since the interaction in this system embraces both all representatives of the medical community and practically all members of society, each of which, one way or another, becomes patient. On the other hand, if the prerequisite and then the basis of the usual conflict interaction is the presence of a single indivisible object, then in the case of a social conflict in the "doctor — patient" system, health can hardly be considered "a single and indivisible object". Health for the subjects of this conflict is indeed an important spiritual value, but much more often the conflict arises over the rights and obligations, as well as the distribution of power among the interacting parties.

Enough attention is paid to the analysis of the macro-, meso- and micro- causes of this conflict, as well as to the problem of the influence of the media on the genesis of this type of conflict relationship; tendencies that are especially characteristic in the relationship between the patient audience and the media in recent times are highlighted and revealed.

Key words: *medicine, healthcare, micro-level of social interaction, social system "doctor — patient", models of relations in the system "doctor — patient", social conflict, subjects and factors of social conflict in the system "doctor — patient", mass media.*

В настоящее время почти никто не отрицает тот факт, что отечественные медицина и здравоохранение находятся в системном кризисе, который связан с модернизацией этих социальных институтов и тех традиционных социальных отношений, которые им присущи. Данные отношения, безусловно, основаны на солидарности, но они также могут носить ярко выраженный конфликтный характер. Совокупность подобных социальных отношений охватывает все медицинское сообщество, однако главным структурным компонентом социально-медицинского сообщества являются медицинские работники (врачи) и пациенты. Таким образом, ключевым фактором для социологического анализа системы здравоохранения выступает микроуровень социального взаимодействия в сфере охраны

здоровья, имеющий место в подсистеме “врач — пациент”, которая очень важна для социологического анализа трансформации моделей конкретных социальных отношений в ней в условиях современных социальных реалий.

Врач и пациент, безусловно, могут находиться в самых различных формах социального взаимодействия в сфере здравоохранения, которые не только предопределены их традиционными социальными ролями, но и многими другими факторами. Так, классической моделью отношений между врачом и пациентом считается патернализм. По мнению отечественного исследователя И.В. Силуяновой, эта модель «фиксировалась со времен Гиппократа в корне понятия — слове “pater” (лат. — “отец”) и пользовалась в профессиональной врачебной этике абсолютным признанием на протяжении более 20 столетий»[1]. Пациент целиком полагался на компетентность врача, доверял ему как отцу и следовал всем его указаниям. К патернализму близка модель сакрального типа — одна из четырех моделей, обозначенных американским специалистом в области медицинской этики и философии Р. Витчем[2], которая опирается на межличностные отношения, подобные отношениям родителя и ребенка, наставника и подопечного.

По мере развития демократических институтов и соответствующего им мышления «в медицинском сообществе стали набирать силу антипатерналистические тенденции, а суждения о “крахе патернализма” стали появляться все чаще»[3]. При этом в связи с ростом осведомленности пациентов возникла необходимость в обсуждении с ними диагнозов и возможных планов лечения[4]. Тогда в противовес патерналисткой модели была выстроена так называемая коллегиальная (партнерская или равноправная) модель, основанная на принципе сотрудничества. С одной стороны, эта модель предполагает известную автономию пациента, когда “благодеяния врача” вопреки воле и желанию пациента считаются недопустимыми. Тем самым, в рамках взаимоотношений “врач — пациент” последний наделяется определенными правами. С другой стороны, коллегиальная модель является привлекательной лишь с моральной точки зрения,

---

[1] *Силуянова И.В.* Патернализм и информированное согласие: проблема совместимости // Главный врач. 2006. № 3. С. 5.

[2] *Витч Р.* Модели моральной медицины в эпоху революционных изменений // Вопросы философии. 1994. № 3. С. 25–34.

[3] *Силуянова И.В.* Избранные. О призвании врача. М., 2008. С. 146–149.

[4] *Михальченко Д.В., Михальченко А.В.* Необходимость дополнительной подготовки врача по вопросам взаимоотношений с пациентом // Волгоградский научно-медицинский журнал. 2014. № 2. С. 43.

поскольку в современном обществе в силу целого ряда причин, прежде всего, в силу утраты доверия к самим институтам медицины и здравоохранения, невозможно выстроить доверительные отношения в социальной системе "врач — пациент".

В известной степени близкой к коллегиальной модели, но не совсем идентичной ей, является так называемая информационная модель, основанная на концепции автономии пациента, получившей обоснование в трудах таких ученых, как Е. Эсмануэль и Л. Эсмануэль, а также Р. Витч. Эта концепция заключается в том, что больной имеет возможность выбора метода лечения на основе детального рассмотрения с врачом всех альтернативных вариантов и определения оптимального решения по лечению[5].

В соответствии с информационной моделью от врача требуется предоставление больному всей существенной информации, касающейся его заболевания. Будучи в некоторой степени уравнен в отношении информированности с медиками, пациент становится в состоянии принимать участие в выработке конкретных решений, касающихся своего лечения, и, по сути, действует как коллега лечащего врача, что, в свою очередь, обусловливает сходство данной модели с коллегиальной. Однако в рамках данной модели основополагающим моментом является наличие информированного согласия пациента — специального документа, в котором больной выражает согласие на медицинское вмешательство, определенное врачом.

Следует отметить, что с 1993 г. в нашей стране подписание информированного добровольного согласия является необходимым предварительным условием медицинского вмешательства[6].

Сегодня информированное добровольное согласие пациента — это единственное правовое основание для оказания медицинской помощи пациенту, без его получения медицинское вмешательство недопустимо по закону. С учетом такого важного фактора, влияющего на сознание пациента, можно однозначно констатировать, что автономия воли пациента существует лишь номинально и что пациент, если и подписывает согласие, то не всегда по своему волеизъявлению.

Однако как показала практика, информационная модель существенным образом влияет на переход традиционно солидарных

---

[5] *Emanuel E.J., Emanuel L.J.* Four models of the physician-patient relationship // JAMA. 1992. Vol. 276. N 16. P. 2221–2226.

[6] *Михальченко Д.В., Михальченко А.В.* Необходимость дополнительной подготовки врача по вопросам взаимоотношений с пациентом // Волгоградский научно-медицинский журнал. 2014. № 2. С. 43.

социальных отношений в системе “врач — пациент” в конфликтные. Причина этого заключается в том, что норма о закреплении обязательной письменной формы добровольного информированного согласия пациента на медицинское вмешательство — это слишком широкая норма, которая служит поводом для злоупотреблений со стороны врачебного сообщества и признаком отсутствия цивилизованного и уважительного отношения к пациенту. В то же время, в современных российских реалиях невозможно отказаться от информационной модели взаимоотношений “врач — пациент”, так как отказ от информированного согласия лишает врача правовой защиты от профессиональных рисков, которая особенно необходима в новых социально-экономических и правовых условиях, а пациента — достоверной информации о состоянии его здоровья.

В качестве своеобразного развития информационной модели можно рассматривать контрактную модель, выделенную в свое время Р. Витчем и получившую широкое практическое применение в последнее время. Основой данной модели является гражданско-правовой договор на оказание медицинских услуг, формирование гражданско-правовых отношений между исполнителем и потребителем медицинских услуг.

Следует отметить, что сегодня в России модель контрактного типа распространяется не только на медицину, но и на все сферы общественной деятельности (например, образование). Заключением контракта (договора) российский пациент, с одной стороны, демонстрирует свое равноправие в отношениях “врач — пациент”, с другой стороны, сознательно, договором стремится узаконить патерналистские отношения с врачом[7]. По мнению В.В. Николаевой, контрактные взаимоотношения психологически оправданы и для врача, и для пациента. Первому они позволяют сохранять личностную нейтральность[8], а второму предоставляют право на выбор или смену врача и медицинской организации.

Однако реализация этой модели на практике подтверждает утверждения исследователей о том, что «отношения между врачом и пациентом в начале XXI в. наиболее точно характеризуются метафорой: “пациенты становятся клиентами, а врачи — поставщиками

---

[7] *Болучевская В.В., Павлюкова А.И., Сергеева Н.В.* Общение врача: особенности профессионального взаимодействия // Медицинская психология в России: электрон. науч. журн. 2011. № 3. URL:http://medpsy.ru (дата обращения: 15.04.2018).

[8] *Николаева В.В., Первичко Е.И., Загорец Т.П.* Особенности отношений в диаде “врач — пациент” при соматоформных расстройствах. URL: https://psihologia.biz/psihologiya-psihologiya-obschaya_693/nikolaeva-pervichko-zagorets-osobennosti-16119.html (дата обращения: 15.01.2018).

медицинских услуг"»[9]. На этих отношениях врачей и пациентов как поставщиков и потребителей медицинских услуг, коренным образом отличных от партнерских, как раз и базируется контрактная модель. Но, к сожалению, в настоящее время соотношение содержаний понятий "медицинская помощь" и "медицинская услуга" и их отличие от прочих видов услуг еще недостаточно исследовано[10]. Таким образом, контрактная модель, по сути, представляет отступление от ориентированных на пациента отношений в сфере здравоохранения и содержит риски развития социального конфликта при оказании медицинской услуги.

В целом внедрение в медицинскую практику новых, в известной степени коммерциализированных моделей социальных отношений, ведет к трансформации самой медицины, серьезно меняет ценностные ориентиры, социальные роли и статусы людей, так или иначе связанных с ней. Результатом становится разрушение многовековой социальной солидарности медицины и общества, а социальные отношения в системе "врач — пациент", традиционно основанные на доверии, приобретают выраженный характер конфликтного противостояния, которое требует углубленного научного анализа.

При анализе сущности конфликта в социальной системе "врач — пациент" целесообразно опираться на общие положения о природе, структуре и динамике социальных конфликтов, разработанных в классической и современной социологии.

Следует особо подчеркнуть, что конфликты, которые разворачиваются в социальной системе "врач — пациент", — это именно социальные конфликты, поскольку взаимодействием в данной системе охвачены как все представители врачебного сообщества, так и практически все члены общества, каждый из которых так или иначе становится пациентом. Данные конфликты имеют общие характеристики и элементы, свойственные всем социальным конфликтам в целом. Однако их также отличают специфические черты, которые обусловлены всеми теми сложными и неоднозначными факторами, которые предопределяют особый характер взаимодействия общества с социальными институтами медицины и здравоохранения.

На наш взгляд, наиболее релевантными для социологического анализа конфликтных противостояний в социальной системе "врач — пациент" являются:

---

[9] *Heritage J., Maynard D.W.* After 30 years, problems and prospects in the study of doctor-patient interaction // Handbook of the Sociology of Health, Illness and Healing / Ed. by B.A. Pescosolido, J.K. Martin, J.D. McLeod, A. Rogers. Ch. 17. N. Y., 2011. P. 323–343.

[10] *Сырейщикова И.А.* Основания возникновения правоотношений, связанных с оказанием медицинской помощи // Юрист. 2008. № 11. С. 51–53.

1) присутствие противоборствующих субъектов в такой сфере общественной жизнедеятельности, как охрана здоровья людей;

2) восприятие субъектами своих интересов в области сохранности здоровья как жизненно важных;

3) обращение к различным специализированным структурам для защиты своих прав и интересов.

Основой социальных конфликтов между врачами и пациентами, как и любых социальных конфликтов, служит социальное взаимодействие. Однако это взаимодействие особого рода, поскольку в данном случае изначально социальные отношения возникают по поводу здоровья пациента, которое обладает чрезвычайно высокой как индивидуальной, так и социальной ценностью.

Данные конфликты вполне могут быть как реалистическими, так и нереалистическими. Реалистические конфликты в рассматриваемой системе возникают, когда запросы больных людей не удовлетворяются, а их надежды на выздоровление не реализуются. Но при этом они далеко не всегда направлены на конкретный фрустрирующий объект в лице врача, а могут быть гораздо шире, когда пациент отстаивает свое право на здоровье в рамках более общих социальных прав и пытается добиться абстрактной социальной справедливости.

Нереалистические конфликты в социальной системе "врач — пациент", которые часто связаны с необходимостью снятия напряжения или просто "выпуска пара" у одной из взаимодействующих сторон, хотя и вызываются целым рядом как объективных факторов, больше обусловлены другими, субъективными, обстоятельствами.

Социальные конфликты между врачами и пациентами чреваты серьезными социальными последствиями и, безусловно, могут выполнять дестабилизирующие функции. Но они также могут иметь и конструктивное значение, поскольку ставят достаточно острые социальные вопросы, решение которых требует принятия неотложных мер экономического, правового или морально-этического характера.

Эти конфликты имеют как объективные основы (факторы), так и субъективные причины. Объективные факторы носят внешний по отношению к непосредственной реализации профессиональной врачебной деятельности характер. К ним относятся несовершенство существующей нормативной базы в области здравоохранения, дисбаланс в иерархии управления медицинскими учреждениями, низкое качество медицинского образования у будущих медицинских работников, расширение спектра платных медицинских услуг.

Субъективные факторы конфликта в социальной системе "врач — пациент" непосредственно связаны со спецификой про-

фессии врача и особенностями ее реализации в последние годы. В их числе: эмоциональное выгорание и профессиональная деформация личности врача, низкая мотивация труда врача, его незаинтересованность в излечении больного, приводящая к врачебным ошибкам, имеющим порой фатальное значение для пациента.

Социальные конфликты в системе "врач — пациент" проходят далеко не все те стадии, которые характерны для обычного хода конфликтного взаимодействия, поскольку часто обусловлены конкретной ситуацией, обычно поддающейся различного рода регулированию, прежде всего, с помощью мер системного характера.

При этом нельзя говорить об изначальном наличии противоположных интересов у субъектов данного типа конфликта, поскольку врач и больной солидарно вступают в осознанное социальное взаимодействие по поводу сбережения здоровья одного из них — пациента. Необходимо подчеркнуть, что инициирование и осуществление конфликтных действий в рамках обозначенного взаимодействия далеко не всегда имеют место. Конфликт случается, когда интересы взаимодействующих сторон или переводятся в другое, отличное от непосредственного сбережения здоровья русло, или возникают специфические обстоятельства социального, экономического, юридического, психологического толка.

Для исследования структуры и динамики конфликтных отношений в социальной системе "врач — пациент", на наш взгляд, вполне применимы структурно-функциональный и динамический подходы к анализу социальных конфликтов, принятые в социологии в целом.

В рамках первого подхода ключевой единицей анализа служит конфликтное взаимодействие — это совокупность способов и приемов противоборства участников конфликта, их конкретные действия, направленные на усугубление или разрешение конфликтной ситуации, в ходе которых они испытывают негативные эмоции по отношению друг к другу. При этом практически все исследователи утверждают, что предпосылкой, а затем — основой конфликтного взаимодействия выступает наличие единого неделимого объекта. Однако в случае социального конфликта в системе "врач — пациент" здоровье вряд ли можно считать "единым и неделимым объектом". Здоровье для субъектов данного конфликта действительно представляет важную духовную ценность, однако гораздо чаще конфликт возникает по поводу прав и обязанностей, а также распределения власти у взаимодействующих сторон.

Следует отметить, что пациент сам выбирает, куда ему обратиться за защитой своих нарушенных прав в досудебном порядке. Он может обратиться к администрации медицинской организации, чаще

всего используется такой досудебный способ решения конфликтных ситуаций, и пациенту удобнее всего обратиться в саму организацию для восстановления справедливости. Но если справедливость не восстановлена, то в этом случае пациент может обратиться к Государственному уполномоченному по правам пациентов. Чаще всего пациенты обращаются в Федеральную службу по надзору в сфере здравоохранения и социального развития, Минздрав, страховые медицинские организации ФФОМС и в Общественную организацию "Лига пациентов".

Если говорить о субъектах социального конфликта в системе "врач — пациент", то ими могут выступать как врачи, так и пациенты. С одной стороны, грубое, халатное поведение врача, нарушение им норм этики и деонтологии, безусловно, являются одной из важнейших причин создания конфликтной ситуации, которая, как правило, перерастает в конфликт. С другой стороны, ученые выделили типы пациентов — неврастенический, астенический и паранойяльный, которые изначально имеют склонность к провоцированию конфликта. Например, Н.В. Середина и Д.А. Шкуренко считают, что "неврастенический и астенический тип реагирования пациента является наиболее распространенным и неспецифическим ответом организма и личности на заболевание. Существует тип конфликтного пациента паранойяльный, когда у пациента присутствует уверенность в том, что болезнь является результатом чьего-то злого умысла. Подозрительность к лекарственным процедурам, стремление приписывать лечению возможные осложнения, обвинять в халатности и даже злом умысле врачей и весь обслуживающий медицинский персонал"[11].

Определенный интерес представляет описание социального портрета субъектов конфликтных ситуаций по результатам формализованных интервью и анализа документов.

Так, по результатам опроса пациентов города Волгограда, проведенного М.Е. Волчанским, установлено, что "в 78,4% случаев субъектом конфликтных ситуаций является женщина 50–60-летнего возраста (75,6% респондентов) со средним специальным образованием (85,0%), находящаяся в разводе или являющаяся вдовой (53,5%), имеющая двух взрослых детей (42,5%), с доходом на члена семьи на уровне реального, а не номинального прожиточного минимума (92,9%), проживающая в отдельном доме (89,8%), не имеющая отдельной комнаты для личных целей (68,5)"[12].

---

[11] *Середина Н.В., Шкуренко Д.А.* Основы медицинской психологии. Ростов н/Д., 2003. С. 347.

[12] *Волчанский М.Е.* Социология конфликта в медицине: дисс. … докт. социол. наук. Волгоград, 2008. С. 98–99.

“Если носителем конфликта становился пациент-мужчина (21,6% случаев), то ему было 60 лет (80%). Он являлся не работающим пенсионером (100% респондентов), преимущественно со средним специальным образованием (54,3%), состоящим в зарегистрированном браке (88,6%), имеющим двух взрослых детей (60%), с доходом на члена семьи менее 2000 рублей (57,1%), живущем в многоэтажном доме (94,3%), не имеющим отдельной комнаты в квартире (88,6%)”[13]. По мнению М.Е. Волчанского, “показателен также тот факт, что в 82,9% случаев эти лица оценивали свое самочувствие на момент конфликта как неудовлетворительное”[14].

Опрос этим ученым сотрудников лечебно-профилактических учреждений города Волгограда при изучении социального портрета противоположной стороны конфликта — медицинских работников позволил установить следующее. “Это, как правило, женщина (91,1% опрошенных), в возрасте 40–55 лет (80,4%), живущая в зарегистрированном браке (71,6%), имеющая одного (34,4%) или двух детей (29,4%). В 92,6% это врач, имеющий первую (39,3%) или высшую квалификационную категорию (44,8%) со стажем работы от 10 до 20 лет (77,3%). Одинаково часто участниками конфликта становились представители терапевтических (47,9%) и хирургических (52,1%) специальностей”[15].

Исследование также показало, что обычно «эти субъекты не отказываются от своего участия в эскалации конфликта “врач — пациент”, однако его инициатором считают противоположную сторону. Так, 96,3% пациентов считали конфликтогенами врачей, а 89,9% врачей считали конфликтогенами пациентов»[16].

В рамках анализа конфликтных взаимодействий ученые также выделяют, кроме субъектов, участников конфликта, которым может оказаться лицо или группа лиц, не имеющие в нем собственного интереса и вовлеченные в конфликт помимо своей воли быть вовлеченными в конфликт (“жертвы”). В социальном конфликте “врач — пациент” такими участниками часто выступают родственники пациента, а также недобросовестные юристы и адвокаты, различные организации по защите прав пациента, стремящиеся извлечь выгоду из конфликтной ситуации.

Главной причиной конфликтной напряженности, а затем и возникновения социального конфликта врача и пациента является

---

[13] *Волчанский М.Е.* Социология конфликта в медицине: дисс. … докт. социол. наук. Волгоград, 2008. С. 99.

[14] Там же.

[15] Там же. С. 99–100.

[16] Там же. С. 100.

усиливающаяся неудовлетворенность членов общества качеством оказания медицинской помощи.

Как показали результаты социологического исследования (конец 2018 — начало 2019 гг.), проведенного лично автором, меньше половины (40,8%) пациентов в значительной степени удовлетворены процессом лечения в целом. Примерно столько же пациентов (42,8%) процессом лечения удовлетворены в не очень значительной степени, а 14,6% пациентов удовлетворены в слабой степени. Лишь у 1,8% пациентов совсем отсутствует удовлетворенность процессом лечения в целом. Данное исследование подтверждает тот факт, что все же имеет место снижение качества оказываемых медицинских услуг населению, что препятствует эффективному выполнению государством приоритетной функции по обеспечению здоровья граждан[17].

Развитие гражданского общества и рост юридической грамотности населения привели к нарастающей активности пациентов в сфере защиты своих прав. Сообщество больных людей сплачивается определенным и одинаковым пониманием значимости сохранения своего здоровья, а в отдельных случаях и жизни, поскольку именно "здоровье занимает самую верхнюю ступеньку на иерархической лестнице ценностей и в системе категорий человеческого бытия — среди интересов, идеалов, гармонии, смысла и счастья жизни, творческого труда, программы и ритма жизнедеятельности"[18].

Эти ценности не могут быть сравнимы с имущественными интересами, которые не представляют никакой ценности для члена общества при утрате им жизни или значительном повреждении здоровья. "Сознательно и добровольно вверяя медицинским работникам самое дорогое, что дается Богом и природой, — свое здоровье и жизнь, больной вправе рассчитывать на надлежащие оказание помощи"[19], которую он часто не получает.

Нарушение самого процесса социального взаимодействия, кризис моральных (нравственных) ценностей и девальвация эти-

---

[17] Исследование проводилось в конце 2018 — начале 2019 гг. в нескольких федеральных и областных медицинских учреждениях на территории Российской Федерации методом анкетного опроса. В анкетировании приняли участие 1368 врачей, 155 ординаторов и аспирантов из федеральных и областных медицинских учреждений Москвы, Белгорода и Белгородской области, Пензы, Махачкалы, Кирова, Воронежа, Волгограда, Перми, Кемерова, Томска, Санкт-Петербурга; также были опрошены 1500 пациентов из всех субъектов Российской Федерации.

[18] *Петров В.И., Седова Н.Н.* Проблема качества жизни в биоэтике. Волгоград, 2001. С. 28.

[19] *Сергеев Ю.Д., Мохов А.А.* Ненадлежащие врачевание: возмещение вреда здоровью и жизни пациента. М., 2007. С. 8.

ческих стандартов поведения людей служат серьезной причиной конфликтной напряженности, в том числе, и в социальной системе “врач — пациент”.

Дело в том, что в условиях ломки устоявшихся ценностных приоритетов врачебное сообщество демонстрирует не только снижение уровня профессионализма, но и более равнодушное отношение к больным людям, не желает поддерживать контакт, тратить свое время на общение с пациентами. Одним из пусковых механизмов служит дефицит рабочего времени — это сокращенное время на прием пациента и увеличенный объем бюрократии по заполнению медицинской документации.

Так, анализ проведенного автором социологического исследования (конец 2018 — начало 2019 гг.) показал, что абсолютное большинство врачей (56,4%) согласны или скорее согласны, чем не согласны с тем, что врачу требуется лишь определить состояние пациента и назначить ему лечение, не тратя время на лишние разговоры. В то время как абсолютное большинство ординаторов (67,8%) и пациентов (58,7%) считают иначе: они не согласны или скорее не согласны, чем согласны с тем, что врачу требуется лишь определить состояние пациента и назначить ему лечение, не тратя время на лишние разговоры. При этом абсолютное большинство пациентов (82,6%) не согласны или скорее не согласны, чем согласны с тем, что нет смысла для врача что-то объяснять пациенту по поводу лечения, так как у него нет необходимых для понимания знаний[20]. Тем самым профессиональная этика врача теряет свое гуманистическое начало, которое должно служить обязательным ориентиром, формирующим общую духовную жизнь медицинских работников.

Безусловно, на нравственное самосознание врача большое влияние оказывают ценности профессиональной этики, которую можно определить как “традиционную систему обязательств и установок, которую принимает медицинское сообщество”[21].

Сегодня несоблюдение работниками современного здравоохранения медицинской этики и норм деонтологии вызывает большую тревогу не только у всего общества, но и у Минздрава, Росздравнадзора, так как шквал жалоб на медицинских работников в связи с нарушением ими норм медицинской этики и деонтологии стал обрушиваться именно в их адрес. В большинстве жалоб недовольных

---

[20] Исследование, как уже говорилось, проводилось автором в конце 2018 — начале 2019 гг. в нескольких федеральных и областных медицинских учреждениях на территории Российской Федерации.

[21] *Силуянова И.В.* Избранные. О призвании врача. М., 2008. С. 183.

пациентов указываются требования необходимости устранения сложившейся ситуации, принятия незамедлительных мер[22]. При этом характерной особенностью социальных конфликтов в системе "врач — пациент" является то, что достаточно часто конфликтное противостояние переносится в нормативно-юридическую плоскость, когда пациенты или их родственники напрямую обращаются в следственные органы или судебные инстанции.

Важность познания причин социальных конфликтов подчеркивают многие современные ученые. Так, в частности, выделяют макро-, мезо- и микропричины, они же — факторы возникновения конфликтов или их движущие силы.

В отношении макропричин социального конфликта в системе "врач — пациент" можно утверждать, что одной из них, безусловно, выступает глобализация, предопределяющая общий характер развития мирового сообщества, властно вторгающаяся в судьбы живущих в нем людей. Новые, глобальные социальные отношения приводят к трансформации и, в известной степени, унификации национальных социальных институтов медицины и здравоохранения, которая не всегда происходит в интересах их субъектов, как врачей, так и пациентов.

Среди мезопричин необходимо назвать радикальные рыночные реформы в России, приведшие к слому сложившейся системы медицинской помощи ее населению, не всегда дальновидную политику государства в сфере здравоохранения, серьезную реорганизацию его правовой основы.

Микропричиной конфликта в социальной системе "врач — пациент" может выступать как конкретная ситуация, в которую попал отдельный больной человек, так и характер поведения врача по отношению к нему, на которое влияют всевозможные субъективные обстоятельства.

Однако самой существенной причиной конфликтного противостояния представляется новая социальная структура российского общества, с ее достаточно жесткой дифференциацией на богатых и бедных людей, вопиюще неравных с точки зрения доступа к платным социальным благам, одним из которых стало здравоохранение. Новая социальная стратификация повлекла за собой особую форму социальной эксклюзии, когда значительная часть отечественного социума, в том числе и врачи, оказавшись за чертой бедности, в силу этого потеряв свой некогда очень высокий социальный статус,

---

[22] Минздрав озабочен числом жалоб на нарушение этики медработниками. URL: http://ria.ru/society/20121005/766927624.html#ixzz2Y3mgg5s5 (дата обращения: 10.05.2019).

были вынуждены выживать, используя отнюдь не добросовестные рыночные механизмы.

Дефицит ресурсов, неравномерное распределение властных полномочий и неравенство статусных позиций, имеющих место и в современном российском обществе, признаются постоянным источником социальных конфликтов. К этому добавляется неоднородность материальных запросов, разноплановость политических предпочтений и ценностных ориентаций различных социальных и социально-профессиональных групп.

Все эти факторы вносят свой вклад в причины и сущность социальных конфликтов в социальной системе "врач — пациент", порождая несовместимые интересы и ценности, разрывая чувства солидарности и вызывая ощущение отчужденности, с сопутствующими ему отношениями и эмоциями. При этом во многом провоцирует конфликт в социальной системе "врач — пациент" деструктивная деятельность СМИ, провоцирующая и "разогревающая" конфликтное противостояние.

Действительно, любая информация, которая поступает из СМИ, оставляет свой след в сознании, а также в подсознании человека. Положительная информация снимает напряженность в обществе, создает более благоприятные условия для овладения широким кругом информации, влияет на развитие общества, посредством выявления возможного потенциала самого общества. Современному обществу необходимо освещать различные актуальные общественные вопросы, наличие в государстве свободных от цензуры СМИ является признаком демократии. Но в данном случае речь идет о лживой и недостоверной информации, которая наносит вред обществу и каждому индивиду в отдельности. Кроме того, необходимо учитывать природу воздействия средств массовой информации непосредственно на конкретные социальные группы в различных сферах социальной жизни, особенно, на аудиторию больных людей.

Например, категория больных людей более восприимчива именно к негативным моментам, которые производят на болеющего человека сильное впечатление, обостряют у него чувство безнадежности и способствуют развитию стресса или депрессивного состояния. Тем самым усложняется тесная неразделимая социальная взаимосвязь между пациентом и врачом, которая является неотъемлемой частью, определяющей процесс их социального взаимодействия. Кроме того, ввиду подачи негативной информации в сознании населения создается негативный образ врача, понижается его социальный статус, формируется недоверие к медицине, про-

воцирующее факты массового уклонения от профессиональной медицинской помощи[23].

Использование негативной информации в таких заголовках СМИ, как "Врачи-убийцы", "Мой ребенок находится в заложниках у врачей", является явным перекосом, который подвергает психоэмоциональному стрессу миллионы людей. Убедительно доказывают отрицательное влияние на сознание негативной информации в СМИ как на врача, так и пациента показатели социального мониторинга, проведенного (в 2013–2017 гг.) лично автором[24].

Так, при ответе на вопрос "Каким образом, по Вашему мнению, СМИ (включая интернет и популярные телепередачи), разбирая неудачные случаи лечения, влияют на врачей и пациентов?" согласилось с тем, что СМИ "негативно влияют и на врача, и на пациента" подавляющее большинство опрошенных (86,2%). На то, что СМИ, в первую очередь, негативно воздействуют на врача таким образом, что у него "утрачивается чувство удовлетворенности профессией" указало больше половины респондентов (54,8%). Примерно треть врачей (31,4%) считают, что СМИ негативно влияют на пациента, так, что у него "теряется вера во врача".

Только 13,8% считают, что "ни на пациента, ни на врача СМИ не оказывают влияния". При этом самый большой процент лиц (55%), которые полагают, что СМИ не оказывает никакого влияния, из возрастной группы респондентов от 30 до 39 лет. Это объясняется тем, что данное поколение росло в эпоху ускоренной глобализации и информатизации, изменений телевизионного пространства, не обремененных задачей защиты общественных интересов и удовлетворения высоких духовных запросов зрителя. Соответственно их мнения и суждения отличаются от мнений и суждений других возрастных групп в "либеральную сторону".

Анализ результатов ответов пациентов на вопрос "Каким образом, по Вашему мнению, СМИ (включая интернет и популярные телепередачи), разбирая неудачные случаи лечения, влияют на врачей и пациентов?" показал, что, по мнению абсолютного большинства из

---

[23] См. подробнее: *Семина Т.В.* Социология труда врача в эпоху глобализации. М., 2015.

[24] Исследование проводилось с 2013 по 2017 гг. в Федеральном государственном бюджетном учреждении "Национальный медицинский исследовательский центр сердечно-сосудистой хирургии им. А.Н. Бакулева" Министерства здравоохранения Российской Федерации. В мониторинге приняли участие 1793 медицинских работника, в том числе 298 врачей-специалистов, 425 врачей-ученых, 185 врачей-ординаторов, 113 врачей-аспирантов, 772 медицинских работника среднего звена, а также 9220 пациентов, в том числе 3150 пациентов стационарного лечения, 5150 пациентов поликлинических услуг, 920 опекунов несовершеннолетних пациентов.

них, средства массовой информации (телевидение, интернет, газеты и журналы) отрицательно влияют на взаимоотношения врача и пациента. На то, что они "инициируют конфликты между пациентом и врачом" — указало 29,2% пациентов стационара и 22,6% законных представителей несовершеннолетних пациентов. 20,6% пациентов, воспользовавшихся поликлиническими услугами, также считают, что взаимоотношения пациента и врача из-за негативных передач, транслируемых СМИ, существенно ухудшаются.

В то же время 58,4% пациентов, воспользовавшихся поликлиническими услугами, утверждают, что они "стали грамотнее, и могут указать врачу на ошибку" именно благодаря СМИ. 35% пациентов стационара полагают, что за счет СМИ повысилась их правовая грамотность. Следует отметить, что с данными утверждениями согласно только 8,7% законных представителей несовершеннолетних пациентов. При этом более двух третей респондентов из данной группы утверждают, что СМИ понижают статус врача в обществе. Подобным образом считают 35,8% пациентов стационара и 21% пациентов, воспользовавшихся услугами поликлиники.

Таким образом, результаты специального социологического мониторинга подтвердили тот факт, что особо негативное влияние СМИ оказывают именно на больных людей, и, прежде всего на тех, которые просмотрели передачу о врачебной ошибке. Дело в том, что мировоззрение больного человека отличается от такового у здорового, поскольку в структуре его сознания непроизвольно культивируется страх смерти, а инстинкт самосохранения утрачивается. Также пагубно на сознание родителей воздействуют передачи, в которых разбираются случаи смерти маленьких детей.

Результаты социологического исследования (конец 2018 — начало 2019 гг.), проведенного автором также показали, что абсолютное большинство врачей (68,8%) и пациентов (82,2%) считают, что из-за СМИ, интернета, популярных телепередач, разбирающих неудачные случаи лечения и, тем самым, влияющих на общественное мнение, очень сильно увеличивается количество больных людей, занимающихся самолечением, не прибегая к услугам профессиональных медиков.

Данные еще одного социологического опроса, проведенного на тему доверия пациентов медицинской информации, транслируемой через СМИ, показали, что число людей, доверяющих информации о медицине и врачах отличается незначительно: доверяющих — 49%, а не доверяющих — 39%[25].

---

[25] *Кузнецов А.В.* Социальные взаимоотношения врачей, пациентов и СМИ в процессе медикализации: автореф. дисс. … канд. социол. наук. Волгоград, 2009. С. 6.

Очевидно, что в отношениях медицины и общества СМИ часто играют антисоциальную роль, транслируя скандальные телепередачи, в которых на суд зрителей выносятся неудачные случаи лечения пациентов с позиции отдельных недобросовестных журналистов, адвокатов, конкурентов, коммерчески заинтересованных лиц, которые не имеют ничего общего с медициной. Популярные телепередачи в СМИ, в которых знаменитые ведущие совместно с аудиторией, выражая возмущение непрофессиональными действиями или бездействиями врачей с помощью непроверенной информации, на самом деле порочат честь и достоинство целой клиники, существенно снижают социальный статус врача в общественном сознании.

Так, результаты социологического мониторинга (в 2013 г.) показали, что все опрошенные врачи (100%) утвердительно ответили на вопрос "Воздействуют ли современные СМИ на мировоззрение врача?" Из них большинство (64,5%) считает, что СМИ оказывают огромное негативное влияние на личность врача, пятая часть (19,6%) респондентов утверждает, что СМИ формируют определенные эмоции и поведение врача, а 15,9% убеждены в том, что СМИ способствуют потери у личности ценностных ориентиров, ведущих к недооценке значимости человеческой жизни. Действительно, демонстрационный показ жертв ураганов, смерчей и вооруженных конфликтов трансформирует сознание людей, в том числе и врачей так, что из него постепенно исчезает нравственная компонента. Таким образом, вред от такой деятельности СМИ очевиден: больные люди в последующем, возможно, вообще откажутся от медицинских услуг и станут заниматься самолечением.

В то же время, результаты проведенного социологического исследования (конец 2018 — начало 2019 гг.) свидетельствуют о том, что все же мировоззрение врачей, также как и их профессиональные навыки, являются относительно устойчивыми по отношению к воздействию СМИ.

В частности, абсолютное большинство врачей (51%) и большинство пациентов (44,4%) считают, что из-за СМИ, интернета, популярных телепередач, разбирающих неудачные случаи лечения и, тем самым, влияющих на общественное мнение, не очень сильно формируются фобии у врача, способствующие их психологической дестабилизации, следовательно, могущие провоцировать врачебные ошибки.

Кроме того, большинство пациентов (58%) и меньше половины врачей (48,4%) считают, что недостоверное и непроверенное освещение в СМИ медицинских проблем с поиском скандального сюжета не очень сильно вызывает у врачей защитную ответную реакцию. Но

все же при этом примерно каждый пятый пациент (19,6%) и каждый четвертый врач (24,8%) считают данную реакцию очень сильной.

Какие тенденции во взаимоотношениях аудитории больных и СМИ особенно характерны для последнего времени?

Во-первых, характер воздействия СМИ становится все более массированным, но, как правило, односторонним, не опосредованным значимой обратной связью. От этого особенно страдает население пожилого возраста, привыкшее воспринимать информацию не как искаженную, а как реальную, соответствующую действительности, что и определяет их дальнейшее поведение по отношению к собственному здоровью, к медицинской организации или врачу.

Так, результаты проведенного социологического исследования (конец 2018 — начало 2019 гг.) показали, что абсолютное большинство врачей (68,8%) и пациентов (82,2%) считают, что из-за СМИ, интернета, популярных телепередач, разбирающих неудачные случаи лечения и, тем самым, влияющих на общественное мнение, очень сильно увеличивается количество больных людей, занимающихся самолечением, не прибегая к услугам профессиональных медиков.

Во-вторых, в интернете не просто можно найти абсолютно любые сведения о болезнях и их симптомах, размещенные на специализированных сайтах для врачей. На самом деле, этот информационный ресурс просто насыщен агрессивной и вредной информацией, которая сопровождает буквально каждую ссылку и которая, как утверждают врачи-эксперты, не только недостоверна, но и наносит вред больному человеку, поскольку формирует фобии по поводу его здоровья. Более того, человек, не имеющий медицинского образования, поставив себе заведомо ложный диагноз без обращения к врачу и предприняв “рекомендованное лечение”, существенно подрывает свое здоровье.

В-третьих, в деятельности современных СМИ явно присутствуют признаки экономической заинтересованности, а сам процесс распространения информации все больше приобретает прагматичный и корыстный характер. Главным источником дохода для средств массовой информации стала реклама, особенно лекарственных и фармацевтических препаратов. Различные компании рекламируют свою продукцию, а средства массовой информации не только окупают материально-технические затраты, но и получают солидную прибыль.

В настоящее время имеется множество способов агрессивной рекламы лекарственных препаратов в средствах массовой информации (СМИ). В их числе рекламные объявления в прессе (газетах

и журналах), в интернете, по радио, посредством наружной рекламы — с использованием плакатов, раздачей листовок и т.п. Однако на наш взгляд, самыми эффективными по воздействию на аудиторию являются ролики, рекламирующие лекарственные препараты на телевидении. В данной связи автором был проведен детальный анализ рекламы лекарственных препаратов на основе данных двух телеканалов — телеканала Россия 1 и 5-го канала ТВ, посредством анализа информации во время рекламных пауз на каналах. Время проведения исследования было разделено на два временных интервала: 09:00–18:00 и 12:00–20:00.

При исследовании рекламы на телевидении в обозначенные отрезки времени учитывалось, что у экранов находится больше зрителей, и, соответственно, аудитория значительно больше. Анализу подвергались количество рекламных роликов лекарственных и фармацевтических препаратов, распределение их частоты по времени, названия лекарственных препаратов, в отношении которых составлялись подробные описания по применению.

Проведенное исследование показало, что на телеканале Россия 1 реклама лекарственных препаратов осуществлялась очень интенсивно — практически каждые полчаса (24 раза) с 12 до 20 часов. При этом наряду с относительно безобидными препаратами, такими как, например, белый уголь, активно рекламировались препараты, которые имеют серьезные побочные эффекты и требуют специальных врачебных назначений (де-нол, одестон, лиотон и др.). На 5 канале реклама лекарственных препаратов также осуществлялась крайне интенсивно — 81 раз с 9 до 18 часов. Широко рекламируемыми (дорогостоящими) препаратами являлись венотонизирующие, антимикробные, противогрибковые, желудочные препараты.

Нельзя не отметить и потенциальную опасность для жизни и здоровья людей бездумного рекламирования БАДов, позиционирующихся СМИ в качестве лечебного средства от конкретных заболеваний. Так, самим пациентом, без какой-либо профессиональной диагностики, устанавливается диагноз, и назначается самолечение с помощью БАД на основании лишь содержания передаваемой информации. При этом информационные материалы о многих БАД не содержат полных сведений о составе входящих в них ингредиентов, противопоказаниях к назначению и нередко несут заведомо ложное утверждение[26], а производители и информаторы обогащаются, но ответственности никакой не несут.

---

[26] *Селезнев Е.Ф., Чайцев В.Г.* Медико-фармацевтические, информационно-образовательные проблемы биоэтики (окончание) // Экономический вестник фармации. 2005. № 3. URL: https://www.lawmix.ru/med/2880 (дата обращения: 23.07.2019).

В-четвертых, имеет место явно ангажированная деятельность СМИ, направленная против всего медицинского сообщества. Как правило, СМИ преподносят факты оказания медицинской помощи, при этом чаще всего выносят на суд общественности неудачные результаты сложных случаев лечения. Достаточно часто популярные телепередачи, рассчитанные на самую большую аудиторию, представляют информацию о следственном расследовании, когда еще не установлены факты, не предоставлены доказательства по делу о том, что послужило поводом к его возбуждению. Смерть или инвалидность пациента, смерть ребенка, особенно негативно и мощно воздействуют на аудиторию и вызывают агрессию у граждан, и, что особенно асоциально, отрицательно влияют на больного человека.

Так, по результатам мониторинга анализ ответов врачей на вопрос "Какое влияние оказывают на пациента публицистические псевдонаучные материалы о лечении заболеваний, распространяемые в СМИ?", показал, что 59% из числа респондентов-врачей различных возрастных категорий считают, что реклама через СМИ или интернет, публицистических и псевдонаучных материалов о лечении заболеваний оказывают отрицательное воздействие на пациентов — они начинают заниматься самолечением и болезнь запускается.

При этом 38,6% врачей полагают, что при таких обстоятельствах "пациент игнорирует назначения врача, считает, что он обладает медицинскими познаниями в полном объеме, и это порождает конфликт интересов". Конфликт в данном случае обусловлен психологическими доминантами поведения больного человека, его ориентирами и мотивами по сохранению собственного здоровья.

Следует отметить, что расхождение личностных смыслов и мотивов не только является одной из основных причин конфликтов, но и определяет линию поведения в конфликте каждой из сторон. Только 2,4% из числа опрошенных автором различных возрастных категорий считают, что реклама через СМИ, интернет, публицистические и псевдонаучные материалы о лечении заболеваний не оказывают отрицательного воздействия ни на пациента, ни на врача.

Однако конфликты в социальной системе "врач — пациент" не связаны исключительно с деструктивной деятельностью СМИ. В первую очередь, они имеют объективные основы, включающие всю совокупность назревших проблем внутри самой системы здравоохранения, следствием чего является разрушение общественной солидарности, снижение статуса врача и российской медицины в общественном сознании.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Болучевская В.В., Павлюкова А.И., Сергеева Н.В. Общение врача: особенности профессионального взаимодействия // Медицинская психология в России: электрон. науч. журн. 2011. № 3. URL: http://medpsy.ru (дата обращения: 15.04.2018).

Витч Р. Модели моральной медицины в эпоху революционных изменений // Вопросы философии. 1994. № 3. С. 25–34.

Волчанский М.Е. Социология конфликта в медицине: дисс. … докт. социол. наук. Волгоград, 2008.

Кузнецов А.В. Социальные взаимоотношения врачей, пациентов и СМИ в процессе медикализации: автореф. дисс. … канд. социол. наук. Волгоград, 2009.

Минздрав озабочен числом жалоб на нарушение этики медработниками. URL: http://ria.ru/society/20121005/766927624.html#ixzz2Y3mgg5s5 (дата обращения: 10.05.2019).

Михальченко Д.В., Михальченко А.В. Необходимость дополнительной подготовки врача по вопросам взаимоотношений с пациентом // Волгоградский научно-медицинский журнал. 2014. № 2. С. 43.

Николаева В.В., Первичко Е.И., Загорец Т.П. Особенности отношений в диаде “врач — пациент” при соматоформных расстройствах. URL: https://psihologia.biz/psihologiya-psihologiya-obschaya_693/nikolaeva-pervichko-zagorets-osobennosti-16119.html (дата обращения: 15.01.2018).

Петров В.И., Седова Н.Н. Проблема качества жизни в биоэтике. Волгоград, 2001.

Селезнев Е.Ф., Чайцев В.Г. Медико-фармацевтические, информационно-образовательные проблемы биоэтики (окончание) // Экономический вестник фармации. 2005. № 3. URL: https://www.lawmix.ru/med/2880 (дата обращения: 23.07.2019).

Семина Т.В. Влияние средств массовой информации (СМИ) на сферу здравоохранения // Казанская наука. 2015. № 7. С. 63–65.

Семина Т.В. Причины социальных конфликтов в современном здравоохранении // Бюллетень НЦССХ им. А.Н. Бакулева. Сердечно-сосудистые заболевания. 2015. Т. 16. № 3. Приложение.

Семина Т.В. Социология труда врача в эпоху глобализации. М., 2015.

Семина Т.В. Социальный конфликт “врач — пациент” в современном российском обществе: объективные причины и субъективные факторы // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2016. № 1. С. 84–106.

Семина Т.В. Факторы эскалации социального конфликта медицины и населения в условиях трансформации общества // Политика и общество. 2017. № 10. С. 1–9.

Сергеев Ю.Д., Мохов А.А. Ненадлежащие врачевание: возмещение вреда здоровью и жизни пациента. М., 2007.

Середина Н.В., Шкуренко Д.А. Основы медицинской психологии. Ростов н/Д., 2003.

Силуянова И.В. Избранные. О призвании врача. М., 2008.

Силуянова И.В. Патернализм и информированное согласие: проблема совместимости // Главный врач. 2006. № 3.

Сырейщикова И.А. Основания возникновения правоотношений, связанных с оказанием медицинской помощи // Юрист. 2008. № 11.

REFERENCES

Boluchevskaya V.V., Pavlyukova A.I., Sergeeva N.V. Obshchenie vracha: osobennosti professional'nogo vzaimodejstviya [Doctor's communication: features of professional interaction] // Medicinskaya psihologiya v Rossii: elektron. nauch. zhurn. 2011. N 3. URL: http://medpsy.ru (data obrashcheniya: 15.04.2018) (in Russian).

Emanuel E.J., Emanuel L.J. Four models of the physician-patient relationship // JAMA. 1992. Vol. 276. N 16. P. 2221–2226.

Heritage J., Maynard D.W. After 30 years, problems and prospects in the study of doctor-patient interaction // Handbook of the Sociology of Health, Illness and Healing / Ed. by B.A. Pescosolido, J.K. Martin, J.D. McLeod, A. Rogers. Ch. 17. N.Y., 2011. P. 323–343.

Kuznecov A.V. Social'nye vzaimootnosheniya vrachej, pacientov i SMI v processe medikalizacii: avtoreferat dissertacii kandidata sociologicheskih nauk [Social relationships between doctors, patients and the media in the process of medicalization: author. diss. ... Cand. sociol. sciences]. Volgograd, 2009 (in Russian).

Minzdrav ozabochen chislom zhalob na narushenie etiki medrabotnikami [The Ministry of Health is concerned about the number of complaints about violation of ethics by health workers]. URL: http://ria.ru/society/20121005/766927624.html#ixzz2Y3mgg5s5 (data obrashcheniya: 10.05.2019) (in Russian).

Mihal'chenko D.V., Mihal'chenko A.V. Neobhodimost' dopolnitel'noj podgotovki vracha po voprosam vzaimootnoshenij s pacientom [The need for additional training of the doctor on the relationship with the patient] // Volgogradskij nauchno-medicinskij zhurnal. 2014. N 2 (in Russian).

Nikolaeva V.V., Pervichko E.I., Zagorec T.P. Osobennosti otnoshenij v diade "vrach-pacient" pri somatoformnyh rasstrojstvah [Features of the relationship in the "doctor — patient" dyad in somatoform disorders]. URL: https://psihologia.biz/psihologiya-psihologiya-obschaya_693/nikolaeva-pervichko-zagorets-osobennosti-16119.html (data obrashcheniya: 15.01.2018) (in Russian).

Petrov V.I., Sedova N.N. Problema kachestva zhizni v bioetike [The problem of the quality of life in bioethics]. Volgograd, 2001 (in Russian).

Seleznev E.F., Chajcev V.G. Mediko-farmacevticheskie, informacionno-obrazovatel'nye problemy bioetiki (okonchanie) [Medical and pharmaceutical, information and educational problems of bioethics (end)] // Ekonomicheskij vestnik farmacii. 2005. N 3. URL: https://www.lawmix.ru/med/2880 (data obrashcheniya: 23.07.2019) (in Russian).

Semina T.V. Vliyanie sredstv massovoj informacii (SMI) na sferu zdravoohraneniya [The influence of the media (mass media) on the health sector] // Kazanskaya nauka. 2015. N 7 (in Russian).

Semina T.V. Prichiny social'nyh konfliktov v sovremennom zdravoohranenii [Causes of social conflicts in modern health care] // Byulleten' NCSSKH im. A.N. Bakuleva. Serdechno-sosudistye zabolevaniya. 2015. T. 16. N 3. Prilozhenie (in Russian).

Semina T.V. Sociologiya truda vracha v epohu globalizacii [Sociology of doctor's work in the era of globalization]. M., 2015 (in Russian).

Semina T.V. Social'nyj konflikt "vrach — pacient" v sovremennom rossijskom obshchestve: ob"ektivnye prichiny i sub"ektivnye faktory [Social conflict "doctor — patient" in modern Russian society: objective reasons and subjective factors] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya. 2016. N 1. S. 84–106 (in Russian).

Semina T.V. Faktory eskalacii social'nogo konflikta mediciny i naseleniya v usloviyah transformacii obshchestva [Factors of escalation of social conflict between medicine and the population in the context of society transformation] // Politika i obshchestvo. 2017. N 10. S. 1–9 (in Russian).

Sergeev Yu.D., Mohov A.A. Nenadlezhashchie vrachevanie: vozmeshchenie vreda zdorov'yu i zhizni pacienta [Improper treatment: compensation for harm to the patient's health and life]. M., 2007 (in Russian).

Seredina N.V., Shkurenko D.A. Osnovy medicinskoj psihologii [Fundamentals of Medical Psychology]. Rostov n/D., 2003 (in Russian).

Siluyanova I.V. Izbrannye. O prizvanii vracha [The chosen ones. About the calling of a doctor]. M., 2008 (in Russian).

Siluyanova I.V. Paternalizm i informirovannoe soglasie: problema sovmestimosti [Paternalism and Informed Consent: The Problem of Compatibility] // Glavnyj vrach. 2006. N 3 (in Russian).

Syrejshchikova I.A. Osnovaniya vozniknoveniya pravootnoshenij, svyazannyh s okazaniem medicinskoj pomoshchi [Grounds for the emergence of legal relations associated with the provision of medical care] // Yurist. 2008. N 11 (in Russian).

Osipova N.G., Semina T.V., Solomatina E.N. Social conflict in the modern Russian society on the example of the "doctor-patient" relations // Ponte. 2017. Vol. 73. N 11. P. 295–310.

Vitch R. Modeli moral'noj mediciny v epohu revolyucionnyh izmenenij [Models of moral medicine in the era of revolutionary changes] // Voprosy filosofii. 1994. N 3. S. 25–34 (in Russian).

Volchanskij M.E. Sociologiya konflikta v medicine: diss. … dokt. sociol. Nauk [Sociology of conflict in medicine: diss. ... doct. sociol. sciences]. Volgograd, 2008 (in Russian).

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

DOI: 10.24290/1029-3736-2020-26-3-66-87

КОГДА ЖЕ ВЗОЙДЕТ “ЗАРЯ ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ НОВОЙ” НАД РОССИЕЙ?

Т.Н. Самсонова, докт. полит. наук, проф. кафедры политологии и социологии политических процессов социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, МГУ, д. 1. стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234*

“В нас нет достоинства простого гражданина”
М.А. Волошин

“Заря гражданственности новой
Над нами в небесах горит”
Ф.К. Сологуб

В статье рассматриваются теоретические подходы к формированию гражданской политической культуры в современной России. Как особый тип политической культуры, она является частью механизма, который служит реализации социальных требований, поддержанию демократических принципов, обеспечению общественного единения.

Автор выделяет основные черты гражданской культуры: связь с социальными потребностями общества; участие в регулировании его жизнедеятельности на основе государственных институтов; ответственность и подчинение закону; ориентация на обеспечение политического порядка и стабильности; активное политическое участие граждан и т.д. Гражданская культура способствует управляемости общества, обеспечению политического порядка и демократии. В статье раскрывается роль государства в становлении гражданского общества и формировании гражданской политической культуры. Большое внимание уделяется носителям гражданской культуры, а также роли гражданского образования и патриотического воспитания граждан России.

Ключевые слова: *гражданская политическая культура, гражданское общество, гражданственность, гражданин, гражданское образование, Россия.*

* **Самсонова Татьяна Николаевна**, e-mail: ashberry@mail.ru

WHEN WILL THE "DAWN OF NEW CIVISM" RISE OVER RUSSIA?

Samsonova Tatiana N., PhD in political science, professor, Department of politology and the sociology of political processes, Faculty of sociology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: ashberry@mail.ru

The article deals with theoretical approaches to the formation of the civic culture in nowadays Russia. As a particular type of political culture, it acts as a part of the mechanism, which serves to implement social demands, maintaining democratic principles, and ensuring social unity.

The author outlines the major features of the civic culture: connection with social needs of the community; involvement in regulating its vital activity on the basis of state institutions; responsibility and obedience to law; orientation towards political order and stability; the citizens' active political participation, etc. The civic culture contributes to controllability of the society promoting to political order and democracy. The article reveals the role of the state in the formation of civil society and the civic political culture. Considerable attention is paid to the bearers of political civic culture, as well as the role of civic and patriotic education of Russian citizens.

Key words: *civic culture, civil society, civism, citizen, civic education, Russia.*

Введение

Актуальность исследования процесса формирования в современной России гражданской политической культуры и неразрывно связанного с ним развития гражданского общества обусловлена происходящими в стране глубокими изменениями и теми проблемами, которые предстоит решать в обозримом будущем. Обеспечение эффективности проводимых реформ, стабильность политической системы возможны лишь при непосредственном участии гражданского общества, функционирование которого предполагает определенное политическое самосознание граждан. Однако ценности гражданского общества и гражданской культуры пока недостаточно укоренены в массовом сознании россиян. Как показывает практика, формирование способного осуществлять необходимый контроль над властью гражданского общества и соответствующей культуры граждан — задача не простая, требующая решения многих социально-экономических и политических проблем.

За последние десятилетия в России было опубликовано немало работ, посвященных проблемам становления гражданского общества и формирования гражданской культуры, однако до настоящего времени в отечественном (как, впрочем, и в зарубежном) обществознании не сложилось общепринятого их определения. Более того, концепция гражданской культуры не часто выступала в качестве

самостоятельного объекта изучения[1], а рассматривалась по преимуществу в контексте исследования гражданского общества. Между тем "субъектное", если можно так выразиться, измерение гражданского общества, наряду с институциональными его составляющими, имеет большое значение. Гражданская культура — смысловое ядро дискурса гражданского общества, поэтому важно оценить качество того "человеческого материала", из которого складывается его субъектная "ткань". Нуждаются в уточнении понятие и признаки гражданской культуры (а также понятие "гражданственность"), перспективы ее формирования в современной России.

Политическая культура: основные подходы к исследованию

Осмысление содержания понятия гражданской культуры предполагает использование методологии исследования политической культуры и ее типологии. Первостепенную роль в ее изучении, как представляется, играет системный подход, применение которого восходит к трудам таких известных зарубежных ученых, как Т. Парсонс, Д. Истон, К. Дойч. Он позволяет всесторонне исследовать роль политической культуры в механизме функционирования политической системы, выявить значение политико-культурных оснований деятельности ее институциональных структур, глубже изучить феномен гражданского общества и его взаимоотношение с государством.

Политическая культура — субъективная сторона политики. Она характеризует и в то же время формирует исторический опыт и память поколений в сфере политики, те ориентации и навыки, которые влияют на политическое поведение индивидов и групп. Однако в трактовке понятия политической культуры, содержания ее сферы, уровней и границ среди исследователей существуют немалые

---

[1] См.: *Гривцева Г.Я.* Гражданственность и гражданская культура — результат становления гражданского общества // Вестник Челябинского государственного университета. Философия. Социология. Культурология. 2012. № 18 (272). Вып. 25; *Ковалев В.В.* Гражданская культура как базовый конструкт гражданского общества // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2014. № 1; *Омеличкин О.В.* Гражданская культура в России: проблемы формирования // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 2 (62). Т. 2; *Рябев В.В.* Гражданская политическая культура как предпосылка формирования современного российского гражданского общества // Вестник МГТУ. 2004. Т. 7. № 2. С. 338–346; *Самсонова Т.Н.* К вопросу о формировании гражданственности в современной России // Гражданское общество: теория и практика. Ежегодник. 2011. Вып. 5 / Под ред. Б.Г. Миронова, Ю.М. Резника. М.; Чебоксары, 2011; *Самсонова Т.Н.* Формирование гражданской культуры в современной России // Философские науки. 2013. № 1.

расхождения. Можно выделить так называемый ориентационный подход (Г. Алмонд, С. Верба, Л. Пай, У. Розенбаум), в рамках которого акцент делается на исследовании системы политических взглядов, ориентаций, представлений, проявляющихся на когнитивном, аффективном и оценочном уровнях. Данный подход (несмотря на то, что его разработали родоначальники теории политической культуры Г. Алмонд, С. Верба) подвергался обоснованной критике за чрезмерное внимание к одной компоненте — политическим ориентациям, что приводит к недооценке роли политического поведения масс и политических элит.

Стремясь восполнить этот "пробел", ряд исследователей (Е. Вятр, Р. Такер) расширили границы понятия политической культуры, обосновывая необходимость изучения взаимосвязи политического сознания и поведения в понимании различных политико-культурных явлений. Предлагается и более широкая трактовка политической культуры, сторонники которой утверждают, что на социетальном уровне ее содержание необходимо дополнить "культурой" функционирования политической системы, ее институциональных структур[2]. Этот подход представляется наиболее продуктивным. "Учет", наряду со сферой сознания, политического поведения индивидов и групп, а также институционального компонента позволяет глубже понять взаимосвязь политической культуры граждан и политической системы, дает возможность изучать механизмы формирования политической культуры, рассматривая ее как фактор, в немалой степени определяющий специфику происходящих в обществе социально-политических изменений.

Политическая культура является продуктом коллективной истории политической системы, историй жизни ее членов, другими словами, она коренится в событиях общественной жизни и в частном жизненном опыте. Поэтому важен поиск смысловой связи между течением событий, образующих политическую жизнь, и "паутиной верований", составляющих культуру.

В любом обществе господствующая культура, сохраняя определенную преемственность, может, будучи динамической системой, существенно отличаться от той, которая существовала одно или два поколения назад. Со временем меняются доминирующие ценностные ориентации и установки. Именно тип политической культуры во многом определяет способность граждан к эффективному взаимодействию с органами власти, умение отстаивать свои интересы, оказывать влияние на процесс принятия политических решений,

---

[2] См.: *Баталов Э.Я.* Политическая культура России сквозь призму civic culture // Pro et contra. 2002. Т. 7. № 3. С. 8–11.

содействуя тем самым успешному функционированию гражданского общества и государства.

В современной России в ходе кардинальных изменений во всех сферах жизнедеятельности происходит трансформация системы ценностей. При этом новые ценности, проникая в сложившуюся систему, могут вызывать глубокие социальные дисфункции, создавая угрозу роста социально-политической напряженности в обществе. Российская политическая культура включает столько разнородных пластов и элементов, которые с трудов укладываются в рамки традиционных типологий. В сознании россиян существует противоречие между ценностями традиционной политической культуры и формируемой гражданской культуры. На протяжении долгого времени в стране не было гражданских прав и свобод, проявлялись аполитичность и инертность значительной части населения, недостаток его способности к самоорганизации. "Наша гражданственность еще не сложилась, — отмечал литературовед XIX века А.В. Никитенко, — потому что у нас нет главного, без чего бывает сожитие, а не гражданственность…: духа общественности"[3]. ("Нет! в нас отцы не воспитали, / Не подготовили граждан", *И.С. Никитин*).

В силу специфики развития России ее политической культуре присущи такие черты, как гетерогенность (фрагментированность), полисубкультурность, традиционализм, этатизм, преобладание подданнических и патерналистских ориентаций, высокая степень персонификации и сакрализация власти, правовой нигилизм части населения. Фрагментарный характер политической культуры присущ всем обществам переходного типа, но в России это "накладывается" на большую социальную, культурную, региональную, этническую разнородность. Далеко не все особенности российской политической культуры стоит рассматривать как "изъяны", поскольку они формировались в течение длительного времени под влиянием внешних и внутренних факторов. И с ними нельзя не считаться, решая вопросы стабилизации и модернизации страны, построения гражданского общества и гражданской культуры. ("Мы не вольны в наследии отцов / И вопреки бичам идеологий / Колеса вязнут в старой колее", *М.А. Волошин*).

Гражданская культура и гражданственность: сходство vs особенности

Хотя понятие "гражданская культура" очень широко используется в научной литературе и публицистике, есть, как уже отмечалось ранее, расхождения в его понимании. Г. Алмонд и С. Верба рас-

[3] *Никитенко А.В.* Дневник: В 3 т. Л., 1955. Т. 1. С. 411.

сматривали ее как "смешанный" тип политической культуры, или политической культуры лояльного участия, где политические ориентации участия сочетаются с патриархальными и подданническими. Такая культура в наибольшей степени соответствует потребностям демократических политических систем[4].

Вместе с тем понятие гражданской культуры сочетает в себе "инвариантные и вариантные элементы"[5]. Оно отражает характерные для демократического общества черты политического сознания и модели политического поведения граждан, "допуская" в то же время некую специфику гражданской культуры в том или ином обществе с учетом его особенностей, что вызывает некоторые различия в интерпретации ее содержания. В силу этого гражданская культура нередко трактуется весьма широко — не только как разновидность политической культуры, но и как феномен, который включает, наряду с политической, и социальную, и правовую составляющие[6]. При таком подходе гражданская культура выступает как органическое единство ценностей — политических, правовых, нравственных, культурных и др., создавая основу для осознания человеком своих гражданских прав и обязанностей. Другими словами, она является неким отражением всего многообразия общественной жизни и оказывает решающее влияние на утверждение социального статуса гражданина. В таком расширительном толковании понятия гражданской культуры, как представляется, есть определенный смысл, что, впрочем, не исключает и правомерность выделения в ней политической составляющей, т.е. ее трактовки как смешанного типа политической культуры.

Что можно отнести к наиболее важным признакам гражданской культуры, которые позволяют выявить уровень ее развития? Это *политическая заинтересованность* граждан (интерес к политическим событиям и процессам, деятельности политиков); *политическая компетентность* (не только необходимые политические знания, но и навыки, способности оказывать влияние на принятие политических решений, а также принимать самостоятельные политические решения); *политическая включенность* (готовность к регулярным и активным политическим действиям — участию в выборах, митингах,

---

[4] См.: *Алмонд Г., Верба С.* Гражданская культура и стабильность демократии // Политические исследования. 1992. № 4. С. 5.

[5] *Баталов Э.Я.* Политическая культура России сквозь призму civic culture // Pro et contra. 2002. Т. 7. № 3. С. 14.

[6] См.: *Сергиенко П.А., Соловьев А.И.* Культура гражданственности. К новой парадигме // Свободная мысль. 1998. № 7. С. 66; *Кочетков А.П.* О формировании гражданского общества // Социально-политические науки. 1999. № 1. С. 20.

демонстрациях и т.д.), *способность выражать в конвенциональной форме протест* в случае ущемления гражданских прав и свобод; *приверженность демократическим ценностям*. Гражданская культура, как разновидность политической культуры, выполняет немало важных функций: познавательную, образовательную, мировоззренческую, ориентационную, интегративную, коммуникативную, функции идентификации, адаптации, мобилизации, политической социализации.

Есть необходимость в уточнении еще одного, близкого, понятия — "гражданственность". До настоящего времени не сложилось научно обоснованного его определения. Одни считают, что понятия "политическая культура" и "гражданственность" близки по значению, даже идентичны, другие под гражданственностью понимают практическую сторону политической культуры, третьи — духовно-нравственные качества людей[7]. Если включать в понятие гражданственности политические знания, ценности и действия, исходя из широкого, "социетального" подхода к трактовке политической культуры, то тогда понятия "политическая культура" и "гражданственность" можно признать идентичными. Как отмечал американский политолог Р. Даль, хороший гражданин проявляет большой интерес к общественно-политической жизни, хорошо информирован о программных документах, кандидатах и партиях, совместно со своими согражданами активно участвует в решении общественных вопросов, оказывает путем голосования активное влияние на политику правительства[8].

Понятие гражданственности претерпело немало смысловых изменений. Ее можно рассматривать как интегративное качество личности, включающее несколько аспектов: а) *мировоззренческий* (знания, убеждения, ценностные ориентации и др.); б) *поведенческий* (нормы, установки, поступки); в) *оценочный* (качественное состояние политического, правового, нравственного, самосознания, стиль мышления); г) *культурный* (культура чувств, отношений, поведения)[9]. Гражданственность дает возможность человеку ощущать себя юридически, политически, социально и нравственно дее-

---

[7] См.: *Никифоров Ю.Н., Скалина А.Н.* О понятии "гражданственность" // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2007. № 2. Ч. 2. С. 155.

[8] *Даль Р.* Проблемы гражданской компетентности. URL: gumer.info›bibliotek_Buks/Polit/dal/pr_gra.php (дата обращения: 2.01.2020).

[9] См.: *Никифоров Ю.Н., Скалина А.Н.* О понятии "гражданственность" // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2007. № 2. Ч. 2. С. 155.

способным. Она отражает опыт гражданско-правовой деятельности (гражданско-правовые знания, умения), что позволяет человеку высказывать собственную точку зрения, выражать отношение к происходящим в обществе событиям, отстаивать свои мировоззренческие позиции. Формирование гражданственности, в ходе которого происходит перевод требований политической системы в структуру личности, интериоризация ее ключевых политико-культурных элементов, обусловлено как воспитательным воздействием различных институтов, так и непосредственным участием самих граждан в общественно-политической жизни.

По мере развития общества гражданские качества наполняются новым содержанием с учетом изменяющегося мира. ("При каждом виде государственного устройства сущность гражданина меняется", *Аристотель*). Это *гражданский долг* и *гражданская ответственность*, т.е. действенное и критическое отношение к социальной реальности на основе свободного личного выбора, моральных убеждений; *гражданская активность*; осознание своей *гражданской идентичности*; *уважение к законам* государства, *понимание своих прав и свобод* и *умение использовать их* на практике в рамках уважения прав и свобод других граждан; *патриотизм* и др.

Факторы и трудности формирования гражданской культуры в современной России

Соотнесение теоретических конструкций гражданской культуры с реальной политической практикой позволяет определить достигнутый уровень и тенденции ее развития в современной России, а также возникающие в ходе этого процесса проблемы. Как представляется, любая, даже весьма ограниченная либерализация политического режима в российской истории неизменно оборачивалась ростом социальной самодеятельности и гражданского участия, что свидетельствует о противоречивости российского менталитета, сочетающего в себе традиции подданничества и гражданственности. Исследователи чаще всего приходят к мнению, что становление гражданской культуры находится пока на начальном уровне, в ней преобладают "патриархально-подданнические", а демократические ориентации россиян носят, скорее, "потенциальный характер"[10].

---

[10] См.: *Омеличкин О.В.* Гражданская культура в России: проблемы формирования // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 2 (62). Т. 2. С. 79; *Карпова Н.В.* Политическая культура в процессе становления гражданского общества // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2006. № 1. С. 45.

Становление гражданской культуры предполагает доминирование культуры участия, проявление гражданами высокой степени сознательности и организованности, активности, ответственного участия в происходящих социально-политических процессах, приверженность демократическим нормам и приоритетам. Однако россияне в своей повседневной жизни по преимуществу заняты личными и местными проблемами, больше взаимодействуют со своим непосредственным социальным окружением, а по отношению к власти проявляют лояльность и исполнительность. Впрочем, нельзя не отметить, что в гражданской политической культуре прослеживаются (и на это обращали внимание Г. Алмонд и С. Верба) два своего рода "противоречия": между потенциальной возможностью граждан влиять на процесс принятия решений и не столь высоким уровнем реального влияния; между признанием необходимости активного участия в политической жизни и его реальным "объемом".

Формирование гражданской политической культуры в современной России осложняется действием рядом факторов, связанных с переходным характером существующих общественных отношений. Проявляются черты "незападного политического процесса", на которые обратил внимание американский исследователь Л. Пай. Это раскол в обществе в понимании базовых ценностей осуществляемой политики, доминирование политической элиты в процессе принятия решений, значительные различия в политических ориентациях разных сегментов общества, эмоциональность в восприятии политики и др.[11] Именно гражданская культура призвана обеспечивать реализацию системы сдержек и противовесов между господством правящей элиты и ее ответственностью перед обществом, смягчать противоречия между политической активностью и пассивностью граждан, их рациональностью и эмоциональностью, между согласием и существующими разногласиями.

Роль государства в становлении гражданского общества и формировании гражданской культуры

Большую роль в становлении гражданского общества и формировании гражданской культуры призвано играть *государство*. От него требуется не только создание соответствующих правовых и институциональных условий, декларирование определенных принципов, но и готовность к конструктивному сотрудничеству с гражданами при осуществлении своей политики, которая должна

---

[11] См.: *Пай Л.* Незападный политический процесс // Политическая наука. 2003. № 2.

быть демократической по своему содержанию. Другими словами, важен "запуск" социальных механизмов формирования гражданского общества и гражданской политической культуры. Но одновременно важно и встречное движение со стороны общества, требуется "критическая масса активных граждан" (Р. Даль), их включение в публичную политику и тем самым формирование ценностей гражданской культуры. В стране должен сложиться определенный политико-культурный контекст: климат гражданской ответственности, побуждающей граждан к участию. Как писал английский писатель и реформатор С. Смайлс, чтобы люди стали хорошими гражданами, необходимо дать им "возможность проявить свои права граждан и исполнять обязанности граждан".

Институциональные формы поддержки гражданского общества со стороны государства — функционирование Совета при Президенте РФ по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека, проведение различных гражданских форумов, деятельность созданных общественных палат и советов, поддержка и финансирование проектов некоммерческих организаций и др. Можно сказать, что сегодня в России реализуется преимущественно патерналистская модель взаимодействия государства с институтами гражданского общества. Степень влияния граждан на властные структуры весьма незначительна. Слаба финансовая и материально-техническая поддержка институтов гражданского общества со стороны государства (здесь приоритет отдается социально-ориентированным организациям). Поэтому россияне видят пока мало реальных возможностей оказывать влияние на ход социально-политических преобразований, дистанцируются от власти. Уровень доверия во многих сферах российского социума, как на макросоциальном уровне, так и на уровне микросоциальных интеракций, невысок. А между тем доверие содействует формированию надежных социальных связей, укрепляет общество, придает ему целостность. Если без вертикального доверия к власти общество еще как-то может существовать (тогда, правда, трудно говорить о масштабных преобразованиях), то без личностного, частного сопереживания социум трудно считать здоровым. ("Власть без доверия народа ничего не значит", *Екатерина II.*)

Необходимо формирование диалоговых механизмов взаимодействия между государством и институтами гражданского общества. Однако в России пока нет конкурентной политики, построенной на соревновании обоснованных программ, реализуемых при активном участии граждан. Наиболее мощным ограничителем является "зона

власти", которая поощряет патерналистские настроения, закрепляя восприятие политики как системы успешного администрирования с целью решения насущных проблем.

Важнейшим фактором становления гражданской культуры является формирование чувства единства и солидарности граждан. Оно основано на понимании общности исторической судьбы и насущных проблем. Речь идет об установлении прочных социальных связей и взаимном доверии, поскольку гражданская культура предполагает согласие различных социально-политических сил. Однако на пути достижения такого согласия немало препятствий. В обществе нет однозначных решений и оценок, спорными остаются многие проблемы российской истории со всеми ее катаклизмами и парадоксами. Поэтому особенно важна разработка продуманной стратегии развития России, а не просто ее конструирование в информационной повестке СМИ, в популистских программах.

Достижение консолидации общества предполагает решение насущных проблем: это снижение уровня существующих социальных неравенств в разных сферах его жизнедеятельности, повышение эффективности системы госуправления, успехи в борьбе с коррупцией и т.д. Приоритетная задача государства как посредника между социальными группами, как координатора, модератора их существования, — реализация эффективной экономической и социальной модели, нацеленной на устранение вопиющих противоречий, обеспечение консенсуса интересов в обществе, его развитие. Консолидированные общества добиваются бóльших успехов. ("Благодаря согласию растут малые государства, из-за раздора гибнут великие державы", *Г. Сенкевич.*)

Необходимо предъявлять власти соответствующие требования для успешного функционирования политико-административной системы. Россияне (так исторически сложилось) всегда испытывали немалую зависимость от политических институтов, использовавших свои властные полномочия для регламентации, порой весьма произвольно, прав людей, их повседневной жизни. При этом плохо соблюдался принцип реципрокности, т.е. взаимности исполнения обязанностей частными и официальными лицами. Между тем, как утверждал Н.А. Бердяев, за ошибки государственных деятелей расплачивается вся нация. (Как не вспомнить слова А.С. Пушкина "Мы все глядим в Наполеоны / Двуногих тварей миллионы / Для нас орудие одно".)

Низкий уровень госуправления для России явление, увы, не новое, но к этому нельзя привыкать. И одна из ключевых причин такого положения — слабое развитие общественного контроля госу-

дарственного аппарата в силу низкой политической и гражданской активности россиян. Так, согласно данным одного из социологических опросов, 80% респондентов не готовы активнее участвовать в политике, объясняя это преимущественно тем, что "все равно ничего изменить нельзя"[12]. Вместе с тем обнадеживает то, что все больше осознается роль гражданского общества в том, чтобы "власть была поставлена под его контроль"[13].

О гражданской идентичности, гражданственности и патриотизме

Степень сплоченности граждан прослеживается в проявлениях гражданской идентичности — совокупности взаимосвязанных между собой представлений в различных проекциях — временно́й, пространственной, символической, лингвистической, повседневно-бытовой, многогранного образа "мы". Гражданская идентичность предполагает отождествление индивидом себя со своими согражданами, лояльность государству, ответственность за судьбу страны и сопутствующие этому чувства — гордость, энтузиазм (возможно, и разочарование, обида, пессимизм).

Однако существующие социально-экономические, идентификационные, региональные и другие различия не позволяют пока говорить о населении современной России как о политической нации. Идентичность российского социума представляет собой скорее "сложный конгломерат новой российской, ностальгической советской, социальной, региональной, локальной, этнокультурной, религиозной идентичностей"[14]. Успех в построении политической нации во многом зависит не только от решения насущных социально-экономических проблем, но и от способности сплотить россиян, граждан многонационального и многоконфессионального государства, вокруг национальной идеи и обладающих интегрирующим потенциалом ценностей. По словам Президента РФ В.В. Путина, "основными составными элементами российской идентичности должны стать, во-первых, история нашей страны, во-вторых, ценности, заложенные в христианстве и других мировых религиях и, наконец, целый ряд именно гражданских ценностей: патриотизм,

---

[12] См.: Общественное мнение — 2016. М., 2017. С. 44–45.

[13] См.: Общественное мнение — 2015. М., 2016. С. 65.

[14] *Дробижева Л.М.* Процессы гражданской интеграции в полиэтническом российском обществе // Общественные науки и современность. 2008. № 2. С. 72. См. также: *Дробижева Л.М.* Политика интеграции полиэтнического российского общества в доктринальных документах, политологическом дискурсе и массовом сознании // Общественные науки и современность. 2019. № 4.

гражданская ответственность и солидарность, уважение к закону, сопричастность к судьбе Родины”[15].

Содержательное и смысловое наполнение понятий гражданственности и патриотизма относится к числу широко обсуждаемых, более того, дискуссионных вопросов как в научном сообществе, так среди широкой общественности. Эти понятия в научной и публицистической литературе зачастую используются как синонимы. Однако между ними существует некоторое различие. Объектом патриотизма выступает Отечество, Родина, а объектом гражданственности — государство. Патриотизм апеллирует к традиционным социокультурным ценностям, он отражает эмоционально-психологическое отношение к стране, что чаще всего выражается в символической форме. В самом широком смысле патриотизм — это любовь к Родине, безоглядное служение ей. Гражданственность — это не только любовь к Отечеству, это еще и сознательное выполнение своих гражданских обязанностей и долга, постижение политической и правовой культуры, умелое использование своих прав и обязанностей. Оба эти феномена органически объединяются в ситуации, когда государственные интересы совпадают с интересами Отечества. (В 1917 и 1991–1992 гг. соотношение гражданственности и патриотизма в нашей стране проявлялось весьма противоречиво.) В отличие от патриотизма, гражданственность может выражаться как в поддержке действующей власти и правящего режима, так и в недовольстве и несогласии с таковыми, вплоть до открытого противостояния. Для личности важно воспроизводство своей идентичности как отождествления с российской нацией (народом), включенность в общественно-политическую, культурную жизнь страны, осознание себя гражданином России, ощущение причастности к ее прошлому, настоящему и будущему[16].

О субъектах гражданского общества, носителях ценностей гражданской культуры

В разные периоды исторического развития России находились люди, принадлежавшие к разным социальным слоям и сословиям, которых можно условно отнести к активной общественности

---

[15] 2013: Красные линии Владимира Путина // Российская газета. 2013. 26 сент. № 37. С. 3.

[16] См.: *Титов В.В.* Политика памяти и формирование национально-государственной идентичности: российский опыт и новые тенденции: Монография. М., 2017; *Самсонова Т.Н., Титов В.В.* К вопросу о становлении национально-гражданской идентичности российской молодежи в условиях глобальных социокультурных трансформаций начала XXI века // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2017. № 3.

(лидеры общественного мнения, члены различных общественных объединений). Они создавали и охраняли пространство свободы для себя и других людей, и одновременно использовали ее для дискурса с государством и обществом, выдвигая предложения и конкретные гражданские инициативы. К их числу можно отнести К. Минина и Д. Пожарского, М.М. Сперанского, П.А. Столыпина и всех тех, кто своими идеями, моделями поведения, самоорганизацией представляли некую альтернативу уже существующим, но малоэффективным идеям государства и общества, демонстрировали образцы государственного и общественного служения общему благу. («Как только кто-либо говорит о делах государства: “Что мне до этого?” — следует считать, что государство погибло», *Ж.-Ж. Руссо.*)

Если же обратиться к современной России, то важнейшим субъектом, носителем ценностей гражданской культуры призван быть, прежде всего, средний класс. Он играет особую роль в социальных процессах, является основой общества. Среди исследователей нет однозначного мнения относительно численности российского среднего класса. Чаще всего называется примерно 20% населения. Представители среднего класса, имея хорошее образование и высокую квалификацию, отличаются высокой степенью адаптации к свободной рыночной экономике, признают приоритет ценностей демократии и индивидуальной свободы; видят и ценят перспективы роста, в результате формируют запрос на модернизационные преобразования и вместе с тем отвергают политическое насилие. Тем самым они выступают как своего рода социально-политический “стабилизатор” общества, индикатор его социального благополучия и экономического прогресса. Другой вопрос — насколько российский средний класс проявляет политическую активность и включенность в социально-политические процессы? Здесь прослеживается немало проблем. Задача состоит в задействовании институциональных механизмов превращения среднего класса в активный субъект гражданского общества, носителя гражданской культуры. Необходимы планомерные и последовательные усилия государства по поддержке малого и среднего бизнеса, развитию институциональной системы представительства интересов среднего класса, создания условий для роста его самоорганизации.

Анализируя причины низкого уровня участия граждан в постсоциалистических странах в организациях гражданского общества и слабость самого общества, западный исследователь М. Ховард отмечает, что это обусловлено их недоверием к добровольным организациям. Испытывая разочарование от новых политических

институтов и экономической системы, граждане продолжают пользоваться неформальными частными и дружескими связями. Отсюда, по мнению М. Ховарда, два пути, которые ведут к постепенному развитию гражданского общества и формированию гражданственности: смена поколений и более активное взаимодействие государства и организаций гражданского общества[17].

О роли государства в создании условий для развития гражданского общества и формирования гражданственности уже говорилось ранее. Обратимся к проблеме смены поколений. Речь о молодежи. Как относительно самостоятельная и самоопределяющаяся социально-демографическая общность, молодежь включается в общественно-политическую жизнь и постепенно становится значимым субъектом происходящих в обществе изменений. Формирование ее политической субъектности, становление гражданских качеств — процесс сложный[18]. "Возрастной точкой отсчета гражданской активности человека, — отмечает А.В. Селезнева, — можно считать момент перехода от подросткового периода к юности, когда дети ориентируются на мир взрослых и стараются занять в нем какую-то гражданскую позицию. Это выражается в поиске молодыми людьми разных видов и форм социально значимой деятельности, которые способны создавать условия для их самоутверждения"[19]. Молодежь не только воспринимает (зачастую с проблемами, сомнениями) культурные и духовные ценности социума, осваивает новые для себя роли, но и вносит определенные новации[20]. Происходит интериоризация политических знаний и ценностей, сознательный выбор политических предпочтений, процесс формирования гражданских качеств, гражданской и политической самоидентификации. Порой это означает "мучительный поиск личностью своей гражданской позиции и основных ориентиров. На этом пути возможны и противоречия между убеждениями и поступками"[21].

---

[17] *Ховард М.М.* Слабость гражданского общества в посткоммунистической Европе. М., 2009. С. 166.

[18] *Самсонова Т.Н.* О становлении политической субъектности российской молодежи в процессе политической социализации // Общество: социология, психология, педагогика. 2018. № 7; *Селезнева А.В.* Молодежь в современной России: политические ценности и предпочтения. М., 2014.

[19] *Селезнева А.В.* Молодежь в современной России: политические ценности и предпочтения. М., 2014. С. 34.

[20] См.: *Нартова Н.А.* Гражданственность в представлении петербургской молодежи и их родителей // Социологические исследования. 2019. Т. 45. № 12.

[21] *Самсонова Т.Н.* Взойдет ли "заря гражданственности новой" над Россией? (Размышления над проблемами формирования политической культуры гражданина) // Социально-политический журнал. 1998. № 1. С. 32.

Становление политической субъектности молодежи осуществляется и отражается в различных формах ее политического участия. Не случайно в последние годы в стране уделяется особое внимание разработке наиболее эффективной, отвечающей современным российским условиям, модели политической социализации. Предпринимается немало усилий по совершенствованию системы гражданского образования (оно представляет собой "комплексное направление учебно-воспитательной работы, сочетающее в себе правовое, политическое образование и нравственное воспитание"[22]) и патриотического воспитания, для развития общественно-политического потенциала и повышения политической активности молодежи, активизации проводимой государственной молодежной политики[23].

Можно констатировать постепенное возрастание "энергетического" потенциала соучастия и гражданственности. Наметилась тенденция большей открытости власти, диалога с обществом (электронные приемные, проведение гражданских и правозащитных форумов и т.д.). Все бóльшую роль играет самоорганизация граждан через интернет. Наряду с традиционными получают развитие и инновационные формы гражданской активизма, так называемый креативный активизм (флешмобы, монстрации, фримаркеты, краудфандинг). В последние годы наблюдается заметный рост волонтерского движения (особенно молодежи). Многое зависит от активности и энергии россиян, не раз проявлявших поразительную способность выходить из самых трудных ситуаций. Однако широко привлекать граждан к общественному обсуждению значимых вопросов, к общественной экспертизе проектов различных правовых актов можно лишь в том случае, если появится уверенность, что их мнение будет услышано, когда есть реальная потребность в самореализации, в том числе и через помощь в самореализации другим людям.

Заключение

Формирование гражданской культуры — одновременно и следствие, и предпосылка становления гражданского общества и

---

[22] *Самсонова Т.Н.* Проблемы гражданского образования в России // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2007. № 4. С. 48–49.

[23] См.: *Зиненко В.Е.* Патриотическое воспитание российской молодежи: современные реалии // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2019. № 1; Государственная молодежная политика в России: социально-психологические основания и технологии реализации / Под. общ. ред. С.Ю. Поповой. М., 2019; *Селезнева А.В.* Патриотизм как политическая ценность: политико-психологический анализ // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2017. № 38.

правового государства. Как показывает политическая практика, эффективность реформ во многом зависит не только от продуманности и последовательности их проведения, политической воли правящей элиты, но и от степени готовности самого общества, учета и согласования интересов различных социальных и политических сил. Гражданское общество, активная общественность, взаимодействуя с институтами политической системы, государственными структурами, содействуют поиску наиболее эффективной стратегии развития, снижению уровня социально-политической напряженности, неизбежной в ходе глубоких и масштабных преобразований. Однако присущие российской политической культуре государственно-патерналистские установки, проявляющиеся в авторитарном характере власти, в высокой степени ожиданий со стороны граждан от государства, свидетельствуют, что "культура подданных" по-прежнему носит характер наиболее сильной, устойчивой традиции, что в немалой степени является препятствием на пути дальнейших демократических преобразований. В таких условиях важно вернуть обществу частично утраченную веру в эффективность демократии и ее институтов, в способность оказывать влияние на происходящие процессы, добиваться реального обеспечения индивидуальных и групповых прав.

Гражданское общество и гражданская политическая культура — явления динамичные, развивающиеся. Очевидно, что без гражданской культуры, как политической культуры демократического общества, гражданское общество в России будет лишь очередной имитацией. Содействовать их становлению — значит не просто выражать определенную интеллектуальную позицию, но и самому быть вовлеченным в конструирование, сохранение и развитие такого общественного порядка, который предохраняет общество от опасностей и угроз, связанных со злоупотреблением властью. "Научите человека быть хорошим гражданином, и вы решите проблему жизни" (*Э. Карнеги*).

Каковы перспективы формирования в обозримом будущем гражданской культуры в нашей стране? Возможны два основных варианта развития событий. Один (негативный) связан со снижением уровня политического участия граждан, возвращением (в условиях архаизации сообществ) к приходской политической культуре, с "закрытием" различных "площадок" для дискуссий и общественного обсуждения наиболее острых проблем. В итоге это может привести к дестабилизации политической ситуации в стране и усилению и без того значительных социальных расколов в обществе. Другой (положительный) связан с повышением уровня политического уча-

стия граждан, возрастанием их желания и возможностей оказывать влияние на политическую жизнь страны. Это будет содействовать формированию гражданской политической культуры, возрастанию социально-политического консенсуса в обществе, стабильности политической системы, проявлениям взаимного уважения граждан и государства. Несомненно, и граждане, и государство заинтересованы в таком варианте развития событий.

"Культуру нельзя унаследовать, ее надо завоевать", — утверждал французский писатель, культуролог А. Мальро. Думается, что применительно к формированию гражданской политической культуры в современной России данное высказывание звучит особенно актуально. Этот сопряженный с немалыми трудностями процесс идет постепенно, обусловлен не только целенаправленными усилиями со стороны государственных и негосударственных институтов, но является и своего рода суммирующим результатом воздействия геополитического положения страны, политических традиций и обычаев, действия различных социальных и политических факторов. Потребуются еще немалые усилия со стороны государства, общественно-политических организаций и самих граждан по формированию гражданственности, соответствующих норм и ценностей, "проверке" их действенности и устойчивости на практике, а далее успешной передаче от поколения к поколению. Важно не просто *считать* себя гражданином, необходимо *быть* гражданином-патриотом. "Честь и достоинство страны определяется честью и достоинством ее граждан" (*Б.Л. Васильев*).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура и стабильность демократии // Политические исследования. 1992. № 4. С. 122–134.

Баталов Э.Я. Политическая культура России сквозь призму civic culture // Pro et contra. 2002. Т. 7. № 3. С. 7–22.

Государственная молодежная политика в России: социально-психологические основания и технологии реализации / Под. общ. ред. С.Ю. Поповой. М., 2019.

Гривцева Г.Я. Гражданственность и гражданская культура — результат становления гражданского общества // Вестник Челябинского государственного университета. Философия. Социология. Культурология. 2012. № 18 (272). Вып. 25. С. 55–57.

Даль Р. Проблемы гражданской компетентности. URL: gumer.info›bibliotek_Buks/Polit/dal/pr_gra.php

Дробижева Л.М. Политика интеграции полиэтнического российского общества в доктринальных документах, политологическом дискурсе и массовом сознании // Общественные науки и современность. 2019. № 4. С. 134–146.

Дробижева Л.М. Процессы гражданской интеграции в полиэтническом российском обществе // Общественные науки и современность. 2008. № 2. С. 68–77.

Зиненко В.Е. Патриотическое воспитание российской молодежи: современные реалии // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2019. № 1. С. 147–162.

Карпова Н.В. Политическая культура в процессе становления гражданского общества // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2006. № 1. С. 41–54.

Карпова Н.В. Политический "генотип" как структурный элемент политической культуры // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2016. № 2. С. 134–149.

Ковалев В.В. Гражданская культура как базовый конструкт гражданского общества // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2014. № 1. С. 179–184.

Кочетков А.П. О формировании гражданского общества // Социально-политические науки. 1999. № 1. С. 15–23.

Нартова Н. А. Гражданственность в представлении петербургской молодежи и их родителей // Социологические исследования. 2019. Т. 45. № 12. С. 38–47.

Никитенко А.В. Дневник: В 3 т. Л., 1955. Т. 1.

Никифоров Ю.Н., Скалина А.Н. О понятии "гражданственность" // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2007. № 2. Ч. 2. С. 155–159.

Общественное мнение — 2015. М., 2016.

Общественное мнение — 2016. М., 2017.

Омеличкин О.В. Гражданская культура в России: проблемы формирования // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 2 (62). Т. 2. С. 76–80.

Пай Л. Незападный политический процесс // Политическая наука. 2003. № 2. С. 66–85.

Рябев В.В. Гражданская политическая культура как предпосылка формирования современного российского гражданского общества // Вестник МГТУ. 2004. Т. 7. № 2. С. 338–346.

Самсонова Т.Н. Взойдет ли "заря гражданственности новой" над Россией? (Размышления над проблемами формирования политической культуры гражданина) // Социально-политический журнал. 1998. № 1. С. 19–32.

Самсонова Т.Н. К вопросу о формировании гражданственности в современной России // Гражданское общество: теория и практика. Ежегодник. 2011. Вып. 5 / Под ред. Б.Г. Миронова, Ю.М. Резника. М.; Чебоксары, 2011. С. 49–62.

Самсонова Т.Н. О становлении политической субъектности российской молодежи в процессе политической социализации // Общество: социология, психология, педагогика. 2018. № 7. С. 18–24.

Самсонова Т.Н. Проблемы гражданского образования в России // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2007. № 4. С. 47–56.

Самсонова Т.Н. Формирование гражданской культуры в современной России // Философские науки. 2013. № 1. С. 55–62.

Самсонова Т.Н., Титов В.В. К вопросу о становлении национально-гражданской идентичности российской молодежи в условиях глобальных социокультурных трансформаций начала XXI века // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2017. № 3. С. 156–173.

Селезнева А.В. Молодежь в современной России: политические ценности и предпочтения. М., 2014.

Селезнева А.В. Патриотизм как политическая ценность: политико-психологический анализ // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2017. № 38. С. 200–208.

Сергиенко П.А., Соловьев А.И. Культура гражданственности. К новой парадигме // Свободная мысль. 1998. № 7. С. 61–71.

Соловьев А.И. Государство и общество: новые грани исторического конфликта // Южно-российский журнал социальных наук. 2018. № 4. С. 6–24.

Титов В.В. Политика памяти и формирование национально-государственной идентичности: российский опыт и новые тенденции. Монография. М., 2017.

Ховард М.М. Слабость гражданского общества в посткоммунистической Европе. М., 2009.

2013: Красные линии Владимира Путина // Российская газета. 2013. 26 сент. № 37. С. 3.

REFERENCES

Almond G., Verba S. Grazhdanskaya kul'tura i stabil'nost' demokratii [Civic culture and the stability of democracy] // Polis. Politicheskiye issledovaniya. 1992. N 4. S. 122–134 (in Russian).

Batalov E.Ya. Politicheskaya kul'tura Rossii skvoz' prizmu civic culture [The political culture of Russia through the prism of civic culture] // Pro et contra. // Pro et contra. 2002. T. 7. N 3. S. 7–22 (in Russian).

Dahl R. Democracy and its Critics. L., 1989.

Dal' R. Problemy grazhdanskoy kompetentnosti [Civil competency issues]. URL: gumer.info›bibliotek_Buks/Polit/dal/pr_gra.php (in Russian).

Gosudarstvennaya molodezhnaya politika v Rossii: sotsial'no-psikhologicheskiye osnovaniya i tekhnologii realizatsii [State youth policy in Russia: socio-psychological foundations and implementation technologies] / Pod. obshch. red. S.Yu. Popovoy. M., 2019 (in Russian).

Grivtseva G.Ya. Grazhdanstvennost' i grazhdanskaya kul'tura — rezul'tat stanovleniya grazhdanskogo obshchestva [Citizenship and civic culture — the result of the formation of civil society] // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Kul'turologiya. 2012. N 18 (272). Vyp. 25. S. 55–57 (in Russian).

Drobizheva L.M. Politika integratsii polietnicheskogo rossiyskogo obshchestva v doktrinal'nykh dokumentakh, politologicheskom diskurse i massovom soznanii [The policy of integration of multiethnic Russian society in doctrinal documents, political science discourse and mass consciousness] // Obshchestvennyye nauki i sovremennost'. 2019. N 4. S. 134–146 (in Russian).

Drobizheva L.M. Protsessy grazhdanskoy integratsii v polietnicheskom rossiyskom obshchestve [The processes of civil integration in a multi-ethnic Russian society] // Obshchestvennyye nauki i sovremennost'. 2008. N 2. S. 68–77 (in Russian).

Khovard M.M. Slabost' grazhdanskogo obshchestva v postkommunisticheskoy Yevrope [The weakness of civil society in post-communist Europe]. M., 2009 (in Russian).

Karpova N.V. Politicheskaya kul'tura v protsesse stanovleniya grazhdanskogo obshchestva [Political culture in the process of formation of civil society] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18: Sotsiologiya i politologiya. 2006. N 1. S. 41–54 (in Russian).

Karpova N.V. Politicheskiy "genotip" kak strukturnyy element politicheskoy kul'tury [Political "genotype" as a structural element of political culture] // Vestnik

Moskovskogo universiteta. Seriya 18: Sotsiologiya i politologiya. 2016. N 2. S. 134–149 (in Russian).

Kochetkov A.P. O formirovanii grazhdanskogo obshchestva [On the formation of civil society] // Sotsial'no-politicheskiye nauki. 1999. N 1. C. 15–23 (in Russian).

Kovalev V.V. Grazhdanskaya kul'tura kak bazovyy konstrukt grazhdanskogo obshchestva [Civic culture as a basic construct of civil society] // Gosudarstvennoye i munitsipal'noye upravleniye. Uchenyye zapiski SKAGS. 2014. N 1. S. 179–184 (in Russian).

Nartova N.A. Grazhdanstvennost' v predstavlenii peterburgskoy molodezhi i ikh roditeley [Citizenship in the view of St. Petersburg youth and their parents] // Sotsiologicheskiye issledovaniya. 2019. T. 45. N 12. C. 38–47 (in Russian).

Nikiforov Yu.N., Skalina A.N. O ponyatii "grazhdanstvennost'" [On the concept of "civism"] // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. 2007. N 2. Ch. 2. S. 155–159 (in Russian).

Nikitenko A.V. Dnevnik: V 3 t. [Diary: In 3 vols.]. L., 1955. T. 1 (in Russian).

Obshchestvennoye mneniye — 2015 [Public opinion — 2015]. M., 2016 (in Russian).

Obshchestvennoye mneniye — 2016 [Public opinion — 2016]. M., 2017 (in Russian).

Omelichkin O.V. Grazhdanskaya kul'tura v Rossii: problemy formirovaniya [Civic culture in Russia: problems of formation] // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. 2015. N 2 (62). T. 2. S. 76–80 (in Russian).

Pay L. Nezapadnyy politicheskiy protsess [Non-Western political process] // Politicheskaya nauka. 2003. N 2. S. 66–85 (in Russian).

Ryabev V.V. Grazhdanskaya politicheskaya kul'tura kak predposylka formirovaniya sovremennogo rossiyskogo grazhdanskogo obshchestva [Civil political culture as a prerequisite for the formation of modern Russian civil society] // Vestnik MGTU. 2004. T.7. N 2. S. 338–346 (in Russian).

Samsonova T.N. Formirovaniye grazhdanskoy kul'tury v sovremennoy Rossii [The formation of civic culture in modern Russia] // Filosofskiye nauki. 2013. N 1. S. 55–62 (in Russian).

Samsonova T.N. K voprosu o formirovanii grazhdanstvennosti v sovremennoy Rossii [To the question of the formation of citizenship in modern Russia] // Grazhdanskoye obshchestvo: teoriya i praktika. Yezhegodnik. 2011. Vyp. 5 / Pod red. B.G. Mironova i YU.M. Reznika. M.; Cheboksary, 2011. S. 49–62 (in Russian).

Samsonova T.N. O stanovlenii politicheskoj sub'ektnosti rossijskoj molodezhi v processe politicheskoj socializacii [On the formation of political subjectivity of the Russian youth in the process of political socialization] // Obshchestvo: sociologiya, psihologiya, pedagogika. 2018. N 7. S. 18–24 (in Russian).

Samsonova T.N. Problemy grazhdanskogo obrazovaniya v Rossii [Problems of civic education in Russia] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18: Sotsiologiya i politologiya. 2007. N 4. S. 47–56 (in Russian).

Samsonova T.N. Vzoydet li "zarya grazhdanstvennosti novoy" nad Rossiyey? (Razmyshleniya nad problemami formirovaniya politicheskoy kul'tury grazhdanina) [Will the "dawn of new citizenship" rise over Russia?] // Sotsia'no-politicheskiy zhurnal. 1998. N 1. S. 19–32 (in Russian).

Samsonova T.N., Titov V.V. K voprosu o stanovlenii nacional'no-grazhdanskoj identichnosti rossijskoj molodezhi v usloviyah global'nyh sociokul'turnyh transformacij nachala XXI veka [On the question of formation of national-civil identity of the Russian youth in the conditions of global socio-cultural transformations at the beginning

of the XXIst century] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya. 2017. N 3. S. 156–173 (in Russian).

Selezneva A.V. Molodezh' v sovremennoy Rossii: politicheskiye tsennosti i predpochteniya [Youth in modern Russia: political values and preferences]. M., 2014 (in Russian).

Selezneva A.V. Patriotizm kak politicheskaya tsennost': politiko-psikhologicheskiy analiz [Patriotism as a political value: a political-psychological analysis] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya. 2017. N 38. S. 200–208 (in Russian).

Sergiyenko P.A. Solov'yev A.I. Kul'tura grazhdanstvennosti. K novoy paradigme [The culture of citizenship. Toward a new paradigm] // Svobodnaya mysl'. 1998. N 7. C. 61–71 (in Russian).

Solov'yev A.I. Gosudarstvo i obshchestvo: novyye grani istoricheskogo konflikta [State and society: new facets of the historical conflict] // Yuzhno-rossiyskiy zhurnal sotsial'nykh nauk. 2018. N 4. S. 6–24 (in Russian).

Titov V.V. Politika pamyati i formirovanie nacional'no-gosudarstvennoj identichnosti: rossijskij opyt i novye tendencii: Monografiya [Politics of memory and the formation of national-state identity: Russian experience and new trends]. M., 2017 (in Russian).

Zinenko V.Ye. Patrioticheskoye vospitaniye rossiyskoy molodezhi: sovremennyye realii [Patriotic education of Russian youth: modern realities] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sotsiologiya i politologiya. 2019. N 1. S. 147–162 (in Russian).

2013: Krasnyye linii Vladimira Putina [Red lines of Vladimir Putin] // Rossiyskaya gazeta. 26 sentyabrya 2013. N 37. S. 3 (in Russian).

DOI: 10.24290/1029-3736-2020-26-3-88-105

ЭТО СЛАДКОЕ СЛОВО — “СВОБОДА” (О постановке проблемы свободы в итальянской политической мысли XX в.)

С.Ю. Соколова, канд. философ. наук, доц. кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью, ФГБОУ “Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых”, г. Владимир, ул. Горького, 87, Российская Федерация, 600000*

Человек из века в век пытался определить степень своей независимости от внешних обстоятельств. И всякий раз он оказывался перед фактом, что изменившийся мир по-новому ставит вопрос о свободе. Как-то так вышло, что все исторически важные баталии XX в. можно свести к противостоянию по вопросу о том, что значит быть свободным. Рационалистическое осмысление человеческой жизни, господствовавшее в предшествующие несколько столетий, породило иллюзию, что мир можно хорошо организовать, если правильно объяснить его устройство. Практика показала, что не все так просто и рационалистический подход, предлагающий рассматривать свободу как познанную необходимость, не позволяет освободить и осчастливить человечество. Господствующие в обществе статистические законы порождают такое множество проявлений необходимости, что порой на ум приходит мысль, что в общественной жизни нет ничего, кроме случайности. Распад Советского Союза, а вместе с ним и разрыв привычных связей и дисбаланс социально-политических сил заставили европейцев искать варианты сохранения собственной культурной идентичности. Нарушение идеологического равновесия как результат падения интереса людей к коммунизму создает ситуацию, при которой только религиозное сознание может стать опорой современному растерянному человеку. Правда, у этого обстоятельства есть и другая сторона: бегство в иллюзорный мир мыслей, в область мнимой свободы. Сегодня, в начале третьего тысячелетия, мы вынуждены признать, что столь же далеки от окончательного решения проблемы свободы, как и мыслители прошлых веков.

Ключевые слова: *свобода, рационализм, личность, гарантии, права, социальная неоднородность, правила игры, демократия.*

THIS SWEET WORD “FREEDOM” (On the formulation of the problem of freedom in the Italian political thought in the twentieth century)

Sokolova Svetlana Yu., candidate of philosophy, associate Professor of Vladimir state University named after Alexander Grigorievich and Nikolai Grigorievich Stoletovs, Department of journalism, advertising and public relations, Vladimir, Gorkogo st., 87, 600000, e-mail: svetlanasokolova@inbox.ru

* **Соколова Светлана Юрьевна,** e-mail: svetlanasokolova@inbox.ru

People from century to century tried to determine the degree of its independence from external circumstances. And every time he found himself in front of a fact that changed the world raises the question of freedom in new ways. All the historically important battles of the twentieth century can be reduced to a confrontation over what it means to be free. The rationalistic understanding of human life that prevailed in the previous few centuries gave rise to the illusion that the world can be well organized if its structure is properly explained. Practice has shown that not everything is so simple and a rationalistic approach that suggests considering freedom as a known necessity does not allow us to liberate and make humanity happy. The statistical laws prevailing in society give rise to so many manifestations of necessity that it sometimes occurs to us that there is nothing in social life but chance. The collapse of the Soviet Union, and the usual gap relationships and the imbalance of social and political forces have forced the Europeans to search for ways to preserve their own cultural identity. Violation of ideological balance as a result of the falling interest of people towards communism creates a situation in which only the religious consciousness can become a pillar of modern embarrassed man. However, in this circumstance, there is another side: the flight into the illusory world of thoughts, in the area of supposed freedom. Today in the beginning of the third Millennium, we have to admit that so far from the final solution to the problem of freedom as thinkers of the past centuries.

Key words: *freedom, rationalism, the personality, the rights, guarantees, social heterogeneity, the rules of the game, democracy.*

Особенность прошлого века заключается в том, что в этот период человечество испытывало себя на прочность по всем направлениям: в экономике, науке, политике, военном искусстве, вере в бога и в атеизме. Но как-то так вышло, что все исторически важные баталии XX в. можно свести к противостоянию по вопросу о том, что значит быть свободным. Рационалистическое осмысление человеческой жизни, господствовавшее в предшествующие несколько столетий, породило иллюзию, что мир можно хорошо организовать, если правильно объяснить его устройство. Практика показала, что не все так просто и рационалистический подход, предлагающий рассматривать свободу как познанную необходимость, не позволяет освободить и осчастливить человечество. Господствующие в обществе статистические законы порождают такое множество проявлений необходимости, что порой на ум приходит мысль, что в общественной жизни нет ничего, кроме случайности. Среди причин неудач в достижении великой цели — “неясность и путаница в вопросе о природе истинной свободы. Если враждебные интересы нанесли свободе огромный ущерб, то еще больший вред нанесли ей ложные идеи, и ее прогресс в той же степени запечатлен в росте знания, как и в совершенствовании законов”[1].

Свобода относится к тем немногим идеям, во имя которых совершались геройства и неслыханные преступления. Под знаменем

---

[1] *Актон Дж.* История свободы в античности // Политические исследования. 1993. № 3. С. 108–109.

свободы уничтожались тысячи людей и создавались демократические общественные системы. “Во все века прогресс свободы тормозился ее естественными врагами — невежеством и предрассудками, страстью к завоеваниям и любовью к праздности, стремлением к власти, характерным для сильных, и жаждой хлеба, присущей бедным. Нередко она бывала под полным запретом, — когда народы освобождались от варварства и завоевателей, а постоянная борьба за существование, лишая людей всякого интереса и понимания политики, заставляла их охотно продавать свое первородство за чечевичную похлебку, не осознавая, от какого сокровища они отказываются”[2].

Если ретроспективно посмотреть на развитие понимания свободы в прошлом веке в итальянской политической мысли, можно выделить три последовательных варианта: с позиции силы, с точки зрения демократии, этическая трактовка. Если персонифицировать эти варианты, то получится: Б. Кроче, Н. Боббио, Л. Парейсон. Вариативность определялась как тенденциями общественного развития в Италии, так и характером теоретических проблем, волновавших итальянских интеллектуалов в тот или иной период.

В начале XX в. в Италии оставались нерешенными важные проблемы социально-экономического и политического развития страны, в частности, вопрос Севера и Юга (неравномерность развития), “римский вопрос” (территориальные претензии католической церкви), несовершенство политической системы и другие. Новым временам требовались новые люди. Как писал в 1907 г. знаменитый итальянский поэт Г. Д’Аннунцио: “Сегодня человек придает себе самому новый вид бессмертия... Поэт чувствует, что человек — сам себе Прометей и Христос”[3].

В этих условиях доминирующей оказалась идея силы, с позиции которой объясняли перспективы развития общества разные политические теории от консерватизма до анархосиндикализма.

Самым авторитетным интеллектуалом в Италии первой половины XX в. был Бенедетто Кроче — критик, философ-неогегельянец, политик, историк, теоретик мирового уровня. В 1910 г. избран сенатором, в 1920–1921 гг. был министром просвещения в правительстве Дж. Джолитти, даже разработал школьную реформу, но осуществлять ее не стал из-за смены политического курса в стране. После падения фашизма на некоторое время возглавил восстановленную Итальянскую либеральную партию.

Фактически придерживаясь либеральных взглядов, Б. Кроче тем не менее высоко ценил роль государства в общественной жизни и

---

[2] *Актон Дж.* Указ. соч. С. 108.

[3] *D’Annunzio G.* Per l’Italia degli italiani. Milano, 1923. P. 6.

выступил против концепции отмирания государства, утверждая, что без государства не может быть свободы, абсолютно разделяя на этот счет позицию Гегеля: "Государство есть действительность нравственной идеи — нравственный дух как **очевидная**, самой себе ясная, субстанциальная воля, которая мыслит и знает себя и выполняет то, что она знает и поскольку она это знает. В **нравах** она имеет свое непосредственное существование, а в **самосознании** единичного человека, его знании и деятельности — свое опосредованное существование, равно как самосознание единичного человека посредством умонастроения имеет в нем как в своей сущности, цели и продукте своей деятельности свою **субстанциальную свободу**"[4]. Являясь родовым качеством человеческого сознания, свобода в обыденной жизни проявляет себя как "формальная, объективная свобода". Это означает, что индивиды имеют свое собственное суждение или мнение по поводу общественно значимых тем, но выражают это собственное суждение совместно, т.е., в виде общественного мнения. Общественное мнение не является простой совокупностью индивидуальных суждений и оценок, фактически это новый объект со своими специфическими характеристиками[5]. Невозможность свести общественное мнение к простой совокупности индивидуальных суждений обеспечивает существование индивидуальной свободы в любых политических режимах, включая полицейские. В то же время, общественное мнение позволяет государству вести учет настроений населения и на его основе принимать и реализовывать грамотные управленческие решения. Таким образом, по Гегелю, общественное мнение может быть индикатором уровня развития как общества, так и государства.

Неразрывная связь между государством и свободой индивида по-гегелевски привлекла внимание Б. Кроче, но он интерпретировал эту идею по-своему. Считая себя учеником Гегеля, он все-таки критически отнесся к идее абсолютного значения государства в жизни людей, и это не мешало его либеральным взглядам. "У Гегеля было широкое, строгое и глубокое восприятие моральной жизни, однако немецкий темперамент, не столько политический, сколько верноподданический, привязал его к мысли, что прусское государство достигло совершенства в политическом искусстве"[6]. За приверженность прусской монархии величайшего философа Германии критиковали и до Кроче и после. Например, английский математик и философ Б. Рассел следующим образом оценил гегелевскую трак-

---

[4] *Гегель Г.В.Ф.* Философия права. М., 1990. С. 279.

[5] См. подробнее: Там же. С. 352.

[6] *Кроче Б.* Антология сочинений по философии. СПб., 1999. С. 8.

товку свободы: «Гегель, который многим обязан Руссо, принял его неправильное употребление слова “свобода” и определил его как право подчиняться полиции или что-то в этом роде»[7]. Но неприятие гегелевской оценки значения прусской монархии как вершины в развитии общества не препятствовало самому Кроче намертво привязать свободу к государству.

Соглашаясь с идеей о том, что свобода не может существовать без прав, законов и конституции, итальянский философ предлагает обосновывать их неразделимость с точки зрения органической связи. Все, что в обществе представляет момент силы (*il momento della forza*) в виде поощрения или наказания, следует называть властью (*autorità*). Власть упорядочивает и организует общественную жизнь, устанавливает правила, обеспечивающие безопасность индивидам. Все, что представляет момент спонтанности и консенсуса (*il momento della spontaneità e del consenso*) следует называть свободой (*libertà*)[8]. Спонтанность учитывает возможности индивида действовать в соответствии со своими устремлениями, не по внешнему принуждению. Второй элемент свободы, по Кроче, консенсус (именно “консенсус”, а не “согласие”, как вроде бы нужно перевести слово “consenso”) включает в себя не только способность и готовность договориться, но прежде всего поиск компромисса и терпимость к другим точкам зрения.

Органический характер связи между свободой и государством определяется положением индивида в обществе и его зависимостью от государства и законов. Свобода в общественной системе является противницей власти и уже поэтому не может существовать без нее (“тезис — антитезис”), иначе нечему будет противиться. В свою очередь власть с помощью ограничений подавляет свободу и в силу этого дает ей жизнь, ибо без нее не могла бы существовать, потеряв свою сущность. Свобода и государство сосуществуют не просто потому, что они — стороны противоречия, а потому, что они не могут существовать друг без друга, “прорастают” друг в друга. Тогда в любом государстве власть и свобода действительно являются неразделимыми, существуют всегда вместе, даже если речь идет о крайностях: деспотизме и либерализме. Противоречие между властью и свободой разрешается в праве, следовательно, “да здравствует свобода: по праву”[9]. Таким образом, право можно рассматривать как самый эффективный способ существования свободы в эпоху госу-

---

[7] *Рассел Б.* История западной философии. URL: http://psylib.org.ua/books/rassb01/txt58.htm (дата обращения: 19.02.2020).

[8] См.: *Croce B.* Etica e politica. Roma, 1967. P. 179.

[9] Ibid.

дарства, если смотреть на нее с точки зрения государства или общества. Со стороны индивида реализация свободы в государственной системе выглядит не так радужно, ведь свобода ограничена рамками и заканчивается там, где начинается свобода другого индивида. Чем сложнее социальные связи между людьми, тем большее значение придается их правовому регулированию, тем сложнее и запутаннее система права, тем больше индивид отчуждается от своих прав и, следовательно, свободы.

Но Кроче не мог не обратить внимания на то, что по-настоящему действенной, результативной может быть только свободная деятельность: "Моральный идеал тождественен идеалу свободы, и только свобода может раскрыть лучшие из человеческих сил, вдохновенность душ во всей их несхожести"[10]. Однако человеку мешает утилитаристское понимание свободы через благосостояние, справедливость, равенство, проявляющееся обычно в количественном выражении счастья людей, например, когда в качестве аргумента используют утверждения типа "большинство живет хорошо". Подчеркивая абсурдность подобных трактовок, Кроче настаивает: «В противовес гедонистической и утилитаристской морали напомним о "героической" морали, которой соответствует возвышение в наслаждении и страдании. Вместо мечты о личном блаженстве у нас остается лишь суровая радость участия — в большей или меньшей степени — в непрерывном творении мира. Исполняющему этот долг, работающему в поте лица приходится день-деньской подбадривать самого себя словами "Вперед! Еще немного!" Мужество перед печальными раздорами, дикими всплесками страстей, перед всем, что мешает любить, надеяться. Мы усмиряем боль, страдание становится суровым спутником нашей конечной жизни»[11]. Противопоставляя личное блаженство радости участия в непрерывном творении мира, Кроче фактически подтверждает гегелевскую трактовку реализации человека в государстве, как высшей форме бытия. Героизм не в одноразовом подвиге, а в постоянном самосовершенствовании через страдание. Героическим может стать человек, осознавший собственную универсальность, в конечном счете, свою родовую сущность. «Деятельный, "героический" человек вечно не в ладу с собой; он всегда в поиске иной концепции мира, ибо рядом или внутри него живет другой бедный человек, то и дело возвращающийся к блаженным снам о счастье, противореча самому себе лучшему, он теряет веру, которая его вдохновляла на подвиги»[12]. Тема счастья не

---

[10] *Кроче Б.* Указ. соч. С. 29.

[11] Там же.

[12] Там же. С. 29–30.

случайно перекликается у Кроче с темой веры, которая может выражать всеобщее стремление к высшему счастью, но сама мечтой о счастье не является. В этом постоянном стремлении к совершенному и абсолютному счастью заключена, по мнению итальянского теоретика, достаточно сильная опора тайны бытия. На все другие вопросы философия отвечает или может ответить, а на вопрос о счастье нет. Но вера, как и церковь, не может обеспечить героическую мораль, потому что в основном нацелена не на деятельность, а на созерцание. "Там, где нет опыта, не родится проблема, там философии нечего сказать. Тогда, не умея усмирить беспокойную волю, говорят о сверхфилософии, оттуда, из таинственного царства. Такая мечта о блаженстве не в состоянии погасить страх пугающей неизвестности. Даже в воображении она не может примирить и успокоить, как это умеют, например, звуки христианских гимнов и мерцание свечей, прохлада исламского сада с фонтанами, прозрачные ручьи и отрада цветущей зелени"[13]. Правда, исторический опыт свидетельствует, что любая церковь может способствовать продвижению идей и порядков, уводящих людей еще дальше от вожделенного счастья. Имея классическое религиозное образование (посещал католический колледж), Кроче считал себя атеистом, возможно, потому что был на стороне итальянского народа, стремившегося к объединению страны, а католическая церковь выступала против объединения итальянских территорий под эгидой светского государства.

Когда процесс объединения страны в 1870 г. завершился, и на карте появилось новое светское государство — Италия, итальянцы не простили католическому духовенству предательства. Папу Пия IX, опиравшегося на поддержку Наполеона III, лишили его владений, оставив только право руководить духовенством, Папская область стала частью объединенного итальянского государства, Рим — его столицей. Оскорбленный папа со сторонниками закрылись в Ватиканском дворце, заявив, что ни сам папа, ни его преемники никогда из него не выйдут, за что получил прозвище "ватиканский узник". Католическая церковь как субъект политической деятельности потерпела поражение, потому что ее политика не соответствовала настроениям паствы, у которой вера в бога осталась, но уже не было прежнего доверия папе как политическому и духовному лидеру. Так называемый "римский вопрос", связанный с неопределенностью взаимного положения католической церкви и Итальянского королевства, повис в воздухе. Сама католическая церковь пережила коммуникационный кризис, а известное всем государство Ватикан появилось на карте только в 1929 г. после подписания Латеранских

[13] *Кроче Б.* Указ. соч. С. 30.

соглашений. “Ради обеспечения абсолютной и явной независимости Святого Престола, надлежит гарантировать ему непререкаемый суверенитет и в области международного права, для чего признано необходимым образовать путем особых формальностей Град Ватикан, признав за Святым Престолом полную собственность и исключительную и абсолютную власть и суверенную юрисдикцию над ним”[14]. От имени папы Римского конкордат подписал кардинал П. Гаспарри, от имени короля Виктора-Эммануила II — Б. Муссолини.

Соглашательская политика папы Пия XI по отношению к фашистскому режиму, пусть и во имя благих целей, окончательно отвернула “светского папу” Кроче от церкви. Сам философ находился в моральной оппозиции Муссолини, называя его режим властью ослов — онагрократией, даже навсегда поссорился со своим другом и соратником по неогегельянству Дж. Джентиле, но история интеллектуального противостояния либерала Кроче и фашиста Муссолини требует отдельного анализа.

Крочеанская идея взаимопроникновения государства и свободы нашла свое завершение в Конституции Итальянской Республики, которая не только закрепила положение Италии как “демократической республики, основанной на труде”[15], но и зафиксировала в ст. 3, что задачей Республики является “устранение препятствий экономического и социального порядка, ограничивающих факт свободы и равенства граждан, мешающих полному развитию человеческой личности и эффективному участию всех трудящихся в политической, экономической и социальной организации страны”[16]. Иными словами, государство гарантировало своим гражданам свободу и равенство перед законом.

Конституция Итальянской Республики вступила в силу 1 января 1948 г., ознаменовав начало новой страницы в истории страны. Позади остались Первая и Вторая мировые войны, опыт противостояния фашистскому режиму в первые годы его существования, опыт движения Сопротивления и свержение фашистского режима, трудный период организации общенационального референдума по вопросу о выборе формы правления. Впереди — создание нового, демократического порядка. “И все мы живем и работаем в эти годы так, как будто потрясение неизбежно. В нефункциональных обществах их различные части вместо того, чтобы объединяться для достижения одной цели, разъединяются, вместо того, чтобы стать

---

[14] Договор между Святым Престолом и Италией. URL: https://vaticanstate.ru/lateranskie-soglasheniya/ (дата обращения: 19.02.2020).

[15] Quarant’anni della Costituzione Italiana. Roma, 1988. P. 1.

[16] Ibid. P. 2.

гармонией, сталкиваются друг с другом, распадаются и снова сочленяются другим образом, и из этой игры соединения и разъединения рождается по желанию или вопреки ему новый организм — класс людей культуры, со своими собственными чертами, с претензиями быть руководителями или формирователями сознания, политическими воспитателями или прямо главными действующими лицами истории"[17].

Как это ни странно, одной из главных проблем в послевоенной Италии было, с одной стороны, преодоление изолированности интеллигенции от общества, так как интеллектуалы превращались в идеологов, которых никто не слушает, а с другой стороны, требовались интеллектуалы с новым мышлением. Интеллектуал несет ответственность за происходящее в его стране, поскольку он в той же мере является порождением исторических условий, как и все другие явления. "Всякое общество располагает интеллектуалами, которые ему соответствуют, и если общество переживает конвульсии, является отсталым или больным, они не могут этого не ощущать. Чем больше общество отстало, тем больше интеллектуалы становятся риторами, абстрактными идеологами, техническими специалистами, вызывающими презрение, восхваляющими созерцательное знание, гордящиеся своей бесполезностью. В отсталых обществах, как известно, расцветают социальные утопии"[18], — так оценивал Н. Боббио роль интеллигенции в общественных системах.

Боббио намеренно использовал не понятие "интеллигенция", а термин "интеллектуалы", поскольку последний позволяет, на его взгляд, избежать как расширительного толкования интеллигенции как социального слоя людей, занятых умственным трудом, так и узкого ее определения как группы выдающихся мыслителей.

Как во всех резко изменяющихся системах, в постфашистской Италии вставал вопрос об ответственности за сотрудничество с режимом Муссолини. Выступая против трактовки интеллектуалов как нечестных пособников существующего режима, Боббио назвал ее банальностью и подчеркнул, что наряду с верными приспешниками существующей общественной системы именно в среде интеллигенции появляются инакомыслящие, а в странах с "манипулируемым и принудительным согласием инакомыслящими являются интеллектуалы"[19]. В обществе культура всегда должна быть немного вне политического режима, относительно самостоятельной. Необходимым условием для поддержания независимости интеллектуалов от

---

[17] *Bobbio N.* Politica e cultura. Torino, 1977. P. 125.

[18] Ibid. P. 130.

[19] Ibid. P. 65.

политической власти является демократическая организация общества или, как ее называет знаменитый интеллектуал, относительно свободное общество.

Норберто Боббио, юрист по образованию, специалист в области философии права и социальной философии, влиятельный европейский интеллектуал второй половины XX в., знал, о чем говорит. Переживший фашистскую диктатуру, на собственной шкуре испытавший "прелести" арестов и преследований по политическим мотивам, вынужденный присягать фашистскому режиму, чтобы иметь возможность работать в университете, участник Сопротивления, Боббио лучше многих понимал значение демократии для свободного развития человека.

Связывая идею демократического государства с либеральной традицией, итальянский теоретик полагал, что в современных условиях демократия является практически единственной формой социальной организации, в которой могут быть реализованы права индивида, а значит, и его свобода. "Демократия является преимущественно правительством закона"[20]. На первый взгляд, мы имеем дело с той же гегелевской схемой, в соответствии с которой свобода индивида может реализоваться только в государстве, поскольку право является одним из признаков государства. Но в гегелевской системе взаимоотношений индивида и государства, индивид вторичен, да и на вершину развития государственных систем великий немецкий философ поместил устраивающую его монархию, но не народовластие. Боббио же волнуют перспективы развития демократии. Демократическое общество представляет собой динамичную структуру, в то время как деспотизм всегда статичен и равен самому себе. И хотя преимущества демократической организации жизни, вроде бы, очевидны, "нигде в мире она не обладает превосходным здоровьем, и, между прочим, никогда не обладала им также и в прошлом; но она не стоит на краю могилы"[21]. Кроме демократии свободу индивида провозглашает либеральная теория государства. Но либеральное государство, по мнению Боббио, не является обязательно демократическим: более того, оно возникает в обществе, где участие в политической жизни существенно ограничено и является прерогативой имущих классов. Точно так же демократическое государство не ведет необходимо к либеральному государству. Но оба типа имеют черты, создающие основу для объединения. Прежде всего, в вопросе о правах индивида. В государстве, основанном на

---

[20] *Bobbio N.* Il futuro della democrazia: Una difesa delle regole del gioco. Torino, 1971. P. 170.

[21] Ibid. P. VII.

праве, свобода индивида гарантирована законодательно, а правовое государство может быть как либеральным, так и демократическим. "Пора добавить, что для либерального мышления индивидуальная свобода гарантирована; более того, гарантирована конституционными механизмами правового государства, а также тем фактом, что в правовом государстве признаются определенные обязанности по поддержанию внутреннего и международного порядка"[22]. Для либерала главная цель — отдельная личность, индивидуальность, даже если развитие более богатого человека может привести к деградации бедняков и менее обеспеченных людей. Это один из самых больших и труднопреодолимых недостатков современного общества — неравномерность в развитии отдельных людей. Но даже такой несовершенный либерализм, по мнению Боббио, лучше эгалитаризма, который провозглашает развитие общества в совокупности, даже в ущерб развитию отдельных людей. "Единственной формой равенства, которая не только сравнима со свободой, вытекающей из либеральной доктрины, но представляющей собой дополнительное требование к ней, является равенство в свободе: **это означает, что каждый должен получить такую свободу, которая сравнима со свободой других, и может делать все, что не ущемляет такую же свободу других"**[23]. Похоже, что Боббио решил дополнить гегелевскую трактовку свободы высшим нравственным законом И. Канта — категорическим императивом: "…поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого также как к цели и никогда не относился бы к нему только как к средству"[24].

Демократический режим может создать условия, при которых равенство в свободе будет гарантировано. Речь идет о своеобразных правилах игры, "которые обеспечивают самое широкое и самое подлинное участие большинства граждан в принятии политических решений, как в прямой, так и в опосредованной форме, которые затрагивают интересы всего общества"[25]. Этих правил игры шесть и они включают следующие требования:

– все граждане по достижении определенного возраста должны иметь политические права, например, право путем голосования выразить свое мнение или выбрать тех, кто его выражает;

---

[22] *Bobbio N.* Op. cit. P. 31.

[23] *Bobbio N.* Liberalismo e democrazia // Il pensiero politico contemporaneo. Milano, 1985. Vol. 1. P. 43.

[24] *Кант И.* Критика практического разума // Кант И. Соч. Т. 4. Ч. 1. М., 1965. С. 270.

[25] *Bobbio N.* Quale socialismo? Discussione di un'alternativa. Torino, 1976. P. 42.

– голоса всех граждан должны иметь равную ценность;

– все граждане должны иметь свободу голосовать соответственно своим убеждениям;

– граждане должны иметь реальную возможность выбора;

– при принятии решений и для избрания представителей нужно использовать принцип численного большинства;

– права меньшинства должны быть гарантированы, особенно его право при иных условиях стать большинством[26]. Соблюдение этих правил позволило бы, по мнению Боббио, обеспечить свободное развитие любого индивида и любого государства, но человечество все еще не сталкивалось с общественной системой, которая бы обладала таким набором важных для свободного развития индивида и государства качеств и характеристик.

Становлению подлинно свободных государств мешают, как считал Боббио, четыре так называемых "парадокса демократии":

– размеры современных государств. Большая территория затрудняет волеизъявление граждан и в этих условиях можно использовать лишь форму представительной демократии. Представительная демократия в современных условиях может быть появлением отчуждения основной массы граждан от принятия политических решений, напрямую затрагивающих их интересы;

– усиление бюрократизма и рост бюрократии. Бюрократизация — это не просто процесс управления организацией или обществом, основанный на исполнении предписаний и инструкций. Это система, при которой происходит замена "универсальных" людей узкими специалистами, которые не видят взаимосвязи между различными направлениями деятельности организации и не могут справиться с противоречием между конечной целью организации и средствами достижения. Цели организации становятся вторичными, на первый план выходит имитация деятельности. Таким образом, неконтролируемый рост бюрократии является тормозом для свободного развития общества и индивида;

– "искушение" технократии. Научно-техническая революция середины XX в. породила иллюзию, что любую систему, даже общественную, можно грамотно организовать, если сделать правильные расчеты. Однако существенное отличие функционирования социальных систем в виде статистических закономерностей не позволило применять чисто инженерные решения в управлении обществом, хотя попытки использовать технократические методы управления периодически совершаются;

---

[26] См.: *Bobbio N.* Quale socialismo?.. P. 42–43.

– противоречие между демократией и массовым обществом[27]. Массовое общество явилось результатом промышленной революции и урбанизации. Человек в новых условиях теряет индивидуальность и превращается в человека массы. «Человек массы — это тот, кто не ощущает в себе никакого особого дара или отличия от всех, хорошего или дурного, кто чувствует, что он — "точь-в-точь, как все остальные", и притом нисколько этим не огорчен, наоборот, счастлив чувствовать себя таким же, как все»[28] — писал Х. Ортега-и-Гассет о новом человеке. Усреднение человеческих качеств и потребностей способствует понижению общего культурного фона, тем самым сдерживает развитие общества. С. Московичи прямо указывал на то, что усредненный человек массы обладает характеристиками, самыми худшими в социальной общности людей, массовое общество ведет индивидуальность к деградации[29].

Демократия стремится к развитию индивидуальности, а массовое общество — к усреднению, уравниванию составляющих его людей.

Последний парадокс демократии, по мнению Боббио, сводит на нет возможность реализации в современном мире идеи равенства человека в свободе с помощью установленных общественной системой правил.

Распад Советского Союза в конце XX в., который был на протяжении нескольких десятилетий "раздражителем" Запада, заставлявшим буржуазный мир решать социальные проблемы, способствовал появлению кризиса в оценке демократических порядков, поскольку сами по себе внешние "правила игры" человека свободным не делают. В этой ситуации логичным было обращение к роли личности в отношении человека к свободе.

Еще в 1989 г. в Генуе был опубликован доклад известного итальянского герменевтика Луиджи Парейсона под названием "Философия свободы". Специалиста в области толкования и поиска смыслов интересовал вопрос о множественном характере истины, так как всякая личность имеет свои отношения с истиной[30]. По мнению Парейсона, Свобода рождается в борьбе со Злом и вместе с ней рождается Бог: "В незримой и забвенной тьме вдруг зажигается

---

[27] См.: *Bobbio N.* Quale socialismo?.. P. 46.

[28] *Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс. URL: https://www.bookol.ru/nauka_obrazovanie/filosofiya/41066/fulltext.htm (дата обращения: 10.12.2019).

[29] См.: *Московичи С.* Век толп. URL: https://e-libra.ru/read/165491-vek-tolp.html (дата обращения: 10.12.2019).

[30] См. подробнее: *Реале Дж., Антисери Д.* Западная философия от истоков до наших дней. Кн. 4. URL: http://sbiblio.com/BIBLIO/archive/reale_sapadnaja4/08.aspx (дата обращения: 21.07.2018).

свет: это воля, которая желает утвердиться и которой это удается. Эта воля — Бог, иначе говоря, свобода, самоутвердившаяся с самым первым актом, имея возможность отрицать саму себя, и, значит, она позитивна и победоносна над отрицанием"[31]. Но истинная и глубокая свобода порождает в человеке чувство неудобства и страха. Ссылаясь на "Легенду о Великом инквизиторе" в романе Ф.М. Достоевского "Братья Карамазовы"[32], итальянский ученый обращает внимание на то, что свобода Христа, как и свобода злых духов, безгранична, представляется не только непосильной ношей, но невероятно опасным обстоятельством. Свобода как выбор постоянно находится в состоянии согласия или отказа. В этом своем праве она не останавливается даже перед Богом, подвергая его сомнению. Бог в свою очередь, не препятствует этому. "Никто не может всерьез отрицать, что свободное зло лучше, чем ложное добро: ложное добро несет в себе отрицание, поскольку истинное добро — только то, что осуществляется свободно, сохраняя возможность совершения зла, в то время как свободное зло несет в себе возможность исправления, то есть саму свободу, из которой однажды может произойти свободное добро"[33]. Парейсон говорит о том, что вопрос о свободе не может быть решен силами современной философии, так как последняя соотносит в Боге разум и волю. Но на самом деле божественный разум либо от Бога (тогда он отождествляется с Его волей), либо обособлен (тогда это абсолютизированный человеческий разум). А вот для религии воля Бога не подвластна ни разуму, ни случаю, божественная свобода бесконечна.

Применяя герменевтический анализ религиозного опыта на основе Библии, Парейсон обосновывает первое проявление божественной свободы: "Не сотворение, а тот же самый приход свободы, акт, которым первоначальная свобода подтверждает саму себя, полная идентификация Бога и свободы, рождение позитивной свободы, основанной на сотворении"[34]. Противоречивый характер парейсоновского понимания свободы отражается в рассмотрении места человека в системе отношений: Бог, свобода, Ничто, зло. Человек, стремясь возвыситься, в конечном счете, оказывается только способным погибать по своей воле. "Первый акт свободы был актом позитивной свободы в Боге и актом негативной свободы в человеке"[35]. Разрешить

---

[31] *Парейсон Л.* Философия свободы // Историко-философский альманах / Отв. ред. В.В. Васильев. Вып. 3. М., 2010. С. 372–373.

[32] См.: *Достоевский Ф.М.* Братья Карамазовы. Т. 1. Тула, 1994. С. 296–314.

[33] *Парейсон Л.* Указ. соч. С. 368–369.

[34] Там же. С. 370.

[35] Там же. С. 375.

возникшее противоречие возможно через страдание: велика сила зла, но сила скорби выше.

Но страдание, по мнению Парейсона, в современных условиях не должно быть внешним наказанием, ибо тогда зло будет порождать новое зло. Страдание как искупление, потому что в искуплении страдание, с одной стороны, мучительнее, а с другой — может привести к светлой радости. "Здесь со всей силой вмешивается алгебра страдания: минус на минус дает плюс. Зло плюс страдание — это не увеличение негативности универсума. Это не удвоение, не умножение зла, но его уничтожение"[36]. Пройдя через страдание, человек обретет гармонию собственного существования.

Тема страдания для итальянской философии не является новой, очищение страданием, катарсис, например, есть у Антонио Грамши[37]. Но Парейсон с такой страстностью говорит о необходимости найти новые подходы к пониманию свободы в современных условиях, что стоит задуматься об истинном значении общественных процессов, проходивших не только в последней четверти XX в., но на протяжении всего столетия.

Общество, сложившееся в прошлом веке, — индустриальное и постиндустриальное, техногенное и технотронное, в конце концов, информационное, — в материально-культурном отношении отличалось от всех предшествующих обществ. Прошлый век прошел под знаком острейшей борьбы: борьбы труда и капитала, классов и групп трудящихся с буржуазией. Он сопровождался качественными революционными скачками, общественно-политическими и экономическими переворотами всемирно-исторического значения.

Производственный и материальный, с одной стороны, и социальный, духовно-культурный и нравственный виды прогресса, — с другой, не были в XX в. соразмерными, прежде всего потому, что расколотость мира сопровождалась чудовищным соревнованием двух общественно-политических систем: кто кого? Развитый капиталистический мир был нацелен на технико-технологическое господство и достижение максимальной прибыли, социалистическая система вынуждена была учитывать необходимость затратных социальных и духовно-культурных проектов. При этом опытный и гибкий капитализм сумел приспособиться к новой мировой глобальной ситуации, сумел даже перенять у социализма ряда положительных сторон, прежде всего в области труда, социальной жизни, обеспечения социальных благ трудового населения. Но и в том и другом случае, человек рассматривался не как цель, а как

---

[36] *Парейсон Л.* Указ. соч. С. 376.

[37] См.: *Грамши А.* Тюремные тетради. Ч. 1. М., 1991. С. 65.

средство. “Гегельянская трактовка мировой истории как тотального овладения человека историей достигает в национал-социалистическом и сталинском модернизме своей вершины, хотя это и является искажением подлинных намерений Гегеля. Однако оба проекта стоят под знаком наследия Гегеля. Тотальный характер труда этой эпохи проявился в организованных, подобно трудовому процессу, человеческих жертвоприношениях. История человечества не знала другого такого периода вмешательства рационального человека в естественный ход событий. Но выход масс на политическую авансцену, вместо желаемой ими демократии и свободы, привел к установлению персональных диктатур невиданных ранее масштабов. Оказались посрамленными оптимистические знания о природе человека и человеческого”[38].

Распад Советского Союза, а вместе с ним и разрыв привычных связей и дисбаланс социально-политических сил заставили европейцев искать варианты сохранения собственной культурной идентичности. Нарушение идеологического равновесия как результат падения интереса людей к коммунизму создает ситуацию, при которой только религиозное сознание может стать опорой современному растерянному человеку. Правда, у этого обстоятельства есть и другая сторона: бегство в иллюзорный мир мыслей, в область мнимой свободы.

Как сказал в интервью Джанни Ваттимо, известный итальянский философ, депутат Европарламента: «Мы вообще наблюдаем теперь ослабление “политического отношения” к жизни. Конечно, прежде всего коммунистического отношения, но и демократического тоже. В Италии у нас теперь в моде “аполитичность”, люди не доверяют политикам. Если я в Турине организую политическую конференцию, то соберу там трех-четырех человек. А вот если на какой-нибудь книжной ярмарке организую конференцию по философии, то людей будет много. В массах все еще есть желание соучастия, но в политиков они больше не верят»[39]. В этом отчасти вина современных политиков, сильно отличающихся от поколения антифашистов. Сейчас это люди, работающие за зарплату, менеджеры. Нередко это честные люди, но своей воли, своего понимания у них нет. И боли за происходящее тоже. Большое влияние оказывают СМИ. Масс-медиа принадлежат тому классу, в руках которого сосредоточены деньги. И все СМИ поддерживают псевдодемократическую систему.

---

[38] *Михайленко В.И.* XX век: короткий век — длинная эпоха. URL: http://www.roman.by/r-78740/html (дата обращения: 15.05.2018).

[39] *Ваттимо Дж.* Коммунисты, выходи! URL: http://www.novayagazeta.ru/comments/56886.html (дата обращения: 15.05.2018).

По мнению Ваттимо, на Западе сейчас происходит определенное религиозное оживление. Потому что люди не могут найти смысла своей жизни. Они не знают, на что надеяться, чего ожидать в рамках той системы, в которой работают. И система не так уж хороша. Есть потери веры в будущее, связанные в том числе с утратой альтернативного мышления и потерей многих возможностей для социальной защиты внутри самой системы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Актон Дж. История свободы в античности // Политические исследования. 1993. № 3.

Ваттимо Дж. Коммунисты, выходи! URL: http://www.novayagazeta.ru/comments/56886.html

Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 1990.

Грамши А. Тюремные тетради. Ч. 1. М., 1991.

Договор между Святым Престолом и Италией. URL: https://vaticanstate.ru/lateranskie-soglasheniya/

Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. Т. 1. Тула, 1994.

Кроче Б. Антология сочинений по философии. СПб., 1999.

Михайленко В.И. XX век: короткий век — длинная эпоха. URL: http://www.roman.by/r-78740/html

Московичи С. Век толп. URL: https://e-libra.ru/read/165491-vek-tolp.html

Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. URL: https://www.bookol.ru/nauka_obrazovanie/filosofiya/41066/fulltext.htm (дата обращения: 10.12.2019).

Парейсон Л. Философия свободы // Историко-философский альманах / Отв.ред. В.В. Васильев. Вып. 3. М., 2010.

Рассел Б. История западной философии. URL: http://psylib.org.ua/books/rassb01/txt58.htm

Реале Дж., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. Книга 4. URL: http://sbiblio.com/BIBLIO/archive/reale_sapadnaja4/08.aspx

REFERENCES

Akton Dzh. Istoriya svobody v antichnosti [The history of freedom in antiquity] // Politicheskie issledovaniya. 1993. N 3 (in Russian)

Bobbio N. Il futuro della democrazia: Una difesa delle regole del gioco. Torino, 1971.

Bobbio N. Quale socialismo? Discussione di un'alternativa. Torino, 1976.

Bobbio N. Gli intellettuali e il potere // Mondoperaio. Roma, 1977. A. 30. N 11.

Bobbio N. Politica e cultura. Torino, 1977.

Bobbio N. Liberalismo e democrazia // Il pensiero politico contemporaneo. Milano, 1985. Vol. 1.

Croce B. Etica e politica. Roma, 1967.

D'Annunzio G. Per l'Italia degli italiani. Milano, 1923.

Dogovor mezhdu Svyatym Prestolom i Italiej [Treaty between the Holy See and Italy]. URL: https://vaticanstate.ru/lateranskie-soglasheniya/ (in Russian)

Dostoevskij F.M. Brat'ya Karamazovy [Brothers Karamazov]. T. 1. Tula, 1994 (in Russian).

Gegel' G.V.F. Filosofiya prava [Philosophy of law]. M., 1990 (in Russian).

Gramshi A. Tyuremnye tetrad [Prison notebooks]. Ch. 1. M., 1991 (in Russian).

Kroche B. Antologiya sochinenij po filosofii [Anthology of works on philosophy]. SPb., 1999 (in Russian).

Mihajlenko V.I. XX vek: korotkij vek — dlinnaya epoha [XX century: short century — long era]. URL: http://www.roman.by/r-78740/html (in Russian)

Moskovichi S. Vek tolp [Century of crowds]. URL: https://e-libra.ru/read/165491-vek-tolp.html (in Russian)

Ortega-i-Gasset H. Vosstanie mass [Revolt of the masses]. URL: https://www.bookol.ru/nauka_obrazovanie/filosofiya/41066/fulltext.htm (accessed: 10.12.2019) (in Russian).

Parejson L. Filosofiya svobody [Philosophy of freedom] // Istoriko-filosofskij al'manah / Otv. red. V.V. Vasil'ev. Vyp. 3. M., 2010 (in Russian).

Quarant'anni della Costituzione Italiana. Roma, 1988.

Rassel B. Istoriya zapadnoj filosofii [History of Western philosophy]. URL: http://psylib.org.ua/books/rassb01/txt58.htm (in Russian)

Reale Dzh., Antiseri D. Zapadnaya filosofiya ot istokov do nashih dnej [Western philosophy from its origins to the present day]. Kn. 4. URL: http://sbiblio.com/BIBLIO/archive/reale_sapadnaja4/08.aspx (in Russian)

Vattimo Dzh. Kommunisty, vyhodi! [Communists Come Out!] URL: http://www.novayagazeta.ru/comments/56886.html (in Russian)

DOI: 10.24290/1029-3736-2020-26-3-106-126

РОЛЬ ЧЕМПИОНАТА МИРА ПО ФУТБОЛУ 2018 г. В ФОРМИРОВАНИИ ИМИДЖА РОССИИ

В.В. Кочетков, докт. социол. наук, проф., зав. кафедрой социологии международных отношений социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234*

В статье рассматривается роль международных спортивных событий в формировании внешнеполитического имиджа государства. Цель исследования — изучить роль чемпионата мира по футболу в формировании имиджа России. Использован фронтальный контент-анализ, который ориентирован на составление максимально подробного представления об информационном потоке на протяжении определенного периода с целью выявления содержательной динамики и носит прикладной характер. Физической единицей контент-анализа выступал номер статьи (дата выхода), а единицей анализа — текстовая публикация.

Поиск текстов для обработки осуществлялся на английском языке с помощью поиска в Google за период с 1 мая 2018 г. по 1 августа 2018 г. Статьи должны были одновременно содержать слова "Russia" и "World cup". В обобщенном виде поисковый запрос выглядел следующим образом: site: [сайт издания] Russia and World cup. В выборочную совокупность вошли наиболее популярные статьи по запросам в Google. Из найденных текстов были исключены статьи, содержащие только сводку спортивных показателей, так как задачам исследования удовлетворяли статьи, затрагивающие социальные, политические и экономические аспекты Чемпионата мира по футболу 2018 г.

В частности, исследовались информационные приоритеты СМИ различных стран. Для американских и британских СМИ важно, в частности, соблюдение прав человека в России, а для китайских СМИ — возможность получать прибыль от поставок собственной продукции. Отношение к государству-организатору демонстрирует динамика враждебной риторики в публикациях зарубежных средств массовой информации. На этапе рефлексии итогов чемпионата мира по футболу количество негативных публикаций заметно снизилось, а положительные — стали преобладать.

Результаты исследования свидетельствуют о позитивной роли ЧМ-2018 в формировании имиджа Российского государства. Чемпионат мира по футболу-2018 внес вклад в позитивный имидж России возможностью посетить государство-организатор и верифицировать имеющиеся на его счет убеждения.

Ключевые слова: *имидж государства, международный имидж России, Чемпионат мира по футболу-2018, контент-анализ, зарубежные средства массовой информации, роль спортивных мероприятий в формировании имиджа государства.*

* **Кочетков Владимир Викторович,** e-mail: vkochetkov58@mail.ru

THE ROLE OF THE 2018 FIFA WORLD CUP IN FORMING RUSSIA'S IMAGE

Kochetkov Vladimir V., Doctor of Sociology, Professor of Sociology of International Relations Department, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: vkochetkov58@mail.ru

This paper is devoted to the study of the role international sporting events in forming image of state. The goal of research is to study the role of the FIFA World Cup in forming Russia's image. The front-end content analysis is used, which is focused on drawing up the most detailed idea of the information flow over a certain period in order to identify meaningful dynamics and is of an applied nature. The physical unit of content analysis was the article number (release date), and the text publication was the unit of analysis. Texts for processing were searched in English using a Google search for the period from May 1, 2018 to August 1, 2018. The articles should simultaneously contain the words "Russia" and "World cup". In a generalized form, the search query looked like this: site: [publication site] Russia and World cup. The sample population includes the most popular Google search queries. Articles containing only a summary of sports indicators were excluded from the texts found, since the research objectives were satisfied with articles affecting the social, political and economic aspects of the 2018 World Cup. The information priorities of different foreign media are different. For the American and British media, it is important, in particular, to respect human rights in Russia, and for the Chinese media, the opportunity to profit from the supply of our own products. However, after the end of the 2018 FIFA World Cup, negative rhetoric gave way to positive. The results of the study indicate the positive role of the 2018 World Cup in shaping the image of the Russian state.

Key words: *image of state, international Russia's image, 2018 FIFA World Cup, content analysis, foreign media, the role of sporting events in shaping the image of the state.*

Международный имидж государства является матрицей, задающей направление восприятию страны. Благоприятное коммуникационное поле позволяет государству продвигать свои интересы на международной арене. Соответственно создаются условия для выгодного сотрудничества с другими странами. Такое положение способствует экономическому развитию государства, отстаиванию национальных интересов в сфере внешней политики и в целом национальной безопасности государства. Задача формирования международного имиджа России закреплена в пункте 84 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г. как решение задачи обеспечения национальной безопасности в сфере культуры. Общий имидж Российской Федерации складывается из множества элементов сфер жизни общества: экономической, социальной, политической и культурной. Основные компоненты имиджа России условно можно разделить на положительные и переходные.

К положительным составляющим можно отнести: богатство природных ресурсов, имидж национального лидера, мощь воору-

женных сил РФ, информационно-коммуникационную политику. Богатство природных ресурсов включает огромную территорию страны и наличие крупных залежей сырья. Российская Федерация является лидером в рейтинге стран по площади занимаемой территории, занимает второе место по добыче природного газа и запасам угля. Несмотря на негативную оценку продажи сырья за рубеж, минуя стадии обработки, ресурсный потенциал государства внушителен и вносит вклад в имидж государства.

От образа и манеры поведения национального лидера зависит успешность коммуникации на международной арене. Кроме того, ежегодно составляются мировые рейтинги доверия, в которых позиция лидера государства играет роль в восприятии самого государства. В.В. Путин регулярно занимает достаточно сильные позиции в ряде рейтингов: получил 2-е место после китайского лидера Си Цзиньпиня в рейтинге самых влиятельных людей по версии Forbes в 2018 г.[1] и входил в ТОП-100 наиболее влиятельных людей по версии Time в 2014[2], 2015[3] и 2017 гг.[4]

Мощь вооруженных сил РФ способствует восприятию государства в качестве сильной державы, способной защитить своих граждан от атаки неприятеля, а значит, обладающей возможностью отстаивать свои интересы на международной арене. По данным Рейтинга военной силы–2019, Россия занимает вторую позицию после США[5].

В 2005 г. в России был создан международный многоязычный информационный канал Russia Today, призванный отражать информационные атаки и передавать национальные новости без искажений и вбросов. Благодаря данной информационной службе, информационно-коммуникационная политика государства стала более грамотной в борьбе с зарубежными средствами массовой информации.

К переходным составляющим следует отнести модель российской демократии, идентичность Российского государства, состояние экономики, механизм социальной политики, позиции России на

---

[1] The World's Most Powerful People. URL: https://www.forbes.com/powerful-people/list/ (accessed: 12.11.2019).

[2] The World's 100 Most Influential People. URL: http://time.com/collection/2014-time-100/ (accessed: 12.11.2019).

[3] The World's 100 Most Influential People. URL: http://time.com/collection/2015-time-100/ (accessed: 12.11.2019).

[4] The World's 100 Most Influential People. URL: http://time.com/collection/2017-time-100/ (accessed: 12.11.2019).

[5] 2019 Military Strength Ranking (BETA). URL: https://www.globalfirepower.com/countries-listing.asp (accessed: 12.11.2019).

международной арене. Модель Российской демократии нередко критикуется за несоответствие западным стандартам, несмотря на большое количество прав и свобод граждан, закрепленное в Конституции РФ.

Идентичность России ввиду молодой российской государственности находится в стадии формирования, поэтому пока еще не может выступить ресурсом позитивного имиджа государства. После советского этапа до сих пор не сформированы новые скрепы российского народа.

Состояние российской экономики наряду с военной сферой играет важную роль в возможности государства отстаивать свои позиции. Пока российскую экономику нельзя назвать преимуществом государства, однако наблюдается положительная тенденция — хоть медленный, но положительный темп роста[6].

Состояние социальной политики России также рано считать сильном элементом имиджа государства. Российская Федерация является социальным государством, в котором существуют определенные социальные гарантии для населения, однако над набором и качеством данных гарантий еще предстоит работать.

Позиции России на международной арене являются комплексным элементом, складывающимся преимущественно из внешней политики государства и продвижения его национальных интересов. В современном мире наша страна утратила позиции сверхдержавы. Чтобы вернуть прежний политический вес, России также еще нужно поработать.

Как видим, перевес составляют переходные компоненты, которые нередко становятся негативными. Однако ввиду сравнительно молодой российской государственности предлагаем считать их переходными, а не отрицательными. Разумеется, факторов, влияющих на имидж государства, больше, назвать их все не представляется возможным, однако можно считать вышеперечисленное — основным.

М. Гамалеева выделяет ряд проектов, которые призваны оказать благоприятное воздействие на имидж России: 1) экономические; 2) культурные, научные, образовательные; 3) социальные; 4) спортивные; 5) “церковная дипломатия”; 6) “празднества”; 7) медийные проекты[7].

---

[6] Рост экономики России в 2018 году превысил прогнозы. URL: https://www.rbc.ru/economics/25/01/2019/5c4b1f5f9a7947ce9d3e3133 (дата обращения: 12.11.2019).

[7] *Гамалеева М.* Формирование образа России как аспект публичной внешней политики. URL: http://www.advertology.ru/index. php?name=News&file=article&sid=33457 (дата обращения: 14.11.2019).

Экономические проекты призваны создать благоприятный инвестиционный климат и привлечь инвесторов. Прежде всего, их представляют экономические форумы. Наиболее известный из них — Петербургский международный экономический форум, проводящийся с 1997 г. Ежегодно на площадках форума собираются влиятельные люди со всего мира: представители международных организаций, бизнеса, зарубежные политики. В 2018 г. почетными гостями стали президент Франции Эмануэль Макрон и премьер-министр Японии Синдзо Абэ[8]. Также с 2007 г. в Сочи регулярно проходит Российский инвестиционный форум, последний раз его участниками стали представители 63 стран[9]. Еще одной известной площадкой для диалога является Гайдаровский форум, проводящийся ежегодно с 2010 г. и собравший 170 зарубежных участников в последний год проведения[10].

Культурные, научные и образовательные проекты также играют важную роль в формировании позитивного имиджа России. Здесь стоит отметить проведение "перекрестных годов", например, России и Японии в 2018 г.[11] Год России в Японии и Год Японии в России включал порядка 400 запланированных мероприятий, среди которых различные выставки, спортивные соревнования, научные семинары, деловые переговоры. Цель проведения подобных проектов — укрепить отношения между государствами, обогатить культурные, научные и образовательные контакты. Также данные проекты могут быть использованы как платформы для распространения "мягкой силы" государств. Помимо столь масштабных проектов, сюда стоит включить, в частности, гастроли Большого театра. Показ репертуара в США, Великобритании, Австралии, Франции, Германии, Финляндии способствует распространению российской культуры за рубежом[12].

Участие государства в социальных проектах международного уровня является еще одной из возможностей улучшения между-

---

[8] Итоги ПМЭФ-2018. URL: https://www.forumspb.com/smi/itogi/ (дата обращения: 14.11.2019).

[9] Итоги работы Российского инвестиционного форума в Сочи — 2018. URL: https://rusinvestforum.org/news/itogi-raboty-rossiyskogo-investitsionnogo-foruma-v-sochi-2018/ (дата обращения: 14.11.2019).

[10] Итоги ГФ-2019. URL: http://gaidarforum.ru (дата обращения: 14.11.2019).

[11] "Перекрестные" годы России и Японии. URL: http://www.mid.ru/god-rossii-v-aponii-i-god-aponii-v-rossii/-/asset_publisher/HCN0yFLs7lFy/content/id/3088964 (дата обращения: 14.11.2019).

[12] Гастроли Большого театра. URL: https://www.bolshoi.ru/performances/tour1/ (дата обращения: 14.11.2019).

народного имиджа государства. Россия регулярно оказывает гуманитарную помощь[13] жителям стран пострадавших в результате военных конфликтов[14] или стихийных бедствий[15]. Приобщение России к международным здравоохранительным акциям, например, организация мероприятий по всей стране на Всемирный день борьбы со СПИДом[16], значимо для международных организаций, а потому для имиджа государства на международной арене.

Проект "церковная дипломатия" предполагает не только взаимные встречи глав религиозных организаций, но и обсуждение общественно значимых вопросов и глобальных проблем, включая проблемы бедности, наркомании, экстремизма, экологии и других серьезных вопросов. Россия принимала Всемирный саммит религиозных лидеров в Москве в 2006 г. По его итогам было оформлено послание, в котором религиозные лидеры призывали сообща бороться с вызовами современности[17].

Проект "празднества" включает организацию в честь юбилейных исторических дат официальных торжеств федерального уровня с приглашением иностранных лидеров. Например, участие в праздновании 70-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне приняли представители 25 стран и международных организаций. Помимо этого мероприятия, широкий охват получило празднование 300-летия со дня основания Санкт-Петербурга.

Медийные проекты играют крайне важную роль в информационно-коммуникационной политике государства. От представления государства в средствах массовой информации зависит его восприятие за рубежом. С 2005 г. трансляцию событий на просторах нашей страны без искажений обеспечивает российская информационная служба Russia Today. Согласно данным за 2017 г., аудитория RT насчитывает 100 млн человек еженедельно[18]. Данная информационная

---

[13] Россия за 10 лет отправила более 580 тысяч тонн гуманитарных грузов. URL: https://ria.ru/20150314/1052541813.html (дата обращения: 14.11.2019).

[14] Более 80% гуманитарной помощи от России получила Сирия. URL: https://www.rbc.ru/economics/26/11/2018/5bf7db229a7947b3fd400634 (дата обращения: 14.11.2019).

[15] МЧС направило Японии 17 тонн одеял. URL: https://lenta.ru/news/2011/03/16/seventeentons/ (дата обращения: 14.11.2019).

[16] Первое декабря — Всемирный день борьбы со СПИДом. URL: https://www.rosminzdrav.ru/news/2018/12/01/9960-pervoe-dekabrya-vsemirnyy-den-borby-so-spidom (дата обращения: 14.11.2019).

[17] Послание Всемирного саммита религиозных лидеров (Москва, 3–5 июля 2006 г.). URL: https://mospat.ru/archive/2006/07/32132/ (дата обращения: 14.11.2019).

[18] О канале. URL: https://russian.rt.com/about (дата обращения: 14.11.2019).

служба является важным актором коммуникационного поля РФ на международной арене.

Показателями текущего имиджа России на международной арене являются позиции государства в различных международных рейтингах. Одним из наиболее авторитетных рейтингов является исследование эксперта национальных брендов С. Анхольта. Рейтинг учитывает шесть параметров: продвижение туризма, экспортные бренды, политические решения страны, способ осуществления запроса на внутренние инвестиции, культурный обмен и культурная деятельность, население государства. По данным исследования GfK: Anholt-GfK Nation Brand Index 2017, Россия заняла 23-ю позицию в мировом рейтинге национальных брендов. По сравнению с 2016 г. отдельные показатели ухудшились, за исключением параметра инвестиции/иммиграция. Один из передовых показателей — культура, по данному параметру Россия занимает девятую позицию[19].

Другим интересным рейтингом является Legatum Prosperity Index, который также называют "рейтингом процветания". Данный рейтинг ранжирует страны по таким параметрам, как качество экономики, бизнес-среда, государственное управление, здравоохранение, безопасность и защита, образование, социальный капитал, экология и свобода личности. В 2018 г. Россия заняла 96 позицию из 149 возможных[20]. Наиболее слабыми составляющими государства, по данным рейтинга, оказались следующие компоненты: свобода личности, государственное управление и социальный капитал. Наиболее сильной стороной стало образование, заняв 22-ю позицию. Несмотря на то что текущими соседями России в данном рейтинге стали Руанда и Кения, тенденция положительная — в прошлых годах позиции России были более низкими.

Научные разработки в сфере нашего исследования условно можно разделить на три блока: работы, посвященные изучению имиджа государства, публикации, рассматривающие влияние различных факторов на имидж государства и труды, изучающие вклад конкретных международных спортивных событий в имидж государства. Первый блок представлен такими авторами, как К. Боулдинг[21], С. Анхольт[22],

---

[19] Исследование GfK: Anholt-GfK Nation Brands Index 2017. URL: https://www.gfk.com/ru/insaity/press-release/issledovanie-gfk-anholt-gfk-nation-brands-index-2017/ (дата обращения: 14.11.2019).

[20] THE LEGATUM PROSPERITY INDEX™ 2018. URL: https://www.prosperity.com/globe#RUS (дата обращения:14.11.2018).

[21] *Boulding K.* The knowledge in life and society. Ann Arbor, 1956.

[22] *Anholt S.* Competitive identity: the New Brand management for nations, cities and regions. N.Y., 2007.

Э.А. Галумов[23], А.А. Гравер[24], И.А. Василенко[25], С.М. Крылов[26], М.О. Улитина[27]. Ими изучается сущность имиджа государства, выделяются его характерные черты и основные компоненты. Также рассматриваются различные технологии формирования имиджа государства и их классификации. Второй блок исследований содержит работы Е.Н. Давыборец и И.В. Радикова[28], С.К. Харбих[29], Д.А. Долговой[30] и др. Ими проводится анализ всех возможных факторов, оказывающих воздействие на имидж государства как в единичном виде, так и системно. Третий блок включает публикации, в частности, таких авторов, как А.Б. Ильин[31], Л.Ш. Кузикова и Л.С. Петрик[32]. Данные исследователи изучают роль определенных международных событий в формировании как имиджа государства в целом, так и в развитии его отдельных сторон.

Прошедший в 2018 г. Чемпионат мира по футболу привлек к России пристальное внимание со стороны многих государств и средств массовой информации, и поэтому стал значимой площадкой для формирования имиджа Российского государства. Кроме этого, Чемпионат мира по футболу 2018 г. посетило несколько

---

[23] *Галумов Э.А.* Международный имидж России: стратегия формирования. М., 2003.

[24] *Гравер А.А.* Образ, имидж и бренд страны: понятия и направления исследования // Вестн. Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2012. № 3 (19). С. 29–45.

[25] *Василенко И.А.* Имидж России: концепция национального брендинга // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2012. № 4 (24). С. 66–78.

[26] *Крылов С.М.* Формирование международного имиджа государства // Вологдинские чтения. 2006. № 58. С. 48–51.

[27] *Улитина М.О.* Методологические подходы к формированию международного имиджа государства // Вестник МГЛУ. Общественные науки. 2013. № 662. С. 207–222.

[28] *Давыборец Е.Н., Радиков И.В.* Роль объективных факторов в формировании имиджа России // Вестник ЗабГУ. 2015. № 05 (120). С. 66–74.

[29] *Харбих С.К.* Международный имидж государства: факторы и коммуникативная стратегия формирования: на примере Чили. Автореферат дисс. ... кандидата политических наук: 23.00.04. М., 2015.

[30] *Долгова Д.А* Влияние спорта на международный авторитет государства // Актуальные проблемы современных международных отношений. 2017. №10. С. 129–135.

[31] *Ильин А.Б.* Об оценке вклада предпринимательских структур автоспорта в формирование привлекательного имиджа территории // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2016. № 4 (28). С. 180–184.

[32] *Кузикова Л.Ш., Петрик Л.С.*, Всемирная летняя универсиада 2013 года как фактор формирования имиджа республики Татарстан и развития туризма // Наследие крупных спортивных событий как фактор социально-культурного и экономического развития региона. Казань, 2013. С. 117–119.

миллионов зарубежных болельщиков. От их восприятия уровня проведения данного спортивного события и происходящего на территории государства-организатора также зависел имидж России, поскольку болельщики активно делились впечатлениями в социальных сетях.

Поскольку во время проведения Олимпийских игр внимание средств массовой информации приковано к государству особым образом, нередко данным положением пользуются организаторы массовых беспорядков. Данное утверждение доказывает ставший уже хрестоматийным пример: в период проведения Олимпийских игр в Мюнхене палестинской группировкой "Черный сентябрь" был организован теракт[33]. Цели террористов были достигнуты: весь мир узнал о проблеме Палестины, поскольку внимание миллионов людей во всех странах было приковано к экранам телевизоров во время просмотра олимпийских соревнований. Более того, как отмечает директор ФСБ Александр Бортников, Национальный антитеррористический комитет способствовал предотвращению 28 террористических актов, которые представляли собой попытки осуществить террористические атаки на олимпийские объекты в Сочи[34]. Иногда внимание СМИ используют в своих целях организаторы протестов: в Канаде параллельно церемонии открытия Олимпийских игр на одной из площадей Ванкувера проходила акция протеста, которая впоследствии была показана в новостных передачах по всему миру[35].

На протяжении подготовительного, ключевого и заключительного этапа Чемпионата мира по футболу 2018 г. в России зарубежные средства массовой информации активно освещали происходящее. В феврале 2019 г. нами было изучено более 200 публикаций в зарубежных англоязычных ежедневных газетах и текстовых блоках новостей теле- и радиокомпаний за период с 1 мая 2018 г. по 1 августа 2018 г., в которых содержалось упоминание Чемпионата мира по футболу 2018 г. и России.

Для исследования были выбраны такие зарубежные средства массовой информации, как New York Times, Washington Post, People's Daily, BBC, USA Today, China Daily, CNN, Fox News, Hindustan Times и

---

[33] Приказ: Стрелять во все, что движется. URL: https://rg.ru/2012/08/31/munhen-site.html (дата обращения: 10.12.2019).

[34] ФСБ предотвратила теракт в Сочи совместно с зарубежными коллегами. URL: https://rg.ru/2014/04/09/antiterror-anons.html (дата обращения: 10.12.2019).

[35] Восемь случаев протеста против Олимпийских игр. URL: https://www.championat.com/other/article-3237861-vosem-sluchaev-protesta-protiv-olimpijskikh-igr.html (дата обращения: 10.12.2019).

New Indian Express. Выбор данных источников определялся с точки зрения исследовательского интереса, авторитетности конкретного средства массовой информации, территориального расположения его головного офиса и технических возможностей его сайта. Гипотеза исследования заключалась в том, что после проведения Чемпионата мира по футболу 2018 г. враждебная риторика по отношению к России в публикациях зарубежных средств массовой информации по сравнению с периодом до начала его проведения снижается.

В выборочной совокупности присутствовала значительная доля американских средств массовой информации, что связано с исследовательским интересом изучить, как отражалось внешнеполитическое противостояние России и Запада на освещении событий чемпионата мира по футболу. Для исследования взгляда на данное спортивное событие азиатских стран были выбраны англоязычные версии китайских и индийских изданий.

Поиск текстов для обработки осуществлялся на английском языке с помощью поисковика Google за период с 1 мая 2018 г. по 1 августа 2018 г. Статьи должны были одновременно содержать слова “Russia” и “World cup”. В обобщенном виде поисковый запрос выглядел следующим образом: site: [сайт издания] Russia and World cup. В выборочную совокупность вошли наиболее популярные статьи по запросам в Google. Из найденных текстов были исключены статьи, содержащие только сводку спортивных показателей, так как задачам исследования удовлетворяли статьи, затрагивающие социальные, политические и экономические аспекты Чемпионата мира по футболу 2018 г.

Использован фронтальный контент-анализ, который ориентирован на составление максимально подробного представления об информационном потоке на протяжении определенного периода с целью выявления содержательной динамики и который носит прикладной характер. Физической единицей контент-анализа выступал номер статьи (дата выхода), а единицей анализа — текстовая публикация.

На основе выборочной совокупности исследовалась, в частности, динамика публикаций. Если рассмотреть нарастание актуальности Чемпионата мира по футболу в информационной повестке, то можно заметить, что период пика приходится на открытие данного спортивного мероприятия — 14 июня 2018 г. (см. рис. 1).

Такое положение в целом очевидно, наибольшее внимание мировой общественности приковано именно к открытию международного спортивного мероприятия. Однако интересно, что вторым

по значимости пиком публикаций является следующий день после закрытия чемпионата мира по футболу — 16 июля 2018 г., что в целом связано с подведением итогов прошедшего мероприятия.

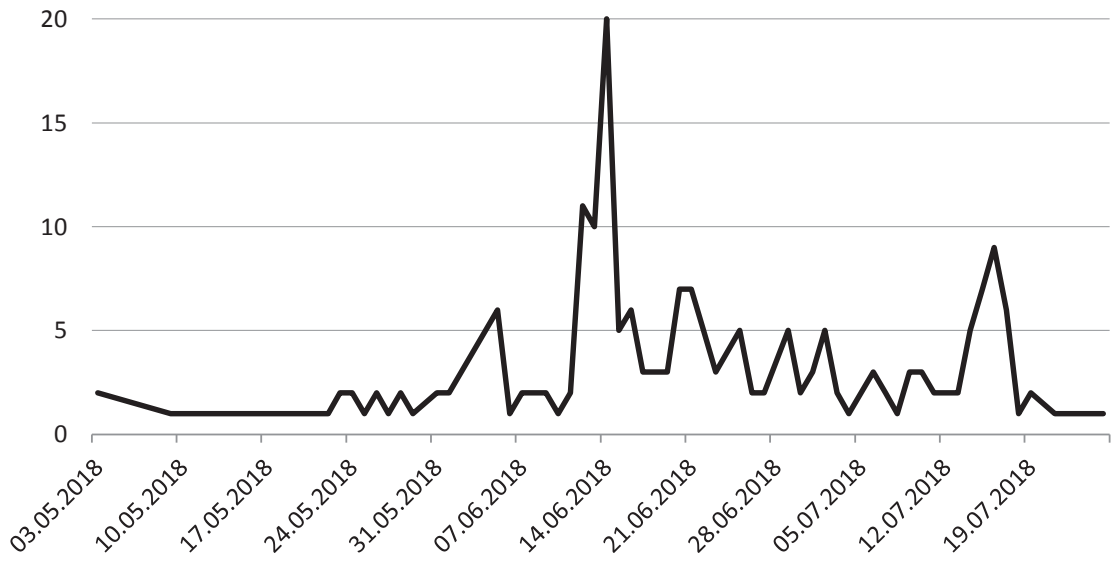

Рис. 1. Динамика публикаций в зарубежных СМИ
с 01.05.2018 по 01.08.2018, количество публикаций

Общая тематика публикаций в зарубежных средствах массовой информации представлена в табл. 1. Наибольшей популярностью у журналистов при освещении событий Чемпионата мира (ЧМ) по футболу, за исключением спортивной повестки, пользовались такие темы, как “Осмысление ЧМ” (18%), “Организация ЧМ” (16%), “Права человека” (14%), “Политика” (12%) и “Спонсоры” (10%). Категория “Осмысление ЧМ” включала публикации о том, зачем России нужен Чемпионат мира по футболу 2018 г., справятся ли организаторы с поставленной задачей, а также подведение итогов проведения данного спортивного мероприятия на территории Российской Федерации. Категория “Организация ЧМ” содержала статьи, посвященные инфраструктуре чемпионата мира по футболу, технологическому оснащению соревнований, удобству расположения фан-зоны, количеству приобретенных билетов болельщиками и другим подобным вопросам. Категория “Политика” была представлена публикациями как по вопросам внутренней, так и внешней политики. В частности, упоминались события, связанные с вхождением Крыма в состав России, выборами в США, вооруженным конфликтом в Сирии и отравлением Скрипалей, а также влиянием пенсионной реформы на российских граждан. Категория “Спонсоры” содержала статьи, посвященные количеству и составу брендов, которые представлены на Чемпионате мира по футболу 2018 г.

Таблица 1

Тематика публикаций в зарубежных СМИ (в %)

	Американские и британские СМИ	Китайские СМИ	Индийские СМИ	Общая тематика в зарубежных СМИ
Осмысление ЧМ	17	–*	10	18
Организация ЧМ	18	–*	26	16
Права человека	18	–*	12	14
Политика	25	6	4	12
Спонсоры	2	53	–*	10
Безопасность	7	6	10	9
Болельщики	2	32	4	8
Поддержка сборной	3	–*	12	5
Допинг	3	–*	12	4
Другое	5	3	10	4

* *Примечание:* данные темы не были представлены.

Информационные приоритеты средств массовой информации разных стран в освещении Чемпионата мира по футболу 2018 г. неодинаковы. В частности, на примере выборочной совокупности (см. табл. 1) заметно, что приоритеты американских и британских средств массовой информации сходны и проявляются в повышенном интересе, помимо осмысления чемпионата мира по футболу и его организации, к правам человека (18%) и вопросам политики (17%).

Публикации китайских средств массовой информации демонстрируют иную картину. Большое внимание уделяется роли КНР в Чемпионате мира по футболу 2018 г. Китайские СМИ регулярно сообщали, сколько приедет китайских болельщиков на Чемпионат мира по футболу, какие китайские бренды спонсируют данное спортивное мероприятие, какой объем китайской продукции будет поставлен в Россию. Огромная доля китайского присутствия впоследствии была изложена в шуточной фразе: “Китай на Чемпионате мира по футболу 2018 г. представлен во всех возможных формах, кроме китайской сборной”[36]. Участие Китая в Чемпионате мира по футболу действительно было объемным, однако в публикациях американских и британских СМИ данное положение не подчеркивается,

[36] Much from China has gone to World Cup but not team. URL: http://www.chinadaily.com.cn/a/201806/22/WS5b2c34b4a3103349141dda6c.html (дата обращения: 24.07.2019).

что говорит о разных информационных приоритетах регионов и о гордости Китая за свой вклад.

Тематика публикаций в индийских средствах массовой информации не так явно, но отражает их близость к Западу, поскольку Индия — бывшая колония Великобритании. В частности, это проявляется в акценте на правах человека (12%). Данное положение совсем не представлено в китайских средствах массовой информации, значительное внимание ему уделяется в американских и британских изданиях.

Рис. 2. Упоминание категорий в публикациях зарубежных СМИ с 01.05.2018 по 01.08.2018, количество публикаций

Особенности восприятия Чемпионата мира по футболу 2018 г. зарубежными средствами массовой информации демонстрирует количество упоминаний отдельных категорий (см. рис. 2). Личность российского президента оказывается наиболее важна, далее следуют болельщики и безопасность, которые также играют роль в успешности проведения Чемпионата мира по футболу 2018 г. Стоит отметить, что категория “Безопасность” включала не только безопасность болельщиков как таковых, но и их отдельных групп, в частности, представителей ЛГБТ-сообщества. Интерес к российскому населению со стороны зарубежных средств массовой информации проявлялся в обращении к внутренней политике России, в частности, какая жизнь ожидает россиян после чемпионата мира[37]. Права

[37] What’s next for Putin’s Russia after World Cup? URL: https://www.foxnews.com/world/whats-next-for-putins-russia-after-world-cup (accessed: 24.07.2019).

человека замыкают топ-5 — вопросы толерантности и безопасности представителей ЛГБТ-сообщества являлись одними из самых популярных. Беспокойство было вызвано отношением к ним россиян ввиду приверженности традиционным ценностям и наличия закона о запрете пропаганды гомосексуализма.

Международный имидж России можно рассмотреть с точки зрения враждебной риторики в публикациях зарубежных средств массовой информации.

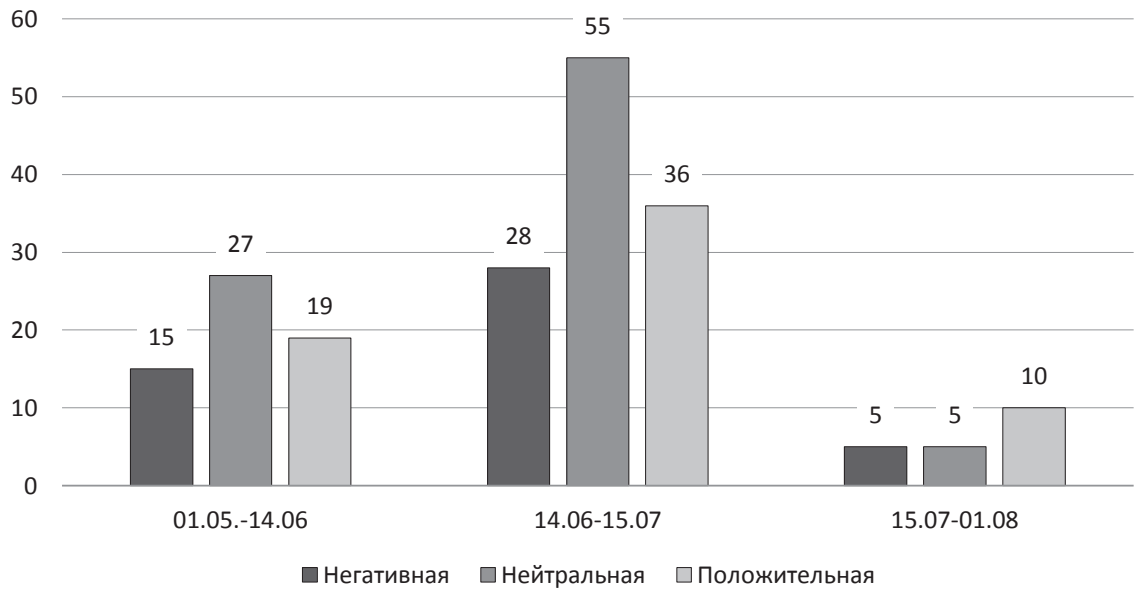

Рис. 3. Динамика враждебной риторики в зарубежных СМИ с 01.05.2018 по 01.08.2018, количество публикаций

Как показано на рис. 3, на подготовительном этапе Чемпионата мира по футболу (01.05–14.06), как и на этапе проведения (14.06–15.07) преобладали статьи с нейтральной риторикой. В средствах массовой информации демонстрировалось преимущественно скептическое отношение к Чемпионату мира по футболу в России, хотя количество статей с положительной риторикой возросло. После проведения Чемпионата мира по футболу (15.07–01.08) стали преобладать статьи с положительной риторикой. Количество статей с негативной риторикой, достигнув своего пика в период проведения Чемпионата мира по футболу (14.06–15.07), значительно снизилось на этапе рефлексии итогов Чемпионата мира по футболу (15.07–01.08).

Для определения динамики имиджа России в соответствии с динамикой враждебной риторики по отдельным категориям возьмем топ-5 наиболее упоминаемых категорий из рис. 2: “Президент РФ”, “Болельщики”, “Безопасность”, “Население”, “Права человека”.

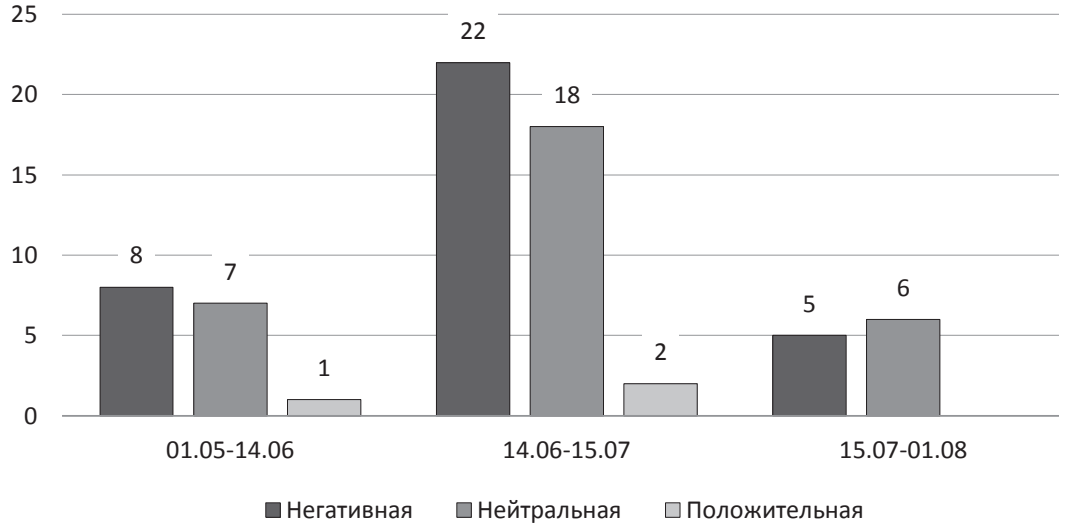

Рис. 4. Динамика враждебной риторики по отношению к категории “Президент РФ” в зарубежных СМИ с 01.05.2018 по 01.08.2018, количество публикаций

Отношение к личности президента РФ в зарубежных средствах массовой информации в целом негативное (см. рис. 4), что связано с демонизацией его образа. Доминирует представление президентства как репрессивного режима, при котором практически не соблюдаются права и свободы человека, и Чемпионат мира по футболу способствует легитимации его власти и поднятию престижа путем угнетения населения. Данное убеждение наиболее распространено в американских и британских средствах массовой информации, тогда как, например, в китайских средствах массовой информации отношение к российскому лидеру нейтральное или положительное.

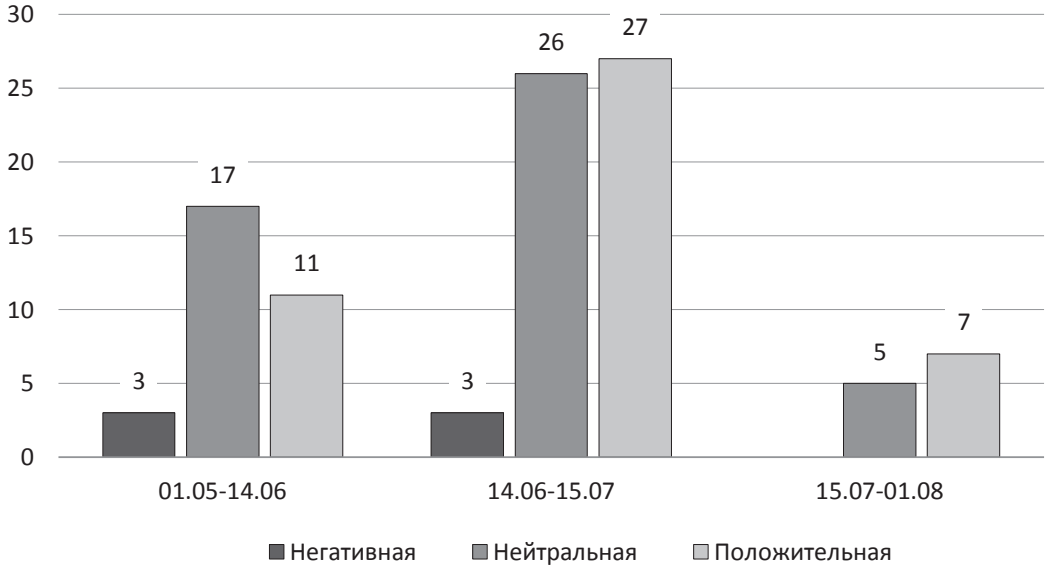

Рис. 5. Динамика враждебной риторики по отношению к категории “Болельщики” в зарубежных СМИ с 01.05.2018 по 01.08.2018, количество публикаций

Болельщики Чемпионата мира по футболу описывались преимущественно как радостные, получающие удовольствие от хода соревнований. В целом, как показано на рис. 5, характеристики болельщиков преимущественно положительные или нейтральные. Последние связаны с содержанием в публикациях различной справочной информации с упоминанием адресатов — болельщиков или размещением статистической информации о количестве купленных билетов. Количество негативных характеристик незначительно и относится к тем публикациям, в которых описывались случаи ДТП и поднимались вопросы безопасности болельщиков.

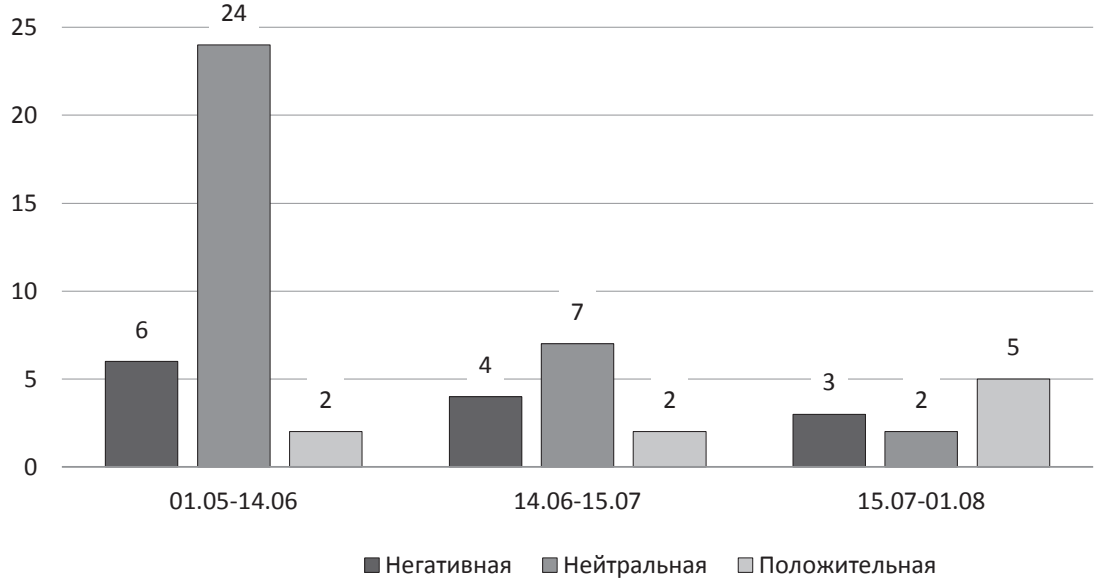

Рис. 6. Динамика враждебной риторики по отношению к категории “Безопасность” в зарубежных СМИ с 01.05.2018 по 01.08.2018, количество публикаций

Обеспечение безопасности было одним из важных вопросов для принятия решения о посещении Чемпионата мира по футболу 2018 г. Как показано на рис. 6, большинство публикаций, содержащих упоминания вопросов безопасности, носили нейтральный характер, что связано с тем, что они включали описание инструкций безопасного поведения, в частности, для представителей ЛГБТ-сообщества, и предпринимаемых мер обеспечения безопасности, как со стороны России, так и со стороны ФИФА. Примечательно, что после успешного открытия Чемпионата мира по футболу 2018 г., интерес к вопросам безопасности заметно снизился. На подготовительном этапе доминировали нейтральные оценки возможности России безопасно организовать чемпионат мира по футболу, включающие множество инструкций для болельщиков о правилах поведения в России и возможных рисках. Однако впоследствии оценить то, что данное спортивное событие было организовано на должном уровне,

можно лишь по снижению интереса к данной тематике. Похвалы России как организатору Чемпионата мира по футболу 2018 г. в СМИ практически не найти.

Отношение к жителям России в зарубежных средствах массовой информации в целом положительное (см. рис. 7). Население РФ было воспринято иностранными корреспондентами как гостеприимное и дружелюбное. Негативные высказывания были связаны с “репрессивным режимом Путина” и возможным угнетением прав человека.

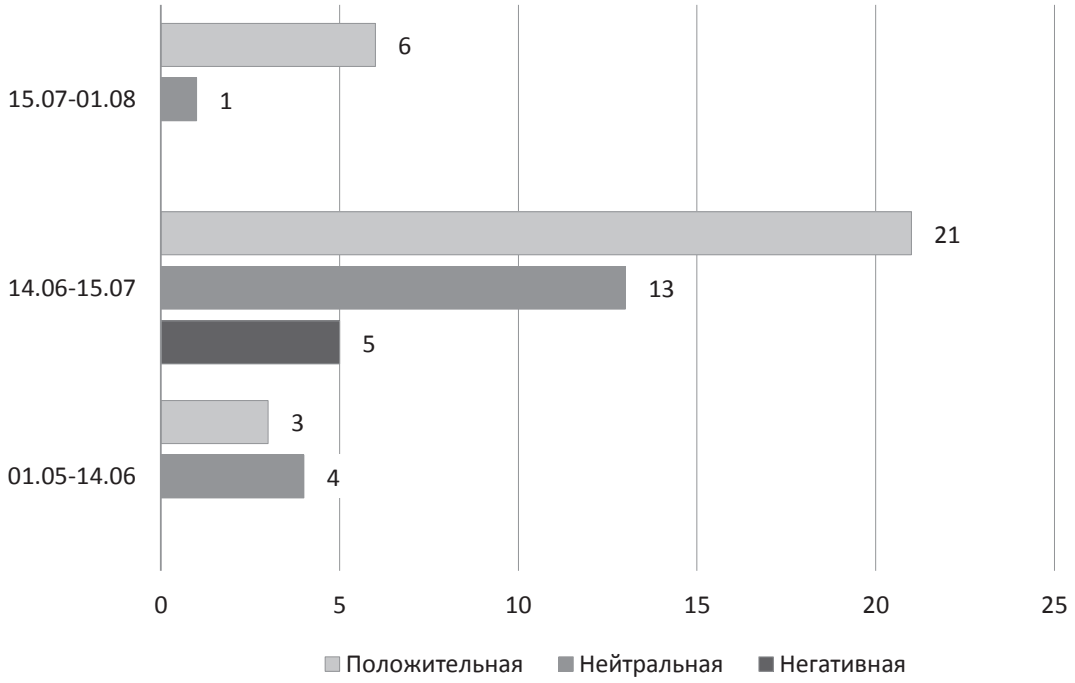

Рис. 7. Динамика враждебной риторики по отношению к категории “Население” в зарубежных СМИ с 01.05.2018 по 01.08.2018, количество публикаций

Отношение к соблюдению прав человека в России в среде зарубежных СМИ остается негативным (см. рис. 8), что связано с различием ценностных структур Российской Федерации и западных стран, и как следствие непониманием ценностей друг друга. В России сохраняется преобладание традиционных ценностей, потому восприятие представителей ЛГБТ-сообщества остается не толерантным.

На подготовительном этапе Чемпионата мира по футболу 2018 г. Российская Федерация столкнулась с рядом вызовов. К их числу относятся призывы бойкотировать данное спортивное мероприятие иностранными лидерами, распространение информации о возможных угрозах пребывания на территории России для болельщиков Чемпионата мира по футболу 2018 г., а также информационные вбросы о проведении расследования процесса голосования, в ходе которого победила российская заявка на проведение турнира.

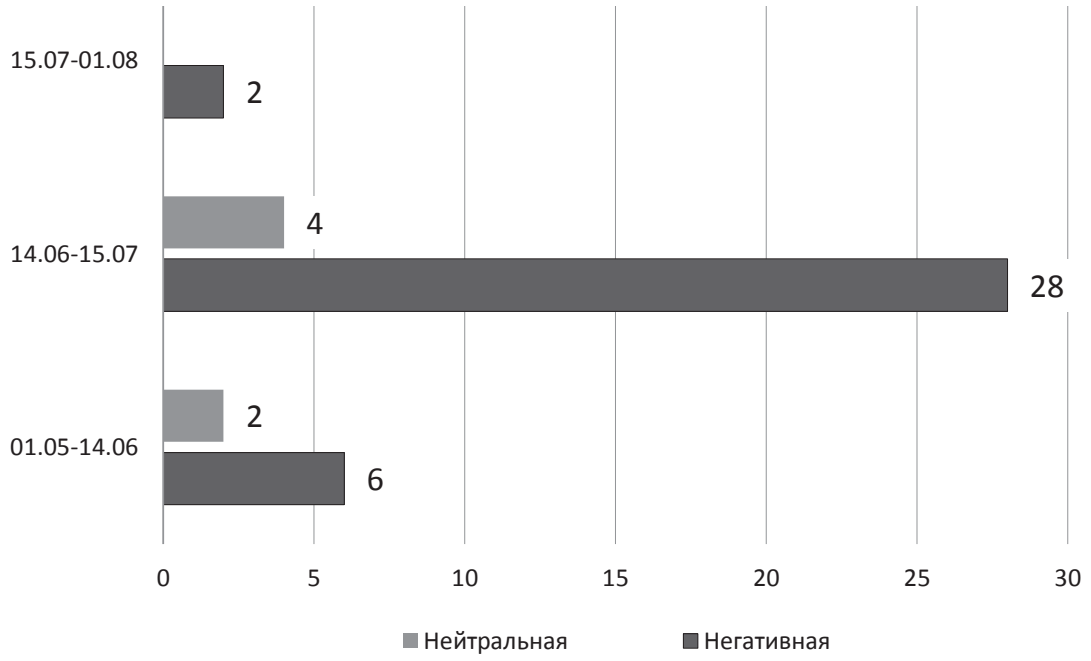

Рис. 8. Динамика враждебной риторики по отношению к категории “Права человека” в зарубежных СМИ с 01.05.2018 по 01.08.2018, количество публикаций

За время проведения Чемпионата мира по футболу, по данным российских спецслужб, была пресечена деятельность семи террористических группировок и предотвращен ряд терактов[38]. То, что данное спортивное мероприятие не было омрачено терактами, демонстрирует, что обеспечение безопасности на территории России было проведено на должном уровне. Несмотря на интерес к Чемпионату мира со стороны террористических группировок, “урок Мюнхена” был усвоен.

Итоги данного анализа свидетельствуют о положительной роли Чемпионата мира по футболу 2018 г. в формировании имиджа Российского государства. По объективным показателям Чемпионат мира по футболу 2018 г. был проведен на высоком уровне, что подтвердили официальные представители Совета ФИФА. Информационные приоритеты разных зарубежных средств массовой информации различны. Для американских и британских СМИ важно, в частности, соблюдение прав человека в России, для китайских СМИ — возможность получения прибыли за счет поставок собственной продукции. Имидж России в различных странах будет неодинаковым. Однако, после завершения Чемпионата мира по футболу 2018 г. негативная риторика сменилась позитивной, что еще раз говорит о том, что

[38] Спецслужбы РФ предотвратили несколько терактов во время ЧМ-2018. URL: https://rg.ru/2018/11/07/specsluzhby-rf-predotvratili-neskolko-teraktov-vo-vremia-chm-2018.html (дата обращения: 10.03.2019).

Российская Федерация справилась с поставленной организационной целью и весь мир имел уникальную возможность проверить соответствие стереотипов в зарубежных СМИ российской реальности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Анохин Е. В. Имидж страны: проблемы формирования и управления // Проблемы современной экономики. 2014. № 3 (51). С. 214–218.

Берендеев М.В. "Образ" как эпистемологическая категория в дискурсивных практиках // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. 2012. № 3. С. 131–137.

Быба Ю.В. Имидж современного Российского государства: состояние и перспективы формирования. Автореферат дисс. ... кандидата политических наук: 23.00.02. М., 2008.

Василенко И.А. Имидж России: концепция национального брендинга // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2012. № 4 (24). С. 66–78.

Васильева О.А. Национальный брендинг в контексте понятия "мягкой силы" // Национальная ассоциация ученых. Педагогические науки. 2015. № 6–1 (11). С. 103–107.

Галумов Э.А. Международный имидж России: стратегия формирования. М., 2003.

Гамалеева М. Формирование образа России как аспект публичной внешней политики. URL: http://www.advertology.ru/index. php?name=News&file=article&sid=33457 (дата обращения: 14.11.2018).

Глазатов А.В. Спорт высших достижений как инструмент политики формирования позитивного имиджа государства: отечественный опыт и перспективы. Автореферат дисс. ... кандидата политических наук: 23.00.02. М., 2017.

Гравер А.А. Образ, имидж и бренд страны: понятия и направления исследования // Вестн. Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2012. № 3 (19). С. 29–45.

Давыборец Е.Н., Кузьмина О.В., Мефодьева С.А. Классификация технологий имиджа государства // Вестник ЗабГУ. 2016. № 05. С. 60–66.

Давыборец Е.Н., Радиков И.В. Роль объективных факторов в формировании имиджа России // Вестник ЗабГУ. 2015. № 05 (120). С. 66–74.

Долгова Д.А. Влияние спорта на международный авторитет государства // Актуальные проблемы современных международных отношений. 2017. № 10. С. 129–135.

Ильин А.Б. Об оценке вклада предпринимательских структур автоспорта в формирование привлекательного имиджа территории // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2016. № 4 (28). С. 180–184.

Имидж России в информационном обществе: Мат-лы науч. конф. кафедры российской политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова 10 декабря 2010 г. / Под ред. И.А. Василенко. М., 2011.

Киселев И.Ю., Смирнова А.Г. Образ государства как фактор принятия внешнеполитических решений // Полис. Политические исследования. 2004. № 4. С. 116–125.

Крылов С.М. Формирование международного имиджа государства // Вологдинские чтения. 2006. № 58. С. 48–51.

Кузикова Л.Ш., Петрик Л.С. Всемирная летняя универсиада 2013 года как фактор формирования имиджа республики Татарстан и развития туризма // Наследие крупных спортивных событий как фактор социально-культурного и экономического развития региона. Казань, 2013. С. 117–119.

Телегина К.И. Понятие и структура имиджа государства // Тамбов: Грамота. 2014. № 12 (50): В 3-х ч. Ч. II. С. 191–194.

Улитина М.О. Методологические подходы к формированию международного имиджа государства // Вестник МГЛУ. Общественные науки. 2013. № 662. С. 207–222.

Харбих С.К. Международный имидж государства: факторы и коммуникативная стратегия формирования: на примере Чили. Автореферат дисс. ... кандидата политических наук: 23.00.04. М., 2015.

REFERENCES

Anholt S. Competitive identity: the New Brand management for nations, cities and regions. N.Y., 2007.

Anokhin E.V. Imidzh strany: problemy formirovaniya i upravleniya [Image of the country: problems of formation and management] // PSEh. 2014. N 3 (51). P. 214–218 (in Russian).

Berendeev M.V. "Obraz" kak ehpistemologicheskaya kategoriya v diskursivnykh praktikakh [Image as an epistemological category in discourse practices] // METOD: Moskovskii ezhegodnik trudov iz obshchestvovedcheskikh distsiplin. 2012. N 3. P. 131–137 (in Russian).

Boulding K. The knowledge in life and society. Ann Arbor, 1956.

Byba Yu.V. Imidzh sovremennogo Rossiiskogo gosudarstva: sostoyanie i perspektivy formirovaniya: avtoreferat diss. ... kandidata politicheskikh nauk: 23.00.02 [Image of the modern Russian state: state and prospects of formation]. M., 2008 (in Russian).

Davyborets E.N., Kuz'mina O.V., Mefod'eva S.A. Klassifikatsiya tekhnologii imidzha gosudarstva [Classification of state image technologies] // Vestnik ZaBGU. 2016. N 05. P. 60–66 (in Russian).

Davyborets E.N., Radikov I.V. Rol' ob"ektivnykh faktorov v formirovanii imidzha Rossii [The role of objective factors in shaping the image of Russia] // Vestnik ZaBGU. 2015. N 05 (120). P. 66–74 (in Russian).

Dolgova D.A. Vliyanie sporta na mezhdunarodnyi avtoritet gosudarstva [The influence of sport on the international authority of the state] // Aktual'nye problemy sovremennykh mezhdunarodnykh otnoshenii. 2017. N 10. P. 129–135 (in Russian).

Galumov Eh.A. Mezhdunarodnyi imidzh Rossii: strategiya formirovaniya [The international image of Russia: formation strategy]. M., 2003 (in Russian).

Gamaleeva M. Formirovanie obraza Rossii kak aspekt publichnoi vneshnei politiki [The formation of the image of Russia as an aspect of public foreign policy]. URL: http://www.advertology.ru/index.php?name=News&file=article&sid=33457 (accessed: 14.11.2018) (in Russian).

Glazatov A.V. Sport vysshikh dostizhenii kak instrument politiki formirovaniya pozitivnogo imidzha gosudarstva: otechestvennyi opyt i perspektivy: avtoreferat diss. ... kandidata politicheskikh nauk: 23.00.02 [Sports of the highest achievements as an instrument of the policy of forming a positive image of the state: domestic experience and prospects]. M., 2017 (in Russian).

Graver A.A. Obraz, imidzh i brend strany: ponyatiya i napravleniya issledovaniya [Image and brand of the country: concepts and directions] // Vestn. Tom. gos. un-ta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya. 2012. N 3 (19). S. 29–45 (in Russian).

Il'in A.B. Ob otsenke vklada predprinimatel'skikh struktur avtosporta v formirovanie privlekatel'nogo imidzha territorii [On the assessment of the contribution of entrepreneurial structures of authorship to the formation of an attractive image of the territory] // MIR (Modernizatsiya. Innovatsii. Razvitie). 2016. N 4 (28). P. 180–184 (in Russian).

Imidzh Rossii v informatsionnom obshchestve: materialy nauchnoi konferentsii kafedry rossiiskoi politiki fakul'teta politologii MGU imeni M.V. Lomonosova 10 dekabrya 2010 g. [Image of Russia in the information society] / Pod red. I.A. Vasilenko. M., 2011 (in Russian).

Kharbikh S.K. Mezhdunarodnyi imidzh gosudarstva: faktory i kommunikativnaya strategiya formirovaniya: na primere Chili: avtoreferat diss. ... kandidata politicheskikh nauk: 23.00.04 [The international image of the state: factors and communication strategies of formation on the example of Chile]. M., 2015 (in Russian).

Kiselev I.Yu., Smirnova A.G. Obraz gosudarstva kak faktor prinyatiya vneshnepoliticheskikh reshenii [The image of the state as a factor in the adoption of foreign policy decisions] // Polis. Politicheskie issledovaniya. 2004. N 4. P. 116–125 (in Russian).

Krylov S.M. Formirovanie mezhdunarodnogo imidzha gosudarstva [The formation of the international image of the state] // Vologdinskie chteniya. 2006. N 58. P. 48–51 (in Russian).

Kuzikova L.Sh., Petrik L.S. Vsemirnaya letnyaya universiada 2013 goda kak faktor formirovaniya imidzha respubliki Tatarstan i razvitiya turizma [World Summer Universiade as a factor in shaping the image of the Republic of Tatarstan] // Nasledie krupnykh sportivnykh sobytii kak faktor sotsial'no-kul'turnogo i ehkonomicheskogo razvitiya regiona. 2013 P. 117–119 (in Russian).

Telegina K.I. Ponyatie i struktura imidzha gosudarstva [The concept and structure of the image of the state] // Tambov: Gramota. 2014. N 12 (50): v 3-kh ch. Ch. II. P. 191–194 (in Russian).

Ulitina M.O. Metodologicheskie podkhody k formirovaniyu mezhdunarodnogo imidzha gosudarstva [Methodological approaches to the formation of the international image of the state] // Vestnik MGLU. Obshchestvennye nauki. 2013. N 662. P. 207–222 (in Russian).

Vasilenko I.A. Imidzh Rossii: kontseptsiya natsional'nogo brendinga [Image of Russia: the concept of national branding] // Kontury global'nykh transformatsii: politika, ehkonomika, parvo. 2012. N 4 (24). P. 66–78 (in Russian).

Vasil'eva O.A. Natsional'nyi brending v kontekste ponyatiya "myagkoi sily" [National branding in the context of soft power] // Natsional'naya assotsiatsiya uchenykh. Pedagogicheskie nauki. 2015. N 6–1(11). P. 103–107 (in Russian).

СОЦИОЛОГИЯ КОММУНИКАЦИЙ

DOI: 10.24290/1029-3736-2020-26-3-127-148

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Г.В. Денисова, канд. филологич. наук, доц. кафедры славистики Департамента филологии, литературоведения и языкознания Государственного Пизанского университета, Санта Мария, 36, г. Пиза, Италия, 56121*

В статье рассматривается роль социокультурных стереотипов в межкультурной коммуникации. Данная проблематика заслуживает особого внимания, во-первых, потому что в процессе поиска и разработки национальных картин мира аналитические описания смыслового содержания языковой реальности часто подменяются мифами, которые принимают участие в создании желаемого дискурса; во-вторых, закрепившиеся в языковой картине мира стереотипы при их несовпадении со стереотипами иноязычной картины мира существенно затрудняют обратную связь с партнерами по коммуникации.

Социокультурный стереотип в работе интерпретируется как некий фрагмент мира, существующий в сознании в виде устойчивого, обусловленного социокультурной спецификой и закрепленного в языковой картине мира представления о предмете или ситуации. Такое понимание близко к трактовке стереотипа как общественно-исторического мифа, отражающего системность существенных для общества знаний человека об окружающем мире и, как следствие, задающего оценочные координаты и моделирующего разные сферы жизни (мораль, эстетику, образование, литературу, искусство, быт и пр.). Мифы проникают в сознание благодаря текстам, вживаются и формируют горизонт ожидания, способствуют возникновению стереотипов. Носитель вместе с освоением языка/культуры усваивает порожденные языком/культурой мифы и начинает воспринимать и оценивать действительность через них.

На основе теоретического положения о том, что любая лингвокультура располагает набором ключевых концептов и стереотипов, которые порождаются национальными мифами и обеспечивают "выход" на образ мира участников речевого общения по линии языковых и энциклопедических знаний, автором был проведен опрос среди одноязычных носителей русского и итальянского языков, а также среди билингвов. В результате была подтверждена гипотеза о том, что стереотипы сознания, будучи психологическими феноменами, соотносятся с социолингвистическими феноменами — языковыми клише, лингвоспецифичными словами и выражениями, которые проявляются в коммуникации посредством ассоциаций. Результаты опроса двуязычных респондентов позволили сделать следующие выводы: в условиях естественного билингвизма более высокий уровень энциклопедической компетенции в лингвокультуре, в рамках которой получается образование; при субординативном типе двуязычия зафиксировано

* **Денисова Галина Валерьевна,** e-mail: g.denissova@tiscali.it

очевидное доминирование энциклопедического кода родной лингвокультуры. Как следствие, коммуникативное поведение иноязычных партнеров рискует быть неправильно интерпретированным, что может служить причиной конфликтов в межкультурном общении.

***Ключевые слова**: стереотип, сознание, миф, социализация, регулятор поведения, установка, языковая личность, вторичная языковая личность, языковая картина мира, межкультурная коммуникация.*

SOCIOCULTURAL STEREOTYPES IN CROSS-CULTURAL COMMUNICATION

Denissova Galina V., Doctor of Philology, Associate Professor, Subdepartment of Slavistics, Department of Philology, Literature and Linguistics, University of Pisa, Santa Maria 36, Pisa, Italy, 56121, e-mail: g.denissova@tiscali.it

The relationship between language and culture has long been the subject of fierce debates among philosophers, linguists and social scientists. In spite of Chomsky's theory about an innate biological basis for language and Steven Pinker's concept of language instinct, language use, however, is social, so the idea of a biological language instinct seems to be controversial from the perspective of sociolinguistics. The concept of "linguistic worldview" refers to the cognitive function of language. Human beings have the ability to communicate with one another by means of a system of conventional signs, which refers to classes of phenomena in an extra-linguistic reality. Thus, a certain cognitive view of the world, its categorisation and conceptualisation of the identified phenomena are encoded in the human mind. People who identify themselves as members of a social group acquire common ways of viewing the world through their interactions with other members of that same group. Common attitudes, beliefs and values are reflected in the way all members of the group use language, i.e. what they choose to say or not to say and how they say it. The view of the world, established in a language, is not identical to any encyclopaedic knowledge of the world.

The present paper is a general overview of stereotypes as part and parcel of the linguistic worldview that influence on cross-cultural communication. Most definitions characterize a stereotype as a schematic, standardized, constant, conventional, nationally dependant phenomenon and the last feature is especially important for cross-cultural communication. Some claim that stereotypes can cause problems in cross-cultural communication as they concentrate on generalized simplified perceptions about a certain nation. Others consider that stereotypes can play a positive role in cross-cultural communication since they help people to acquire basic knowledge about another nation. The ongoing cultural globalization, however, determines certain changes in the principles of interaction of different types of intertextual encyclopediae and reveals the necessity to reconsider the kind of cultural and sociological competence required nowadays.

The author hypothesized that stereotypes of consciousness, being psychological phenomena, correlate with sociolinguistic phenomena — language cliches, linguistic specific words and expressions that manifest themselves in communication through different associations. The experiment conducted in Russia and in Italy among bilinguals clearly showed the dominance in the communicative behavior of native encyclopedic code that may be the main cause of misunderstanding in cross-icultural communication.

***Key words:** stereotype, cross-cultural communication, perception, linguistic worldview, encyclopaedic knowledge, cultural and sociological competence.*

Образ мира у человека в значительной степени строится через слово, и именно через слово в процессах речемыслительной деятельности и общения в индивидуальной картине мире "кристаллизуются" фрагменты реальности. Объяснить стремление познать язык как воплощение социокультурных и личностных смыслов можно, взяв на вооружение мысль Б.А. Успенского, что язык, моделируя мир, одновременно "моделирует и самого пользователя этим языком"[1], а также напоминание М.М. Бахтина, что мы берем язык не как систему абстрактных грамматических категорий, а как "язык мировоззрения" и даже как конкретное мнение, обеспечивающее максимум взаимного понимания[2]. Сложный философский вопрос соотношения языка и мышления остается за рамками работы, однако принципиальными для нас являются следующие положения: речевая деятельность носит фреймоподобный характер[3], а владение языком предполагает владение концептуализацией мира, т.е. знание заложенных в лингвокультуре национально-специфичных единиц.

Структура языкового сознания включает образы, выражаемые при помощи языковых средств — слов, свободных и устойчивых словосочетаний, предложений, текстов и ассоциативных полей[4]. Первичные образы сознания формируются в ходе познавательной деятельности, а вторичные — в ходе обработки и контаминации первичных образов. Угол зрения, под которым преломляется картина мира, обеспечивается словом, которое и делает возможным учет всех релевантных как языковых, так и фоновых связей и отношений. Универсальным средством хранения, формирования и представления знаний разного уровня является язык, выступающий также основным объектом анализа при изучении менталитета, поскольку все семиотические подсистемы внутри общества и само общество интерпретируются именно через язык[5]. В этой связи особую важ-

---

[1] *Успенский Б.А.* Избранные труды. Семиотика истории. Семиотика культуры. М., 1994. Т. I. С. 7.

[2] *Бахтин М.М.* Проблема речевых жанров. М., 1986. С. 471.

[3] Под "фреймом" в данном случае понимается «когнитивная единица, формируемая клише/штампами сознания и представляющая собой "пучок" предсказуемых валентных связей (слотов), векторов направленных ассоциаций» (*Красных В.В.* Этнопсихолингвистика и лингвокультурология. М., 2002. С. 167).

[4] *Борботько В.Г.* Игровое начало в деятельности языкового сознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. М., 1996; *Леонтьев А.А., Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф.* Национально-культурная специфика речевого поведения. М., 1977; *Тарасов Е.Ф.* Актуальные проблемы анализа языкового сознания // Языковое сознание и образ мира: Сб. ст. М., 2000. С. 24–32.

[5] *Бенвенист Э.* Общая лингвистика. Благовещенск, 1998. С. 79, 86.

ность при рассмотрении вопроса взаимосвязи языка и общества приобретает введенное Ю.Н. Карауловым в современный научный контекст понятие “языковая личность”, под которой понимается когнитивно-коммуникативный инвариант, обобщенный образ носителя культурно-языковых и коммуникативно-деятельностных ценностей, знаний, установок и форм поведения, лежащих в основе языкового сознания[6]. В структуре языковой личности отмечается существование инвариантной части, выделение которой обусловливает существование общенационального языкового типа и детерминирует принадлежность индивида к тому или иному социолингвокультурному обществу, причем именно инвариантная часть в структуре языковой личности обеспечивает возможность взаимопонимания носителей разных социальных и культурных кодов, разных национальных концептосфер[7].

Установка на понимание языка как творчества (которая объединяет гумбольдтианскую и потебнианскую традиции с учением Н. Хомского) должна быть, с нашей точки зрения, дополнена учетом клишированных форм и стереотипов в силу того, что носитель любой лингвокультуры обладает определенной ассоциативно-вербальной сетью, являющейся репрезентантом состава и устройства языка и одновременно — субстратом языковой способности носителя, т.е. заключает в себе систему в состоянии “речевой готовности”. Составляющие эту сеть единицы разнородны по своей природе и отражают определенные ментальные стереотипы, и их изучение в ракурсе межкультурного общения имеет как теоретическое, так и практическое значение: оно позволяет выявить типологические черты когнитивного и языкового сознания в формировании вторичной языковой личности и понижает вероятность коммуникативных сбоев в процессе межкультурного общения. Очевидно, что рассматриваемая проблематика требует комплексного подхода, принимающего во внимание данные разных наук — философии, социологии, культурологии, семиотики, социолингвистики, психолингвистики, этнопсихолингвистики и др.

Переход от изучения знаковых систем, непосредственно осмысленных и сознательно используемых носителями языка, к знаковым системам, которые ими не всегда осознаются, впервые был осуществлен в коннотативной семиологии Р. Барта, который не без влияния концепций Ж. Деррида и Ю. Кристевой перешел от изучения “произведения” к “тексту”, а от герменевтической

---

[6] *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. М., 1987. С. 60–62.

[7] *Елизарова Г.В.* Формирование поликультурной языковой личности как требование новой глобальной ситуации // Языковое образование в вузе. СПб., 2005. С. 8–21.

интерпретации — к интертекстовому “чтению-письму” и показал, что в известном смысле язык предшествует индивиду, помимо него организуя действительность посредством готовых формул (от фонетического и лексического уровней вплоть до разных типов дискурса). Сказанное означает, что посредством предписанных языком готовых формул и текстов носителем усваивается “порядок культуры” — наиболее эффективный механизм внушения стереотипов, закодированных на языке социума и нужных этому социуму для регулирования поведения ее представителей. Сотканный из множества равноправных кодов, текст, в свою очередь, вплетается в “память” культуры и становится не столько устойчивым знаком, сколько условиями его порождения и той средой, в которую погружена речевая деятельность[8]. Впитываемые еще на стадии освоения языка тексты ведут к образованию коллективных мифов[9], моделирующих действительность и охватывающих разные сферы жизни: мораль, эстетику, образование, литературу, искусство и быт. Миф в такой интерпреации тесно связывается с языком и информацией, стновится объектом изучения семиотики. То, что является знаком в языке, превращается в мифе в обозначающее: “Разрушение, которому он (миф. — *Г.Д.*) подвергает коллективный язык, абсолютно; к этому разрушению, собственно, и сводится вся его задача”[10].

В своей теории Барт отклоняется от концепции К. Леви-Стросса и предлагает видеть в современном мифе не орудие первобытного образного мышления, а инструмент демагогии в естественном виде. Мифом может стать в особых условиях речевого поведения *любое сообщение* (“вторичная мифологическая система строится на основе какого угодно смысла и даже на основе отсутствия всякого смысла”[11]), а носитель вместе с освоением языка/культуры усваивает порожденные ими мифы.

Рассматривая культуру как некий язык и всю совокупность текстов на этом языке, Ю.М. Лотман отмечает, что при усвоении языка

---

[8] *Barthes R.* S/Z. P., 1970. P. 27–28.

[9] Миф в настоящей работе рассматривается не как специфический повествовательный текст, а исключительно как *феномен сознания*. При всей разноречивости в определениях миф, понимаемый в духе юнгианской аналитической психологии как синоним коллективного подсознания, стал одним из центральных понятий теории культуры XX столетия, причем миф как мировоззрение во многом под влиянием концепции К. Леви-Стросса оттеснил миф как повествование. Тотальная семиотичность культуры, порождающая символизм, по замечанию Е.М. Мелетинского (*Мелетинский Е.М.* Поэтика мифа. М., 1976. С. 278), собственно и является оборотной стороной мифологизма.

[10] *Барт Р.* Семиотика. Поэтика. М., 1994. С. 128.

[11] Там же. С. 72–73, 98.

ребенком в его сознание вводятся не правила, а тексты, которые он запоминает и на основании которых учится самостоятельно их порождать. Текст, таким образом, несет функцию обеспечения общей памяти коллектива, а сам язык вычисляется из текстов и становится как бы вторичной абстракцией[12]. Мифы, таким образом, проникают в сознание благодаря текстам, вживаются и формируют горизонт ожидания носителей, способствуют возникновению стереотипов. Петербург, например, во многом утвердился как миф, совершив прорыв в сферу символического и провиденциального, через "Петербургский текст", представляющий собой некий сверхтекст со своим генезисом, структурой, мастерами и способами языкового кодирования[13]; или представление о Днепре как о величайшей реке, которое для носителей русской культуры основано на гоголевском описании ("редкая птица долетит до середины Днепра") не в меньшей степени, чем на географических сведениях[14].

Различаются "сильные" и "слабые" мифы: "…в сильных мифах политический заряд дан непосредственно и деполитизация происходит с большим трудом; в слабых мифах политическое качество предмета *поблекло*, как старая краска, но достаточно небольших усилий, чтобы оно быстро восстановилось"[15]. Как существуют мифические объекты, которые в течение определенного времени находятся в состоянии дремоты, так существуют и "слабые" тексты, отражающие мифы, заряд которых является почти нейтральным, причем такое состояние обусловлено не структурой самих текстов, а особенностями социокультурной ситуации. Понятия "сильный текст"/"слабый текст" часто употребляются как нечто очевидное, несмотря на то что однозначное их определение до сих пор не выработано. По мнению Н.А. Фатеевой, "сильные" произведения и

---

[12] *Лотман Ю.М.* Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. СПб., 2001. С. 417; *Лотман Ю.М.* О русской литературе: статьи и исследования: 1958–1993, история русской прозы, теория литературы. СПб., 1997. С. 424–425.

[13] *Топоров В.Н.* Петербург и "Петербургский текст русской литературы". Введение в тему // Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического. М., 1995. С. 275.

[14] Ю.М. Лотман и Б.А. Успенский указывают, что разного рода тексты могут считаться мифами или даже ничем от них не отличаться, но только с позиции немифологического сознания. Поэтому следует "различать спонтанно возникающие мифологические пласты и участки в индивидуальном и общественном сознании от обусловленных теми или иными историческими причинами сознательных попыток имитировать мифогенное сознание средствами немифологического мышления" (*Лотман Ю.М., Успенский Б.А.* Миф — имя — культура // Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. СПб., 2000. С. 537).

[15] *Барт Р.* Указ. соч. С. 113.

авторы выполняют роль “центрирующих” при установлении интертекстуальных связей[16], что отождествляет “сильные тексты” с художественной литературой. Схожая точка зрения выражена в работах Н.А. Кузьминой, которая связывает понятия “сильного текста”/“слабого текста” с энергообменом, фактически ограничивая категорию “сильных текстов” хрестоматийными произведениями, входящими в учебный канон школьно-университетского образования[17]. Иное понимание предлагает М.Б. Ямпольский, относя к “слабым текстам” явления эпигонства или плагиата, а к “сильным” — тексты, избегающие декларативного подражания. Цитирование при таком подходе становится парадоксальным способом утверждения оригинальности и одновременно искажением простой преемственности в эволюции[18].

Мы связываем понятия “сильный текст”/“слабый текст” с лингвоментальным комплексом носителя языка/культуры и при их определении предлагаем исходить из структуры языковой личности. Языковая компетенция проявляется в знании определенного набора текстов, которые получили название “прецедентных” и определяются как готовые интеллектуально-эмоциональные блоки (стереотипы, образцы и т.д.), использующиеся в качестве инструмента для облегчения и ускорения осуществляемого языковой личностью переключения из фактологического контекста мысли в ментальный и обратно. К прецедентным текстам относится всякое крупное явление национальной культуры, апеллирование к которому постоянно осуществляется в речевой деятельности носителей. Прецедентные тексты делятся на тексты историко-национального характера (т.е. отвечающие критерию “мест памяти” и, как правило, включенные в канон школьного образования) и на тексты актуально-оперативного характера (т.е. соотносимые с настоящим и актуальным для широкого круга носителей языка в данный момент времени)[19]. Основополагающим в данном случае является то, что прецедентные тексты входят в национальную память, составляя часть апперцепционной базы и когнитивный уровень ассоциативно-вербальной сети носителей языка, а их употребление в качестве

---

[16] *Фатеева Н.А.* Контрапункт интертекстуальности, или Интертекст в мире текстов. М., 2000. С. 141.

[17] *Кузьмина Н.А.* Интертекст и его роль в процессах функционирования поэтического языка. Екатеринбург, 1999. С. 37, 51.

[18] *Ямпольский М.Б.* Память Тиресия: интертекстуальность и кинематограф. М., 1993. С. 136.

[19] *Караулов Ю.Н.* Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть. М., 1999. С. 154–155.

“чужого слова” является проявлением социо- и лингвистического опыта языковой личности.

Смещение интереса от “Автора” к фигуре “Читателя” ознаменовало смену интерпретативной парадигмы и изменило отношение к понятию “текст” как к исторически открытому явлению, ценность которого подвижна и поддается переосмыслению. Из такого понимания следует, что любой текст может становиться “сильным” в какой-то фазе своего развития, причем совершенно непредсказуемо, какой именно текст превратится в “общее место памяти”. Это зависит от процессов в обществе, где постоянно происходят изменения положения той или иной влиятельной референтной группы, которая своими оценками обеспечивает успех своих текстов (“сильным” текст становится не из-за того, *что* в нем написано, а благодаря тому, *кем* и *когда* он прочитывается), а также от статуса литературы как социального института. Успех, таким образом, может иметь только чтение, которое отвечает основным проблемам общества в определенный исторический момент. Непредсказуемое взаимодействие между автором, текстом и читателем А. Эткинд называет “мягкой перформативностью”, которая, в отличие от “жесткой перформативности” Э. Бенвениста, не выводима из формальной структуры самого текста[20]. “Сильными” могут становиться не только произведения художественной литературы, но и любые культурные системы, социальные знаки с определенным комплексом идей и с собственной фразеологией, которые порождают различные идиомы, функционирующие в речевой деятельности как готовые “чужие слова”.

Любая лингвокультура располагает набором ключевых концептов и стереотипов, которые порождаются национальными мифами и обеспечивают “выход” на образ мира участников речевого общения по линии языковых и энциклопедических знаний[21]. Рассматривая формы организации и функционирования знаний, У. Эко предложил дихотомию “словарь” (т.е. вербально-семантическое единство)/“энциклопедия” (т.е. комплекс понятий коллективной памяти общества, сформированный на основе пользования естественным языком)[22]. Языковая и энциклопедическая компетенции тесно переплетаются, в совокупности составляют социокультурную компетентность языковой личности и формируют “языковую картину мира” — разделяемую большинством говорящих на данном языке систему представлений, заключенных в значении

---

[20] *Эткинд А.М.* Толкование путешествий: Россия и Америка в травелогах и интертекстах. М., 2001. С. 468.

[21] *Денисова, Г.В.* В мире интертекста: язык, память, перевод. М., 2003. С. 25.

[22] *Eco U.* I limiti dell’interpretazione. Milano, 1999. P. 143.

разных слов и выражений[23]. Проанализируем в ракурсе дихотомии “словарь”/“энциклопедия” следующий отрывок из эссе Л.С. Рубинштейна “Коммунальное чтиво” (1998):

“В какой-то момент датчанин вышел в туалет, но попал на кухню. Открывшееся его взору количество как рожденных ползать, так и рожденных летать насекомых могло бы вызвать ассоциации с западным изобилием или даже капиталистическим товарным перепроизводством, но, боюсь, вызвали более непосредственные чувства”[24].

Выражение “как рожденных ползать, так и рожденных летать насекомых”, представляющее собой трансформированную горьковскую фразу “рожденный ползать — летать не может!” из “Песни о Соколе”, не входит в состав обычной семантической компетенции и является факультативной (т.е. относится к энциклопедическим знаниям), однако для понимания приведенного отрывка узнавание модифицированной цитаты является обязательным.

Аналогично указанному Л.С. Выготским различию между индивидуальной и коллективной психикой[25], выделяются разные виды энциклопедии — универсальная, национальная, индивидуальная. Универсальная энциклопедия включает “вечные образы”, тексты мировой семиосферы[26]. Национальная энциклопедия состоит из наиболее значимых для социума культурно-специфических понятий. При относительной стабильности коллективной памяти общества, формируемой в рамках национальной энциклопедии, корпус составляющих ее элементов не остается неизменным во времени: каждая эпоха и каждое поколение обладает собственными энциклопедическими кодами, по которым осуществляет отбор актуальных для себя “текстов” или прочитывает старые. Какими бы ни были инвариантные образы картины мира, неотъемлемую часть социокультурного сознания представляют индивидуальные варианты. Индивидуальная энциклопедия — это “замкнутый имманентный мир с собственной внутренней структурно-семиотической организацией, собственной памятью, индивидуальным поведением,

---

[23] *Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д.* Константы и переменные русской языковой картины мира. М., 2012. С. 452. См. также: учение о “наивной картине мира” Ю.Д. Апресяна (*Апресян Ю.Д.* Лексическая семантика. Синонимичные средства языка. М., 1974); о научной, общенаучной, естественнонаучной и социальной картине мира см.: *Осипова Н.Г.* Современная социологическая теория. М., 2019. С. 20–24; теорию А. Вежбицкой о “культурных скриптах”, представляющих собой запечатленную в языке наивную аксиологию (*Вежбицкая А.* Ключевые идеи русской языковой картины мира. М., 2005. С. 389–423).

[24] *Рубинштейн Л.* Коммунальное чтиво // Итоги. 1998. № 18 (103). С. 55.

[25] *Выготский Л.С.* Психология искусства. М., 1986. С. 25–26.

[26] *Лотман Ю.М.* Об искусстве. СПб., 2000. С. 616.

интеллектуальными способностями и механизмом саморазвития"[27]. Индивидуальная энциклопедия лежит в основе становления личностных смыслов, представляющих собой индивидуализированное отражение действительности[28], не существует в отрыве от национальной энциклопедии, но при этом полностью с ней никогда не совпадает. Пример переплетения разных энциклопедических кодов можно проследить в следующем отрывке из "Москвы-Петушков" Вен. Ерофеева:

«Но теперь — "довольно простоты", как сказал драматург Островский. И — финита ля комедиа. Не всякая простота — святая. И не всякая комедия — божественная... Довольно в мутной воде рыбку ловить, — пора ловить человеков!..»[29].

"Довольно простоты" восходит к заглавию комедии А.Н. Островского "На всякого мудреца довольно простоты" и является частью национальной энциклопедии носителей русской лингвокультуры. "Не всякая комедия — божественная" — аллюзия на "Божественную комедию" Данте, которая входит в мировую семиосферу. К универсальной интертекстуальной энциклопедии относятся также "в мутной воде рыбку ловить" (слова Христа "отныне будешь ловить человеков" (Лк. 5: 10), а также выражение "финита ля комедиа" (ит. *"finita la commedia"*), ставшее известным русскому читателю по реплике Печорина из "Героя нашего времени" М.Ю. Лермонтова. Что же касается "не всякая простота — святая", которое восходит к *"Sancta simplicitas!"* и приписывается Яну Гусу, то знание этого интертекста должно классифицироваться, скорее, как индивидуальное.

Социокультурная специфика коммуникации формируется в рамках национальной энциклопедии и складывается из ряда взаимосвязанных факторов, к которым относятся: разрешенные/запрещенные в данном обществе разновидности общения; стереотипные ситуации общения; понятия, которые отражаются в системе традиционных образов и сравнений; парадигма речевых жанров; закрепившиеся в национальной энциклопедии стереотипы, играющие основополагающую роль в процессе усвоения и передачи информации, а также отвечающие за социализацию личности. Именно социализация позволяет индивиду понимать, использовать и вариативно интерпретировать всю сумму знаний, вошедших в обиход и составляющих норму общесоциальной эрудированности

---

[27] *Лотман Ю.М.* Об искусстве. С. 564.

[28] *Асмолов А.Г.* Психология личности: культурно-историческое понимание развития человека. М., 2007. С. 354–357.

[29] *Ерофеев Вен.* Москва-Петушки // Оставьте мою душу в покое. М., 1995. С. 77.

в обществе; сумму регулятивов поведения, систему вербальных и невербальных языков коммуникации, идеологических и ценностных ориентаций, социальных и мифологических иерархий[30].

Термин "стереотип" был введен в 1922 У. Липпманом, который предложил под ним понимать упрощенное, схематизированное, зачастую искаженное, характерное для сферы обыденного сознания представление о каком-либо социальном объекте. Уже в самой этой дефиниции налицо две составляющие — социокультурологическая (детерминированность обществом и культурой) и психологическая (реконструкция окружающей среды по упрощенной модели). Стереотип представляет собой некую модель действия, связанную с определенным национально детерминированным выбором, который обусловливает стратегию поведения в определенной ситуации. При таком подходе стереотипы рассматриваются как знаки, которые являются вербальной фиксацией определенным образом опредмеченных потребностей социальной группы, этноса, национально-культурного ареала. Одновременно стереотип — это коммуникативная единица, способная посредством актуальной презентации социально санкционированных потребностей оказывать побуждающее типизированное воздействие на сознание социализируемого индивида[31].

В настоящей работе мы предлагаем под стереотипом понимать некий фрагмент мира, существующий в сознании в виде устойчивого, обусловленного социокультурной спецификой и закрепленного в языковой картине мира представления о предмете или ситуации, которое реализуется в коммуникации в виде нормативной локальной ассоциации к стандартной для данной культуры ситуации общения. Такое понимание близко к интерпретации стереотипа как общественно-исторического мифа, отражающего системность существенных для общества знаний человека об окружающем мире и, как следствие, задающего оценочные координаты[32].

Доминирующим в стереотипе может быть любой признак (в редчайших случаях — логический), а его источником часто становятся прецедентные для общества тексты, которые обеспечивают

---

[30] *Флиер А.Я.* Культурная компетентность личности: между проблемами образования и национальной политики // Общественные науки и современность. 2000. №. 2. С. 152.

[31] *Рыжков В.А.* Регулятивная функция стереотипов // Знаковые проблемы письменной коммуникации. Куйбышев, 1985. С. 16.

[32] *Шихирев П.Н.* Исследование стереотипа в американской социальной психологии // Вопросы философии. 1971. № 5. С. 168–175; *Ядов В.А.* О диспозиционной регуляции социального поведения личности // Методологические проблемы социальной психологии / Под ред. Е.В. Шороховой. М., 1975. С. 89–105.

реальность ассоциации. Стереотип как организующий элемент национальной энциклопедии, зафиксированный в языковой картине мира, обладает следующими основными характеристиками: суперустойчивостью представления действительности в сознании как отдельных личностей, так и целых социальных групп (даже перед лицом опровергающего его реального опыта); стремление к упрощению процесса восприятия нового образа и к нахождению места этому образу в уже существующей семиотической модели, что обусловливает приписывание новому образу в коллективном сознании социума характеристик, которые могут не содержаться в реальном объекте. При восприятии нового сообщения, не подготовленного контекстом или коммуникативной ситуацией, именно стереотип определяет угол зрения в соотнесении новой информации с уже имеющейся, регулирует поведение представителей определенного социо- и линквокультурного общества и реализуется через стереотип организации коммуникации, через стереотипные языковые единицы, используемые носителями языка в стандартных ситуациях общения, в форме нормированных оборотов речи — речевых стереотипов.

Под "речевым стереотипом" понимается единица языка, вызывающая некоторый минимум сходных ассоциативных реакций по ряду семантических признаков оценочного характера, в которой на вербальном уровне в сознании представителей определенного общества оформилось в метафорической или в метонимической функции отношение определенной категории к себе самой или к другой категории[33]. Особого внимания заслуживает разновидность речевого стереотипа, представляющего собой чужую речь в речи говорящего, — интертекст-мем, понимаемый как прецедентное высказывание, утратившее связь с породившим его источником и функционирующее в речи аналогично клише. Как смыслообразующая и текстообразующая категория, обладающая информационной самодостаточностью, тематическим, структурным и коммуникативным единством, интертекст-мем предстает значимой единицей социокультурного пространства и содержательным элементом национального языкового сознания[34]. Поставщиком интертекстов-мемов являются входящие в канон школьного образования литературные произведения (например, "мороз и солнце", "счастливые часов не

---

[33] *Рыжков В.А.* Регулятивная функция стереотипов. М., 1985. С. 13.

[34] *Денисова Г.В.* Интертекст в коммуникативной реальности современного поликультурного пространства России и Италии: автореф. дисс. … докт. культурологии: 24.00.01. Саранск, 2019. С. 15.

наблюдают" и пр.), высказывания политичесих лидеров ("хотели как лучше, а получилось как всегда"), цитаты из популярных шлягеров ("не сыпь мне соль на рану", "цвет настроения синий" и пр.) и из рекламы ("Мир, дружба, жвачка!", "заплати налоги и спи спокойно", "все равно купят!" и пр.), фразы из фильмов ("наши люди в булочную на такси не ездят", "не учи меня жить, лучше помоги материально" и пр.). Последние легко переходящие в афоризмы, поскольку именно кино обладает особенностью впитывать семиотику бытовых отношений, национальных и социальных традиций, что делает его более насыщенным разнообразными нехудожественными кодами эпохи, а киноцитаты — устойчивыми единицами в коллективной памяти, которые ничуть не уступают по силе "убедительности" примерам из классической литературы.

Затрагиваемые вопросы важны для межкультурного общения, во-первых, потому что в процессе поиска и разработки национальных картин мира аналитические описания смыслового содержания языковой реальности часто подменяются стереотипами, которые работают на строительство заданной идеологии, создавая или принимая участие в создании желаемого дискурса; во-вторых, закрепившиеся в языковой картине мира стереотипы, предполагающие жесткую схему восприятия, при их несовпадении со стереотипами иноязычной картины мира существенно затрудняют или даже совсем исключают обратную связь с партнерами по коммуникации.

Аутентичная языковая личность действует, развивается, функционирует в конкретном лингвокультурном сообществе, обладающим своей концептуальной системой — языковой картиной мира, которая отвечает ориентационным и экзистенциональным потребностям общества. Языковая личность в межкультурном общении определяет новое "иноязычное" "Я" и развивается во "вторичную языковую личность", которая, — пишет И.И. Халеева, — «складывается из овладения вербально-семантическим кодом изучаемого языка, то есть "языковой картиной мира" носителей этого языка (формирование вторичного языкового сознания) и "глобальной (концептуальной) картиной мира"»[35].

Овладение иностранным языком и иноязычной культурой и связанная с этими процессами социализация индивида в иноязычном обществе протекает при взаимодействии перцептивного, когнитивного, эмоционально-оценочного, социального и индивидуального опыта, поэтому вторичная языковая личность складывается под

---

[35] *Халеева И.И.* Основы теории обучения пониманию иноязычной речи: подготовка переводчиков. М., 1989. С. 236.

неизбежным влиянием родной языковой картины мира, которая формируется в детстве и намного глубже связана с эмоциональным ядром человека (т.е. представляет собой имплицитное знание). Выработка же алгоритмов на изучаемом иностранном языке происходит при помощи правил и рефлексии над ними (эксплицитное знание), что может служить причиной возникновения зазора между "знанием о языке/культуре" и "владением языком/культурой". Приобщение языковой личности в межкультурной коммуникации через усвоение иноязычного кода к пониманию смысловых и прагматических черт «"иноязыковой" личности» в идеале означает приобщение к новым картинам мира.

Для диагностики уровня информированности о речевых стереотипах, отражающих социальные стереотипы и стереотипы сознания, нами были подготовлены специальные анкеты и проведен опрос среди одноязычных носителей русского и итальянского языков (всего 120 респондентов)[36], а также среди двуязычных респондентов, владеющих русским и итальянским языками (всего 80 респондентов).

Основная гипотеза была сформулирована следующим образом: стереотипы сознания, будучи психологическими феноменами, соотносятся с социолингвистическими феноменами — языковыми клише, лингвоспецифичными словами и выражениями, интертекстами-мемами, которые проявляются в коммуникации посредством ассоциаций. Разграничиваются два основных типа ассоциаций, критерием различения которых является апелляция (или отсутствие таковой) к прецедентному феномену. В одном случае имеет место свободная ассоциация, во втором — ассоциация предсказуемая (ассоциация-штамп).

Методологической базой эксперимента стали разработанные Ю.Н. Карауловым принципы построения ассоциативного тезауруса русского языка и заключенной в нем ассоциативно-вербальной сети, которая является субстратом языковой компетентности носителя. Явления, обладающие прагматической значимостью, проявляют себя только на фоне текста, за которым стоит языковая личность. По мысли Караулова, мы имеем основание говорить о выходе на прагматический уровень, имея объектом анализа статью Ассоциативного тезауруса, именно потому, что "такая статья представляет собой фрагмент АВС [Ассоциативно-вербальной сети — *Г.Д.*], а сеть

[36] Опрос проводился в 2016–2018 гг. среди студентов факультета искусств, факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова, Департамента филологии, литературоведения и языкознания Пизанского госуниверситета.

обладает свойствами системы и свойствами текста. Подчеркивается, что все реплики и ответы (=ответы, реакции) испытуемых на деле представляют собой осколки текстов — текстов либо когда-то ими порожденных, либо готовых развернуться ad hoc, применительно к данному стимулу и данному моменту”[37].

Предмет опроса составили клишированные генерализированные высказывания (интертексты-мемы) и превратившиеся в стереотипы имена собственные, входящие в русскую и итальянскую энциклопедии[38]. В ходе опроса изучалась вербально выраженная реакция на стереотип в рамках неоконченных предложений (например: “миллион алых роз”, “мороз и солнце / ой мороз, мороз”). Мы исходили из предположения, что поставщиком синтаксем в ответах носителей языка на стимулы должны явиться именно готовые коммуникативные блоки, а не созидательная порождающая мысль индивида. Задача реагирования должна была решаться спонтанно, поскольку ее решением движет сам язык, подсказывающий готовый фрагмент из национальной энциклопедии.

С помощью разработанного опросника среди одноязычных респондетов эмпирическим путем было выявлено:

– “сильные тексты” и “слабые тексты” одинаково участвуют в формировании коллективного когнитивного сознания, являются исторически обусловленными категориями и отличаются исключительно активностью бытования в социуме;

– высокой степенью стандартности и воспроизводимости как у русских (88,25%), так и у итальянских (87,25%) респондентов обладают тектсы, составляющие ядро национального энциклопедического кода;

– наибольшие лакуны в обеих группах респондентов обнаружил универсальный энциклопедический код: 53,75% узнаваемости в группе носителей русской лингвокультуры и 61,25% у итальянских респондентов.

---

[37] *Караулов Ю.Н.* Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть. М., 1999. С. 97–98.

[38] При составлении опросных анкет использовались следующие словари: *Берков В.П., Мокиенко В.М., Шулежкова С.Г.* Большой словарь крылатых слов русского языка. М., 2000; *Добровольский Д.О., Караулов Ю.Н.* Ассоциативный фразеологический словарь русского языка. М., 1994; *Душенко К.В.* Русские политические цитаты от Ленина до Ельцина: что, кем и когда было сказано. М., 1996; *Душенко К.В.* Словарь современных цитат. М., 1997; *Елистратов В.С.* Словарь крылатых слов (русский кинематограф). М, 1999; *Кожевников А.Ю.* Большой словарь: крылатые фразы отечественного кино. М., 2001; *Barelli E., Pennachietti S.* Dizionario delle citazioni. Milano, 2013; *Lorenzetto S.* Dizionario delle citazioni sbagliate. Venezia, 2018; *Spagnol E.* Dizionario delle citazioni. Milano, 1994.

Двуязычные участники опроса были разбиты на три группы: первую группу составили респонденты, которые овладели двумя языками (далее — Я1 и Я2) одновременно (координативный тип билингвизма); вторую группу — респонденты, для которых усвоение Я2 протекало в естественных условиях с использованием приемов стимулирования спонтанной речи; третью группу — респонденты разного возраста, для которых изучение Я2 строилось на принципах поэтапного формирования коммуникативных компетенций (субординативный билингвизм). Группа билингвов, характеризующихся субординативным двуязычием, включает в себя следующие подгруппы: респонденты, овладевшие русским и итальянским языками с детства в семье; респонденты — носители русского языка как родного, переехавшие в Италию с родителями, получившие образование уже в Италии и говорящие по-русски только в семье (обычно с одним из родителей); респонденты — носители русского языка как родного, переехавшие в Италию с целью получения высшего образования, для которых итальянский является иностранным языком (далее — ИЯ); респонденты — носители итальянского языка как родного, для которых русский язык является ИЯ и используется в профессиональной деятельности; респонденты — носители русского языка как родного, для которых итальянский язык является ИЯ и используется в профессиональной деятельности; проживающие в Италии носители русского языка, для которых итальянский язык является ИЯ и не используется в профессиональной деятельности; носители итальянского языка как родного, проживающие в Италии и изучающие русский язык как ИЯ[39].

Результаты опроса среди двуязычных респондентов позволили сделать следующие выводы: в условиях естественного билингвизма более высокий уровень энциклопедической компетенции наблюдается в лингвокультуре, в рамках которой получается образование (хронологически вторая лингвокультура может вытеснять первую лингвокультуру); при субординативном типе двуязычия наблюдается очевидное доминирование энциклопедического кода родной лингвокультуры. Как следствие, коммуникативное поведение иноязычных партнеров рискует быть неправильно интерпретированным, что может служить причиной конфликтов в межкультурном общении.

Итак, в процессе коммуникации каждый из ее участников пользуется языковым кодом, преломленным через индивидуальную

---

[39] Для участия в опросе отбирались респонденты, владеющие русским и итальянским языками как иностранными не ниже уровня С1.

энциклопедию, которая, в свою очередь, является отражением национальной энциклопедии. При отсутствии областей пересечения вербально-семантического и когнитивного уровней коммуникация состояться не может (Ю.М. Лотман в этой связи говорит о "вавилонской башне" семиозиса культур[40]), в то же время, любой состоявшийся коммуникативный акт — это всегда "перевод" кода адресанта на код адресата. Диалог культур, проявляющийся в ситуации культурной плюралистической среды на всех уровнях межкультурного общения — глобальном, межэтническом и межличностном, требует отказа от понимания стереотипов лишь как фактора, дающего первичное представление о том или ином народе. Поскольку развитие современного мира характеризуется такими противоречивыми тенденциями, как процессы глобализации, ведущие к унификации культур, с одной стороны, и стремление к этнокультурной самоидентификации — с другой, следует обратить внимание на необходимость формирования вторичной языковой личности нового типа, понимаемой как личность, ориентированная на иноязычный социум через систему ценностей родной культуры. В этом смысле представляется необходимым обращение к стереотипам как к ДНК общества, как к "протянутой руке" социальной близости, и в соответствии с этим осуществлять межкультурное взаимодействие на иностранном языке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимичные средства языка. М., 1974.

Асмолов А.Г. Психология личности: культурно-историческое понимание развития человека. М., 2007.

Барт Р. Семиотика. Поэтика. М., 1994.

Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Бахтин М.М. Литературно-критические статьи. М., 1986.

Бенвенист Э. Общая лингвистика. Благовещенск, 1998.

Берков В.П., Мокиенко В.М., Шулежкова С.Г. Большой словарь крылатых слов русского языка. М., 2000.

Борботько В.Г. Игровое начало в деятельности языкового сознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. М., 1996.

Вежбицкая А. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М., 2005.

Ворожко К.Д. Стереотип как социокультурный феномен в трудах отечественных и зарубежных исследователей // Интерактивная наука. 2016. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/stereotip-kak-sotsiokulturnyy-fenomen-v-trudah-otechestvennyh-i-zarubezhnyh-issledovateley/viewer

Выготский Л.С. Психология искусства. М., 1986.

Гудков Д.Б. Прецедентное имя и проблемы прецедентности. М., 1999.

---

[40] *Лотман Ю.М.* Об искусстве. С. 564.

Денисова Г.В. В мире интертекста: язык, память, перевод. М., 2003.

Денисова Г.В. Интертекст в коммуникативной реальности современного поликультурного пространства России и Италии: автореф. дисс. … докт. культурологии: 24.00.01. Саранск, 2019.

Добровольский Д.О., Караулов Ю.Н. Ассоциативный фразеологический словарь русского языка. М., 1994.

Душенко К.В. Русские политические цитаты от Ленина до Ельцина: что, кем и когда было сказано. М., 1996.

Душенко К.В. Словарь современных цитат. М., 1997.

Елизарова Г.В. Формирование поликультурной языковой личности как требование новой глобальной ситуации // Языковое образование в вузе. СПб., 2005.

Елистратов В.С. Словарь крылатых слов (русский кинематограф). М, 1999.

Ерофеев Вен. Москва-Петушки. М., 1995.

Залевская А.А. Введение в психолингвистику. М., 1999.

Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Константы и переменные русской языковой картины мира. М., 2012.

Зинченко Ю.П. Двуязычие и многоязычие как междисциплинарный феномен: социокультурный контекст, проблемы и перспективы развития // Национальный психологический журнал. 2019. № 1. С. 3–15.

Ильюшкин В.В. Theoretical views about national and ethnic stereotypes in the social Sciences and Psychology // European Research. 2014. № 1. С. 83–88.

Кайгородова Н. Г. Социокультурные стереотипы в коммуникативном поведении: лингвокогнитивный аспект // Политическая лингвистика. 2006. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sotsiokulturnye-stereotipy-v-kommunikativnom-povedenii-lingvokognitivnyy-aspekt

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987.

Караулов Ю.Н. Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть. М., 1999.

Кожевников А.Ю. Большой словарь: крылатые фразы отечественного кино. М., 2001.

Красных В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология. М., 2002.

Красных В.В. “Свой” среди “чужих”: миф или реальность? М., 2003.

Кузьмина Н.А. Интертекст и его роль в процессах функционирования поэтического языка. Екатеринбург, 1999.

Леонтьев А.А., Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф. Национально-культурная специфика речевого поведения. М., 1977.

Лотман Ю.М. О русской литературе: статьи и исследования: 1958–1993, история русской прозы, теория литературы. СПб., 1997.

Лотман Ю.М. Об искусстве. СПб., 2000.

Лотман Ю.М., Успенский Б.А. Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. СПб., 2000.

Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. М., 1976.

Николаева Т.М. От звука к тексту. М., 2000.

Осипова Н.Г. Современная социологическая теория. М., 2019.

Пинкер С. Язык как инстинкт. М., 2016.

Прохоров Ю.Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. М., 1997.

Рубинштейн Л. Коммунальное чтиво // Итоги. 1998. № 18 (103).

Рыжков В.А. Регулятивная функция стереотипов // Знаковые проблемы письменной коммуникации. Межвуз. сб. науч. трудов. Куйбышев, 1985. С. 15–21.

Сорокин Ю.А. Психолого-лингвистические аспекты изучения текста. М., 1985.

Степанов Ю.С. Язык и метод. К современной философии языка. М., 1998.

Тарасов Е.Ф. Актуальные проблемы анализа языкового сознания // Языковое сознание и образ мира: Сб. ст. М., 2000.

Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М., 2000.

Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического. М., 1995.

Успенский Б.А. Семиотика истории. Семиотика культуры. М., 1994.

Фатеева Н.А. Контрапункт интертекстуальности, или Интертекст в мире текстов. М., 2000.

Флиер А.Я. Культурная компетентность личности: между проблемами образования и национальной политики // Общественные науки и современность. 2000. №. 2. С. 151–165.

Халеева И.И. Основы теории обучения пониманию иноязычной речи: подготовка переводчиков. М., 1989.

Шихирев П.Н. Исследование стереотипа в американской социальной психологии // Вопросы философии. 1971. № 5. С. 168–175.

Эткинд А.М. Толкование путешествий: Россия и Америка в травелогах и интертекстах. М., 2001.

Ядов В.А. О диспозиционной регуляции социального поведения личности // Методологические проблемы социальной психологии / Под ред. Е.В. Шороховой. М., 1975. С. 89–105.

Ямпольский М.Б. Память Тиресия: интертекстуальность и кинематограф. М., 1993.

REFERENCES

Allport G.W. Pattern and Growth in Personality. N.Y., 1964.

Apresjan Ju.D. Leksicheskaya semantika. Sinonimichnyje sredstva yazyka [Lexical Semantics. Synonymous Language Meanings]. M., 1974 (in Russian).

Asmolov A.G. Psikhologiya lichnosti: kul'turno-istoricheskoe ponimanie razvitiya cheloveka [Psychology of Personality: Cultural and Historical Understanding of Human Development]. M., 2007 (in Russian).

Bachtin M.M. Problema rechevykh zhanrov [The Problem of Speech Genres]. M., 1986 (in Russian).

Barelli E., Pennachietti S. Dizionario delle citazioni. Milano, 2013.

Barthes R. S/Z. P., 1970. P. 27–28.

Barthes R. Semiotika. Poetika [Semiotics. Poetics]. M., 1994 (in Russian).

Benveniste E. Obshchaya lingvistika [General Linguistics]. Blagoveshchensk, 1998 (in Russian).

Berkov V.P., Mokienko V.M., Shulezhkova S.G. Bol'shoj slovar' krylatykh slov [Large Dictionary of Catch Phrases]. M., 2000 (in Russian).

Borbot'ko V.G. Igrovoe nachalo v deyatel'nosti yazykovogo soznaniya [The Principle of Game in Linguistic Consciousness] // Etnokul'turnaya specifika yazykovogo soznaniya. M., 1996 (in Russian).

Eco U. I limiti dell'interpretazione. Milano, 1999.

Gudkov D.B. Precedentnoe imya i problemy precedentnosti [Use Case and Case Studies]. M., 1999 (in Russian).

Denisova G.V. V mire interteksta: yazyk, pamyat', perevod [In the World of Intertext: Language, Memory, Translation]. M., 2003 (in Russian).

Denisova G.V. Intertekst v kommunikativnoj real'nosti sovremennogo polikul'turnogo prostranstva Rossii i Italii [Intertext in the Reality of the Modern Multicultural Space of Russia and Italy]. Saransk, 2019 (in Russian).

Dobrovol'sky D.O., Karaulov Ju.N. Associativnyj fraseologicheskij slovar' russkogo yazyka [Associative Phraseological Dictionary of the Russian Language]. M., 1994 (in Russian).

Dushenko K.V. Russkie politicheskie citaty ot Lenina do Yeltsina: chto, kem i kogda bylo skazano [Russian Political Quotes from Lenin to Yeltsin: what, by whom and when was said]. M., 1996 (in Russian).

Dushenko K.V. Slovar' sovremennykh citat [Dictionary of Modern Quotes]. M., 1997 (in Russian).

Elizarova G.V. Formirovanie polikul'turnoj yazykovoj lichnosti kak trebovanie novoj global'noj situacii [The Formation of a Multicultural Linguistic Identity as a Requirement of a New Global Situation] // Yazykovoe obrazovanie v vuze. SPb., 2005 (in Russian).

Elistratov V.S. Slovar' krylatykh slov (russkij kinematograf) [Dictionary of Catch Phrases (Russian Cinema)]. M, 1999 (in Russian).

Erofeev Ven. Moskva-Petushki [Moscow-Petushki]. M., 1995 (in Russian).

Etkind A.M. Tolkovanie puteshestvij: Rossiya i Amerika v travelogakh i intertekstakh [Travel Interpretation: Russia and America in Travelogues and Intertexts]. M., 2001 (in Russian).

Il'jushkin V.V. Theoretical Views about National and Ethnic Stereotypes in the Social Sciences and Psychology // European Research, 2014. N 1. P. 83–88 (in Russian).

Fateeva N.A. Kontrapunkt intertekstual'nosti, ili Intertekst v mire tekstov [The Counterpoint of Intertextuality, or Intertext in the World of Texts]. M., 2000 (in Russian).

Flier A.Ja. Kul'turnaya kompetenciya: mezhdu problemami obrazovaniya i nacional'noj politiki [Cultural Competence: between the Problems of Education and National Politics] // Obshchestvennye nauki i sovremennost', 2000. N 2. S. 151–165 (in Russian).

Kajgorodova N.G. Sociokul'turnye stereotipy v kommunikativnom povedenii: lingvokognitivnyj aspekt [Sociocultural Stereotypes in the Communicative Behavior: a Linguocognitive Aspect] // Politicheskaya lingvistika. 2006. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sotsiokulturnye-stereotipy-v-kommunikativnom-povedenii-lingvokognitivnyy-aspekt (in Russian).

Karaulov Ju.N. Russkij yazyk i yazykovaya lichnost' [Russian Language and Linguistic Identity]. M., 1987 (in Russian).

Karaulov Ju.N. Aktivnaya grammatika i associativno-verbal'naya set' [Active Grammar and Associative Verbal Network]. M., 1999 (in Russian).

Khaleeva I.I. Osnovy teorii obucheniya ponimaniju inoyazychnoj rechi: podgotovka perevodchikov [Fundamentals of the Theory of Teaching Understanding of Foreign Language: Training of Translators]. M., 1989 (in Russian).

Kozhevnikov A.Ju. Bol'shoj slovar': krylatye frazy otechestvennogo kino [Big Dictionary of Cinema Catch Phrases]. M., 2001 (in Russian).

Krasnykh V.V. Etnopsikholingvistika i lingvokul'turologiya [Ethnopsycholinguistics and Linguoculturology]. M., 2002 (in Russian).

Krasnykh V.V. "Svoj" sredi "chuzhikh": mif ili real'nost'? ["Own" among "Strangers": Myth or Reality?] M., 2003 (in Russian).

Kuz'mina N.A. Intertekst i ego rol' v processakh funkcionirovaniya poeticheskogo yazyka [Intertext and its Role in the Poetic Language]. Ekaterinburg, 1999 (in Russian).

Leont'ev A.A., Sorokin Ju.A., Tarasov E.F Nacional'no-kul'turnaya specifica rechevogo povedeniya [National-cultural Specificity of Linguistic Behavior]. M., 1977 (in Russian).

Lorenzetto S. Dizionario delle citazioni sbagliate. Venezia, 2018.

Lotman Ju.M. O russkoj literature [About Russian Literature]. SPb., 1997 (in Russian).

Lotman Ju.M. Ob iskusstve [About Art]. SPb., 2000 (in Russian).

Lotman Ju.M., Uspensky B.A. Semiosfera. Kul'tura i vzryv. Vnutri mysljashchikh mirov [Semiosphere. Culture and Explosion. Inside Thinking Worlds]. SPb., 2000 (in Russian).

Meletinsky E.M. Poetika mifa [The Poetics of Myth]. M., 1976 (in Russian).

Nikolaeva T.M. Ot zvuka k tekstu [From Sound to Text]. M., 2000 (in Russian).

Osipova N.G. Sovremennaya sociologicheskaya teoriya [Modern Sociological Theory]. M., 2019 (in Russian).

Pinker S. The Language Instinct: How the Mind Creates Language. Oxford, 2016.

Prokhorov Ju.E. Nacional'nye sociokul'turnye stereotipy rechevogo obshcheniya i ikh rol' v obuchenii russkomu yazyku inostrancev [The Role of National Sociocultural Stereotypes of Verbal Communication in Teaching Russian to Foreigners]. M., 1997 (in Russian).

Rubinshtejn L. Kommunal'noe chtivo [Pulp Fiction] // Itogi, 1998. N 18 (103) (in Russian).

Ryzhkov V.A. Reguljativnaya funkciya stereotipov [Regulatory Function of Stereotypes] // Znakovye problemy pis'mennoj kommunikacii. Kujbyshev, 1985. P. 15–21 (in Russian).

Shikhirev P.N. Issledovanie stereotipov v amerikanskoj social'noj psikhologii [The Study of Stereotypes in American Social Psychology] // Voprosy filofofii. 1971. N 5. P. 168–175 (in Russian).

Sorokin Ju.A. Psikhologo-lingvisticheskie aspekty izucheniya teksta [Psychological and Linguistic Aspects of Text Studis]. M., 1985 (in Russian).

Spagnol E. Dizionario delle citazioni. Milano, 1994.

Stepanov Ju.S. Yazyk i metod. K sovremennoj filosofii yazyka. [Language and Method. Towards a Modern Philosophy of Language]. M., 1998 (in Russian).

Tajfel H. Social Stereotypes and Social groups / Ed. by J.C. Turner, H. Giles. Intergroup behaviour. Oxford, 1981. P. 144–167.

Tarasov E.F. Aktual'nye problemy analiza yazykovogo soznaniya [Actual Problems of the Linguistic Consciousness] // Yazykovoe soznanie i obraz mira. M., 2000 (in Russian).

Ter-Minasova S.G. Yazyk i mezhkul'turnaya kommunikaciya [Language and Cross-cultural Communication]. M., 2000 (in Russian).

Toporov V.N. Mif. Ritual. Simvol [Myth. Ritual. Symbol]. M., 1995 (in Russian).

Uspensky B.A. Semiotika istorii. Semiotika kuk'tury [Semiotics of History. Semiotics of Culture]. M., 1994 (in Russian).

Vygotsky L.S. Psichologiya iskusstva [The Psychology of Art]. M., 1986 (in Russian).

Vorozhko K.D. Stereotip kak sociokul'turnyj fenomen v trudakh otechestvennykh i zarubezhnykh issledovatelej [Stereotype as a Sociocultural Phenomenon in the Works of Russian and Foreign Researchers] // Interaktivnaya nauka. 2016. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/stereotip-kak-sotsiokulturnyy-fenomen-v-trudah-otechestvennyh-i-zarubezhnyh-issledovateley/viewer (in Russian).

Wierzbicka A. Kljuchevye idei russkoy yazykovoj kartiny mira [Russian Key Words]. M., 2005 (in Russian).

Yadov V.A. O dispozicionnoj regulyacii social'nogo povedeniya lichnosti [On Dispositional Regulation of Social Behavior of an Individual] // Metodologicheskie problemy social'noj psikhologii. M., 1975. P. 89–105 (in Russian).

Yampol'sky M.B. Pamjat' Tiresiya: ibtertekstual'nost' i kinematograf [Memory of Tiresias: Intertextuality and Cinema]. M., 1993 (in Russian).

Zalevskaya A.A. Vvedenie v psikholingvistiku [Introduction to Psycholinguistics]. M., 1999 (in Russian).

Zalizniak A.A., Levontina I.B., Shmelev A.D. Konstanty i peremennye russkoj yazykovoj kartiny mira [Constants and Variables of the Russian Linguistic World View]. M., 2012 (in Russian).

Zinchenko Ju.P. Dvujazychie i mnogoyazychie kak mezhdisciplinarnyj fenomen: sociokul'turnyj kontekst, problemy i perspektivy razvitiya [Bilingualism and Multilingualism as an Interdisciplinary Phenomenon: Sociocultural Context, Problems and Development Prospects] / Ju.P. Zinchenko, L.A. Shajgerova, P.S. Shilko // Nacional'nyj psikhologicheskij zhurnal. 2019. N 1. P. 3–15 (in Russian).

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ И МЕНЕДЖМЕНТ

DOI: 10.24290/1029-3736-2020-26-3-149-172

ВНЕШНИЕ ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА РОССИЙСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ

О.А. Игумнов, канд. педагогических наук, доц. кафедры экономической теории и менеджмента Московского педагогического государственного университета, просп. Вернадского, д. 88, каб. 505, г. Москва, Российская Федерация, 119571*

Научный подход, представленный в настоящей статье, основан на понимании социального капитала и корпоративной культуры как пересекающихся организационных феноменов, несводимых, однако, друг к другу. При этом корпоративная культура понимается инструментально и рассматривается как фактор формирования, развития и использования социального капитала, опосредующий его организационные и управленческие эффекты. Это не отменяет факта сложных, итеративных отношений между ними, однако позволяет правильно расставить акценты, как теоретические, так и практические, подчеркивая более фундаментальную и всеобъемлющую природу социального капитала, непосредственно вытекающего из закономерностей социального взаимодействия и развивающегося безотносительно к целенаправленным управленческим усилиям по формированию единой корпоративной культуры. В статье представлены результаты анализа различных исследований социального капитала в России и за рубежом, характеризующих уровень генерализованного доверия в России как низкий и отмечающих разнонаправленную динамику между разными типами социального капитала, что не свойственно для развитых стран. Данные различия интерпретируются с точки зрения различий типов социальных отношений, лежащих в основе социального капитала: аффилиации, иерархии и обмена. С этой позиции высокий уровень декларируемого институционального доверия (с известной степенью допущения) можно интерпретировать как проявление рационального ("калькуляционного") механизма конструирования общественного социального капитала в современном российском обществе. Сделан вывод о недостаточном учете в исследованиях зарубежных ученых социальной, культурной и духовной составляющих.

Проведен анализ проблем, оказывающих негативное воздействие на современное российское общество в процессе формирования социального капитала на микро-, мезо- и макроуровнях, среди которых — отсутствие социального единства и распространение российского варианта индивидуализма, связанного с тяжелыми проблемами выживания и повышающего уровень межличностного и институционального недоверия.

* **Игумнов Олег Александрович,** e-mail: oa.igumnov@mpgu.su

***Ключевые слова**: социальный капитал, генерализованное доверие, институциональное доверие, корпоративная культура, деловая культура, дистанция власти, ценности.*

RUSSIAN ORGANIZATIONS SOCIAL CAPITAL FORMATION EXTERNAL FACTORS

Igumnov Oleg A., Cand. Pedagogical Sciences, Assoc. Department of Economic Theory and Management, Moscow State Pedagogical University, prosp. Vernadsky, 88, office. 505, Moscow, Russian Federation, 119571, mail: oa.igumnov@mpgu.su

The scientific approach presented in this article is based on the understanding of social capital and corporate culture as intersecting organizational phenomena however irreducible to each other. At the same time corporate culture is understood instrumentally and it is considered as a factor in the social capital formation, development and using process mediating its organizational and managerial effects. This does not negate the fact of complex iterative relations between them but allows to place the emphasis correctly both theoretical and practical, emphasizing the more fundamental and comprehensive nature of social capital directly arising from the laws of social interaction and developing regardless of the purposeful management efforts to form a single corporate culture.

The analysis of various studies of social capital in Russia and abroad characterizing the level of generalized trust in Russia as low and noting the multidirectional dynamics between different types of social capital which are not typical for developed countries. These differences are interpreted in terms of differences in social relations types underlying social capital: affiliation, hierarchy and exchange. From this point of view the high level of declared institutional trust (with a certain degree of assumption) can be interpreted as a manifestation of the rational ("calculation") mechanism of social capital construction in modern Russian society. The conclusion about insufficient account in foreign scientists of social, cultural and spiritual components researches is made.

The analysis of the problems that have a negative impact on modern Russian society in the process of social capital formation at the micro, meso- and macrolevels is made. The main problems are the lack of social unity and the spread of the Russian version of individualism associated with severe problems of survival and increasing the level of interpersonal and institutional distrust.

***Key words:** social capital, generalized trust, institutional trust, corporate culture, business culture, power distance, values.*

Формирование организационного социального капитала и его взаимодействие с корпоративной культурой необходимо рассматривать в контексте внешней среды, прежде всего, социокультурной и институциональной. Социокультурная среда задает фундаментальные представления и ценностные ориентации, регулирующие социальные отношения, а институциональная определяет формы и механизмы поддержки норм взаимности и общественного доверия. Последнее обстоятельство целесообразно рассматривать с точки зрения состояния и условий общественного социального капитала,

который определяет универсальные и типичные формы выстраивания социальных связей в обществе, задавая тем самым своего рода шаблон и для организационных моделей взаимодействия.

Внешние условия формирования организационного социального капитала и корпоративной культуры российских организаций неоднократно становились предметом научного исследования. Целый ряд масштабных международных исследований, как сугубо эмпирических, так и теоретически фундированных, позволяют оценить общее представление о базовых ценностях российской деловой культуры в сравнении с другими странами[1], тогда как исследования, проведенные непосредственно в России, конкретизируют и уточняют содержание и динамику норм, убеждений и ценностей российского общества[2].

Проблемам оценки и анализа общественного социального капитала в России, в том числе в связи с социокультурными и социально-экономическими процессами, также посвящено значительное число теоретических и эмпирических исследований[3]. Ограничимся лишь некоторыми наиболее важными, на наш взгляд, соображениями.

---

[1] *Gelfand M.J.* Differences between tight and loose cultures: A 33-Nation study // Science. 2011. Vol. 332. P. 1100–1104; *Hampden-Turner C., Trompenaars F.* Building cross-cultural competence: how to create wealth from conflicting values. New Haven; L., 2000; *Hofstede G., Hofstede G.J., Minkov M.* Cultures and organizations: software of the mind. N.Y., 2010; *House R.J. et al.* Culture, leadership, and organizations: the GLOBE study of 62 cultures. San Francisco, 2004; *Rudnev M., Magun V., Schwartz S.* Relations among higher order values around the world // Journal of Cross-Cultural Psychology. 2018. Vol. 49. P. 1165–1182; World values survey: round six — country-pooled datafile version / Ed. by R. Inglehart. Madrid, 2014. URL: http://www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWV6.jsp

[2] См., например: Актуализированные ценности современного российского общества / Отв. ред. И.А. Халий. М., 2015; Асимметрия жизни современного российского общества: соотношение традиций и инноваций / Отв. ред. О.В. Аксенова. М., 2017; *Бондарь Е.А.* Социальный капитал в России и на Западе: сравнительный социально-философский анализ. Автореф. дисс. … канд. филос. наук. Ростов-н/Д., 2012; *Васянин М.С.* Ценности и ценностные ориентации предпринимателей в современном российском обществе. Дисс. … канд. соц. наук. Пенза, 2013; *Фомичёва Т.В.* Трансформация социокультурных ценностей в российском обществе // Социальная политика и социология. 2016. № 5. С. 148–156.

[3] *Алмакаева А.М., Волченко О.В.* Динамика социального капитала в России // Мониторинг общественного мнения. 2018. № 4. С. 273–292; *Беляева Л.А.* Социальный капитал в России и проблемы предпринимательской деятельности // Философские науки. 2016. № 10. С. 91–106; *Бинюкова И.С.* Социальный капитал России: проблемы и перспективы развития (социально-философский анализ). Новосибирск, 2014; *Дискин И.Е.* Модернизация российского общества и социальный капитал // Мониторинг общественного мнения. 2003. № 5–6. С. 14–20; *Епанчинцев А.О.* Социальный капитал в западных и российских социокультурных системах: Дисс. … канд. соц. наук. Ростов-н/Д., 2005; *Иванов В.В. и др.* Формирование социального

При оценке макроуровневого социального капитала России исследователи ориентируются на различные перспективы: социологические, экономические, психологические, философские. Однако большинство из них, так или иначе, опираются на теорию Р. Патнэма, что, по нашему мнению, вполне логично, поскольку именно он распространил понятие социального капитала на уровень всего общества. В соответствии с логикой этой теории ключевым элементом общественного социального капитала является доверие.

Рассматривая проблему общественного социального капитала в сравнительной перспективе, исследователи чаще всего опираются на данные крупных международных социологических исследований, прежде всего — Всемирного опроса о ценностях (World Values Survey, WVS), который содержит ряд переменных, посвященных доверию и другим показателям, регулярно использующихся при оценке общественного социального капитала: показателям политического участия, участия в ассоциациях и объединениях, просоциальных установок.

Тем не менее, иногда используются и совершенно иные наборы данных и показателей, таких, как результаты социологических или социопсихологических исследований[4] или же статистические показатели относительно разных форм асоциального поведения, брачной статистики и др. Большинство исследователей, анализируя доступные данные, приходят к выводу о сравнительно низком уровне развития социального капитала в российском обществе по сравнению с большинством развитых стран[5].

капитала в России // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 2014. № 3. С. 3–16; *Старикова Е.П.* Структура и развитие социального капитала в современном российском обществе: Автореф. дисс. … канд. филос. наук. Красноярск, 2015; *Татарко А.Н., Лебедева Н.М.* Социальный капитал: теория и психологические исследования. Монография. М., 2009; Социальный капитал в России: измерение, анализ, оценка влияния. Научный семинар. Фонд “Либеральная миссия”. 20.05.2011. URL: http://www.liberal.ru/articles/5265

[4] *Татарко А.Н., Лебедева Н.М.* Социальный капитал: теория и психологические исследования. Монография. М., 2009; *Татарко А.Н., Миронова А.А., Чувашов С.В.* Влияние культурного многообразия на социальный капитал в российском контексте // Общественные науки и современность. 2015. № 3. С. 47–62.

[5] *Алмакаева А.М., Волченко О.В.* Динамика социального капитала в России // Мониторинг общественного мнения. 2018. № 4. С. 273–292; *Беляева Л.А.* Социальный капитал в России и проблемы предпринимательской деятельности // Философские науки. 2016. № 10. С. 91–106; *Зеленев И.А., Прохода В.А.* Доверие и уровень образования жителей европейских стран и России // Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки. 2017. № 2. С. 109–117; *Титов В.Н.* Распределение социального капитала как условие модернизации российского общества // Общественные науки и современность. 2012. № 5. С. 89–100.

Покажем на примере одного из недавних исследований некоторые сложности таких оценок и возможности их более корректной интерпретации, основанной на учете разнообразия типов социального капитала и необходимости принимать во внимание второй элемент внешней (для организации) среды — ценностной модели национальной культуры.

Одна из недавних оценок социального капитала в России на общенациональном уровне, предложенная А.М. Алмакаевой и О.В. Волченко, основана на данных международных лонгитюдных исследований WVS для измерения трех типов социального капитала: семейного (помощь и контакты с членами семьи), неформального (преимущественно слабые связи с друзьями и коллегами) и формального (генерализованное доверие и членство в НКО)[6]. Несмотря на спорность предложенной типологии и ограниченность исследования показателями, имеющимися в WVS, исследование позволило установить некоторые существенные черты социального капитала в России и его динамику за последние годы.

Согласно данным анализа, проведенного авторами, семейный социальный капитал является стабильно-умеренным, а показатели формального и неформального капитала характеризуются разнонаправленной динамикой. Наибольшую ценность представляют данные, основанные на показателях доверия, которое является общепризнанным и непосредственным воплощением социального капитала. При том, что уровень доверия семье является универсально и стабильно высоким во всем мире (в России — более 97%), доверие знакомым демонстрирует негативную динамику и сократилось за 10 лет (с 2006 по 2017 гг.) на 5 п.п. до 77,5%[7].

Особое значение для характеристики социальных условий в стране имеют показатели генерализованного доверия (доверия большинству и доверия незнакомым). Для России характерно низкое значение этих показателей (в 2017 г. — менее 24%), хотя в сравнительной перспективе его следует считать умеренно низким. В странах-лидерах (Нидерланды, скандинавские страны) уровень генерализованного доверия превышает 60–70%.

Наличие такой высокой степени неоднозначности в оценке социального капитала российского общества — важный сигнал, свидетельствующий о проблемах корректной интерпретации этого

---

[6] *Алмакаева А.М., Волченко О.В.* Динамика социального капитала в России // Мониторинг общественного мнения. 2018. № 4. С. 273–292.

[7] *Алмакаева А.М., Волченко О.В.* Динамика социального капитала в России // Мониторинг общественного мнения. 2018. № 4. С. 273–292, 280.

понятия. И, на наш взгляд, речь идет не столько о чисто методических проблемах отбора показателей и разработки процедур их агрегирования, сколько о необходимости более серьезного отношения к внутренней сложности социального капитала.

На разнонаправленную динамику между разными типами социального капитала обращает внимание и Е.В. Кондратьева, которая указывает, что в России наблюдается рост доверия в отношении "ближнего" круга при его снижении в отношении "дальнего" круга, при том что для развитых стран характерен именно высокий уровень генерализованного доверия[8]. На наш взгляд, именно различие между формами социального капитала является ключевой проблемой, которая должна рассматриваться одновременно с точки зрения типов социальных отношений, лежащих в основе социального капитала, и социокультурных ценностных моделей, определяющих фундаментальные представления, регулирующие эти отношения. Покажем содержание этих сложных взаимосвязей.

С социокультурной точки зрения разрыв между специфичным и генерализованным доверием лучше всего описывается моделью GLOBE, которая вводит понятия ингруппового и институционального коллективизма для описания разных ценностно-практических моделей выстраивания отношений между индивидом и другими людьми[9]. Хотя само по себе ценностное измерение "коллективизм-индивидуализм" — ключевое с точки зрения формирования социальных связей, — в том или ином виде присутствует в большинстве авторитетных моделей национальных культур, только в исследовании Р. Хауза и коллег это важное различие присутствует в явном виде.

Для России, в отличие, например, от большинства развитых стран, характерен более высокий разрыв между доверием к знакомым и незнакомым людям. Это соответствует данным GLOBE о выраженности разных типов коллективизма. Для России в этом исследовании характерен в большей степени не институциональный, а ингрупповой коллективизм, который как раз и предполагает ориентацию на социальные связи исключительно в ближнем круге. В Китае не меньше выражен и институциональный коллективизм, т.е. готовность распространять "особые отношения" на большие группы и все общество. Это объясняет высокий уровень генерали-

---

[8] *Кондратьева Е.В.* Типы социального капитала и экономическое благосостояние: оценки для России // Мир экономики и управления. 2018. № 4. С. 48–49.

[9] *House R.J. et al.* Culture, leadership, and organizations: the GLOBE study of 62 cultures. San Francisco, 2004.

зованного доверия в этой стране, который вызвал неоднозначную реакцию российских исследователей[10].

Это различие становится еще более явным, если принять во внимание не только декларативно-ценностный, но и практический аспект коллективизма, измеренный в рамках проекта GLOBE. С точки зрения измерения различия заключались в формулировке вопросов. Так, при измерении практических аспектов коллективизма использовались утверждения вида: “В данном обществе родители гордятся личными достижениями своих детей” (измерялось согласие с утверждениями по 7-балльной шкале Р. Лайкерта), а для измерения декларируемых ценностей утверждения вида: “В данном обществе родители *должны* гордиться личными достижениями своих детей”.

В табл. 1 в иллюстративных целях приведены данные об относительной выраженности ингруппового и институционального коллективизма (эту разницу для удобства назовем ингрупповым дифференциалом) в трех странах — России, Китае и США.

Таблица 1

Значение ингруппового дифференциала (разницы между показателями ингруппового и институционального коллективизма) по данным проекта GLOBE для России, Китая и США[11]

Ингрупповой дифференциал	Россия	Китай	США
Практический	1,13	1,03	0,05
Ценностный (декларативный)	1,9	0,53	1,6

Данные табл. 1. позволяют сделать вывод, что представленные страны демонстрируют существенно различающиеся культурные модели отношений между индивидом и обществом. Для России характерно заметно более выраженное суммарное доминирование ингруппового коллективизма, для США же оно носит исключительно декларативный характер, но практически отсутствует как социальная практика. Китайцы же, напротив, склонны гораздо выше оценивать роль институционального коллективизма на декларативном уровне, при этом демонстрируя выраженную практическую ценность и заботу о семейных социальных связях. Обратим внимание, что данные WVS, которые стали основой для вывода российских

[10] *Алмакаева А.М., Волченко О.В.* Динамика социального капитала в России // Мониторинг общественного мнения. 2018. № 4. С. 273–292, 282.

[11] Источник: *House R.J. et al.* Culture, leadership, and organizations: the GLOBE study of 62 cultures. San Francisco, 2004. P. 468–471.

социологов о высоком уровне социального капитала в Китае, основаны исключительно на декларативных показателях.

Связь между ценностными ориентациями индивидуализма-коллективизма и социальным капиталом, таким образом, не является прямолинейной и однозначной.

Для многих развитых обществ с выраженными индивидуалистическими ценностями характерен высокий уровень генерализованного и институционального доверия. Это можно объяснить, если принять во внимание различие между типами социальных отношений, лежащих в основе социального капитала: аффилиации, иерархии и обмена. На социетальном уровне каждый из указанных типов лежит в основе формирования общественного социального капитала (по крайней мере, его составляющих, связанных с доверием), однако за счет действия различных механизмов. Рассмотрим каждый из типов подробнее.

1. Общественный социальный капитал, основанный на отношениях *аффилиации*. Отношения аффилиации соответствуют понятию ингруппового коллективизма, предложенного Р. Хаузом и изначально находятся в противоречии с логикой общественного социального капитала (поскольку тесные связи могут поддерживаться только с небольшим числом индивидов). Тем не менее, они могут способствовать и генерализованному доверию, если понятие "семьи" (ближнего круга) и логика ингрупповых отношений успешно проецируются на общество в целом.

Приведенный выше пример Китая в этом смысле является показательным, поскольку традиционная конфуцианская культура исключительное внимание уделяет именно принципам сыновней почтительности и, что еще важнее, ее универсальному применению для описания государственного устройства[12]. Однако даже в случае с Китаем не следует преувеличивать значение институционального коллективизма, поскольку в отличие, например, от России и США, в практических аспектах преобладание ингруппового коллективизма выражено в гораздо большей степени, чем в ценностно-декларативных.

Для России, как можно заключить из данных Р. Хауза, такая модель не характерна, несмотря на периодическое использование патерналистской риторики в публичном дискурсе. Сфера действия

---

[12] *Ромченко Е.Д.* Базовые принципы китайской деловой культуры // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2010. № 3. С. 242–247; *Свердликова Е.А., Тагибова А.А.* Российская модель экономики и бизнеса в сравнении с западными и восточно-азиатскими ("конфуцианскими") моделями // Теоретическая и прикладная экономика. 2017. № 4. С. 1–19.

семейного коллективизма не выходит за рамки действительно небольшого круга и, соответственно, не может лежать в основе общественного социального капитала.

Существует и другая возможность генерализации социального капитала, основанного на отношениях аффилиации. Она связана с конструированием этничности как "расширенной семьи". Такая возможность обосновывается в ряде теорий этничности, рассматривающих ее через призму кин-отбора (отбора, направленного на сохранение признаков, благоприятствующих выживанию близких родичей данной особи), причем в некоторых из них "объективное" генетическое сходство между представителями этноса не является необходимым, а распространение семейных связей на большие группы обеспечивается преимущественно психологическими механизмами[13]. На наш взгляд, реализация данного механизма формирования общественного социального капитала действительно возможна, однако требует выполнения некоторых дополнительных условий.

Во-первых, общество должно быть достаточно этнически гомогенным, прежде всего с точки зрения разделяемой этнической идентичности. В противном случае квазиродственные отношения не смогут распространиться на большинство населения. Это положение согласуется с теорией Р. Патнэма, прямо указывавшего на негативное разрушительное воздействие этнического и культурного разнообразия на социальный капитал[14].

Однако исследование А.Н. Татарко и др., выполненное на примере 25 российских регионов с разным уровнем этнокультурного разнообразия, показало отсутствие его влияния на обобщенное доверие, вовлеченность в деятельность клубов и ассоциаций, и выявило положительное влияние на сеть неформальных контактов и толерантность[15]. Авторы считают, что полученные ими данные опровергают теорию Р. Патнэма, а отсутствие связей, предсказанных некоторыми теориями, заставило их прибегнуть к ряду *ad hoc* объяснений.

На наш взгляд, полученные данные могут быть объяснены, если принять во внимание различия в типах социальных отношений,

---

[13] *Bayar M.* Reconsidering primordialism: an alternative approach to the study of ethnicity // Ethnic and Racial Studies. 2009. Vol. 32. P. 1639–1657.

[14] *Putnam R.D.* E Pluribus Unum: diversity and community in the twenty-first century. The 2006 Johan Skytte Prize Lecture // Scandinavian Political Studies. 2007. Vol. 30. P. 137–174.

[15] *Татарко А.Н., Миронова А.А., Чувашов С.В.* Влияние культурного многообразия на социальный капитал в российском контексте // Общественные науки и современность. 2015. № 3. С. 47–62.

лежащих в основе социального капитала. Этнокультурное разнообразие препятствует генерализации отношений, основанных на аффилиации, что, однако, вполне может компенсироваться развитием отношений обмена, которые уже и обеспечивают генерализованное доверие, необходимое для существования в полиэтничной среде.

Во-вторых, социальная солидарность, основанная на этнической общности, может актуализироваться лишь в условиях явного противопоставления другим этническим группам, т.е. в ситуации межгруппового (межэтнического) конфликта. Это утверждение соответствует современным эволюционно-психологическим представлениям, согласно которым межгрупповая конкуренция и конфликты являются важным стимулом для развития внутригрупповой кооперации, а, следовательно, и генерализованного доверия[16].

Действие данных механизмов применительно к современному российскому обществу, на наш взгляд, носят достаточно ограниченный характер. Политические манипуляции с гражданской идентичностью и актуализация конфликтной парадигмы ("кругом враги"), согласно социологическим опросам, носят весьма умеренную эффективность и после пиковых значений 2014–2015 гг. имеют явную тенденцию к снижению[17]. Одновременно, достаточно высокий уровень этнической и, в целом, социальной гетерогенности российского общества также препятствует проекции "семейных" отношений на все общество. Не лишним также будет отметить, что наличие родственных связей не является безусловным механизмом формирования доверия и кооперативного поведения, а конкуренция между родственниками также имеет эволюционные предпосылки[18].

2. Общественный социальный капитал, основанный на *иерархических отношениях*. Иерархические социальные связи в контексте проблемы генерализованного, и особенно институционального доверия, а также просоциального поведения и других проявлений социального капитала, тесно связаны с легитимностью власти и характерного для данного общества понимания ее природы.

---

[16] *Burton-Chellew M.N., Ross-Gillespie A., West S.A.* Cooperation in humans: competition between groups and proximate emotions // Evolution and Human Behavior. 2010. Vol. 31. P. 104–108.

[17] Отношение к странам // Левада-центр. URL: https://www.levada.ru/indikatory/otnoshenie-k-stranam (по состоянию на май 2019).

[18] *West S.A., Pen I., Griffin A.S.* Cooperation and competition between relatives // Science. 2002. Vol. 296. P. 72–75.

Ценностной ориентацией, которая наиболее непосредственно выражает межкультурные различия в понимании власти, является понятие дистанции власти, входящее в модель базовых ценностей Г. Хофштеде. Оно характеризует степень эмоциональной и психологической дистанции между руководством и подчиненными, властью и гражданами, готовность принимать неравенство как должное[19]. Обратим внимание, что высокая дистанция власти совсем не обязательно предполагает авторитаризм или безусловное подчинение существующей власти. Отношения между людьми с разным объемом ресурсов и власти в таком обществе могут быть антагонистическими.

Понятие дистанции власти также используется в модели GLOBE, однако именно в смысле степени, в которой "сообщество принимает авторитет, различия во власти и статусные привилегии"[20]. Это определение в большей мере описывает склонность к авторитаризму как таковую, в том числе на уровне используемых индикаторов. Обе модели классифицируют Россию как страну с высоким уровнем дистанции власти, хотя в случае GLOBE — на уровне практики, но не ценностей. Поскольку в целом индекс дистанции власти Г. Хофштеде хорошо коррелирует именно с "практическим" аспектом аналогичного индекса GLOBE, мы будем ориентироваться на эти оценки российской культурной модели как аналогичные.

Сам Г. Хофштеде со ссылкой на результаты Евробарометра указывает, что высокая дистанция власти связана с меньшим уровнем доверия полиции и политического участия — важными показателями социального капитала[21]. В организационном контексте аналогичные результаты получены в исследовании китайских специалистов, которые на примере 12 китайских фирм выявили, что ценностная ориентация дистанции власти со стороны руководителей негативно влияет на доверие к ним со стороны работников, а также их желание искать совета и помощи[22].

Россия является страной с одним из наиболее высоких значений индекса дистанции власти, что, теоретически, должно приводить к более низкому уровню доверия к властным институтам и, возможно,

---

[19] *Hofstede G., Hofstede G.J., Minkov M.* Cultures and organizations: software of the mind. N.Y., 2010.

[20] *House R.J. et al.* Culture, leadership, and organizations: the GLOBE study of 62 cultures. San Francisco, 2004. P. 513.

[21] Ibid. P. 79.

[22] *Ji Y. et al.* Power distance orientation and employee help seeking: trust in supervisor as a mediator // Social Behavior and Personality: An International Journal. 2015. Vol. 43. P. 1043–1054.

общественному доверию в целом. Однако ситуация выглядит несколько более сложной. Регулярные замеры показывают достаточно высокий уровень декларируемого доверия в современном российском обществе к тем политическим и государственным институтам, которые концентрируют в себе наибольшую власть, прежде всего, к президенту и силовым структурам (в большей мере к армии и ФСБ, чем к полиции)[23].

В конце 1990-х гг. американские специалисты П. Дони, Дж. Кеннон и М. Муллен предложили теорию, объясняющую возможное разнонаправленное влияние дистанции власти на доверие[24]. Обобщая междисциплинарные теоретические дискуссии, они указали на различные процессы и механизмы, которые могут лежать в основе доверия: калькуляцию (расчет выгод и издержек от определенного поведения), предсказание (способность предсказывать поведение других), интенциональность (понимание взаимных мотивов), способность (оценка способности партнера выполнять свои обязательства), перенесение (перенос доверия с одного объекта на другой). Согласно теоретической модели, культуры с высоким уровнем дистанции до власти могут формировать отношения доверия, основанные на:

– *калькуляции* (оппортунистическое поведение и низкий уровень участия в таких обществах является более выгодным, поскольку оппозиция и активность сопряжены с необходимостью преодолевать большее сопротивление и ростом издержек);

– *предсказании* (более высокий уровень конформизма способствует предсказуемости поведения других);

– *способности* (занятие высокой социальной позиции автоматически ассоциируется с высоким уровнем компетенции и, следовательно, способностью принимать решения, которые воспринимаются как правильные).

В какой мере эти механизмы действуют в современном российском обществе — вопрос эмпирический. Однако отметим, что первый из названных механизмов является одновременно и наиболее

---

[23] Институциональное доверие // Левада-центр. URL: https://www.levada.ru/2018/10/04/institutsionalnoe-doverie-4 (по состоянию на май 2019 г.). См. также: *Алмакаева А.М., Волченко О.В.* Динамика социального капитала в России // Мониторинг общественного мнения. 2018. № 4. С. 273–292; World Values Survey: Round Six — Country-Pooled Datafile Version / Ed. by R. Inglehart. Madrid, 2014. URL: http://www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWV6.jsp

[24] *Doney P.M., Cannon J.P., Mullen M.R.* Understanding the influence of national culture on the development of trust // Academy of Management Review. 1998. Vol. 23. P. 601–620.

“эгоистическим”, поскольку индивид в таком случае ориентируется исключительно на собственный интерес. Одним из следствий этого механизма может служить склонность именно к декларативным формам институционального доверия и других проявлений общественного социального капитала и выражаться, в частности, в стремлении давать “социально одобряемые” ответы в ходе социологических опросов.

Одновременно, как справедливо замечают А.М. Алмакаева и О.В. Волченко, для России характерно достаточно низкое значение показателей социального капитала, связанных с просоциальным поведением и, более того, наблюдается их очевидная отрицательная динамика, наметившаяся еще с 1990-х гг. и наблюдающаяся в настоящее время[25].

В совокупности с относительно высоким уровнем декларируемого институционального доверия в отношении наиболее ресурсных институтов, это можно осторожно интерпретировать как проявление именно рационального, “калькуляционного” механизма конструирования общественного социального капитала, основанного на иерархических отношениях, в современном российском обществе. Такой гипотезе соответствуют и способность к быстрому отказу в демонстрируемом доверии власти, проявившемуся, в частности, в ходе ряда губернаторских выборов 2018 г. Как только властные институты становятся слабее, издержки не-оппортунистического поведения снижаются, что в отсутствие других механизмов социального капитала приводит к быстрой утрате доверия.

3. Общественный социальный капитал, основанный на отношениях *рыночного обмена*.

Отношения рыночного обмена, обеспечивая горизонтальные связи малознакомых или вовсе незнакомых акторов, имеют ключевое значение для формирования генерализованного доверия и кооперации. Они могут стать источником общественного социального капитала в той мере, в которой такие обмены подчиняются стабильным правилам, а институты способны обеспечить их соблюдение (именно поэтому формирование общественного социального капитала мы связываем, в первую очередь, именно с развитостью институциональной среды).

Многочисленные исследования показывают, что высокий уровень генерализованного и институционального доверия, участия и других проявлений общественного социального капитала зачастую

---

[25] *Алмакаева А.М., Волченко О.В.* Динамика социального капитала в России // Мониторинг общественного мнения. 2018. № 4. С. 283–284.

характерен для обществ с выраженными индивидуалистическими ценностями (англосаксонские страны, Северная Европа). Этот кажущийся парадокс объясняется высокой ролью, которую в этих странах играют формальные правила и институциональные механизмы, гарантирующие их соблюдение (судебная система, независимые СМИ, политическая конкуренция, развитые НКО и др.).

Отметим, что важность формальных правил особенно важна именно для кооперации и доверия в отношении незнакомых людей. В этой связи полезно обратиться к модели национальных культур Ф. Тромпенаарса, Ч. Хэмпден-Тернера, в которой одно из центральных мест занимает ценностное измерение "универсализм-партикуляризм"[26]. Универсалистские ценности предполагают одинаковость применения правил ко всем в релевантных ситуациях, тогда как партикуляризм допускает более гибкий, контекстуальный подход к применению правил в отношении других людей при наличии особых, личных связей с ними (например, прием на работу "по блату").

Очевидно, что партикуляристские ценности способствуют социальному капиталу, основанному на отношениях аффилиации, а универсалистские — основанному на отношениях обмена. Россия, согласно данным Ф. Тромпенаарса и Ч. Хэмпден-Тернера, относится к числу партикуляристских стран[27]. Это соответствует большей выраженности семейного коллективизма и подразумевает высокую терпимость к различным проявлениям "двойных стандартов". Склонность к партикуляристским ценностям и практикам, таким образом, является еще одним фактором, ограничивающим возможности накопления общественного социального капитала за счет эффективности институтов, гарантирующих соблюдение общих стандартов и правил в обществе.

В приведенных выше аргументах предпринята попытка показать различные механизмы, связывающие ценностные аспекты социокультурной среды с формированием общественного социального капитала в России, отраженного, прежде всего, в показателях генерализованного и институционального доверия. При этом важно отметить, что общественный социальный капитал является существенно более динамичным, чем собственно культурные ценности, что демонстрируется динамикой конкретных показателей, исполь-

---

[26] *Hampden-Turner C., Trompenaars F.* Building cross-cultural competence: how to create wealth from conflicting values. New Haven; L., 2000.

[27] *Hampden-Turner C., Trompenaars F.* Building cross-cultural competence: how to create wealth from conflicting values. New Haven; L., 2000. P. 17.

зуемых исследователями. Это объясняется тем, что общественный социальный капитал отражает интегральный эффект воздействия базовых ценностей и существующих институтов, которые, в свою очередь, зависят от уровня экономического и технологического развития общества, качества корпоративного и государственного управления, политической конъюнктуры и т.д.

Однако очевидно, что с точки зрения организации внешняя среда воздействует на возможности и условия формирования организационного социального капитала и другими способами, не только через ситуативное состояние генерализованного и институционального доверия. Базовые ценности национальной культуры, определяя фундаментальные и наиболее устойчивые представления и социальные предрасположенности членов общества, не только определяют особенности функционирования социальных институтов, но и напрямую регулируют социальные отношения в организационном контексте, а также задают рамки возможных типов управленческой культуры и возможности менеджмента по управлению организационным поведением и социальными отношениями.

Используя данные трех масштабных, теоретически фундированных сравнительных исследований, содержащих сравнительные данные о ценностных моделях национальной деловой культуры России, можно сформировать общий профиль основных векторов ожидаемого воздействия ценностей на организационную среду и условия формирования внутреннего организационного социального капитала.

В табл. 2 обобщены ключевые показатели, характеризующие ценностный профиль России в соответствии с моделями Г. Хофштеде, Р. Хауза и Ф. Тромпенаарса, которые непосредственно ориентированы на выявление управленческих аспектов национальной культуры и могут рассматриваться как потенциальные факторы формирования социального капитала фирмы. В качестве базовой модели рассматривается модель Г. Хофштеде (как наиболее подтвержденная), модели же Р. Хауза и Ф. Тромпенаарса используются только в той мере, в которой они дополняют и уточняют модель Г. Хофштеде. Некоторые психологические исследования, использующие методологию Ш. Шварца, ориентированную на индивидуальный уровень ценностей, показывают схожие результаты[28].

---

[28] См.: *Лебедева Н.М., Татарко А.Н.* Ценности и социальный капитал социально-экономического развития // Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований). 2010. № 1. С. 17–34.

Таблица 2

Ценностные ориентации российской деловой культуры, регулирующие условия формирования внутриорганизационного социального капитала

Ценностная ориентация	Значение показателя для России	Абсолютное значение показателя	Границы значения показателя по всем обследованным странам	Основные векторы воздействия на социальный капитал организации
Модель Г. Хофштеде[1]				
Дистанция власти (PDI)	высокое	93	11–104	Затрудненная коммуникация между руководителями и подчиненными
Индивидуализм (IDV)	среднее	39	6–91	Слабо выраженная склонность к формированию сильных связей
Маскулинность	низкое	36	5–110	Стремление персонала к комфортной социально-психологической среде
Избегание неопределенности (UAI)	высокое	95	8–112	Предпочтение социального взаимодействия со знакомыми, важность стабильных социальных связей
Долговременная ориентация (LTO)	высокое	81	0–100	Стремление создавать долговременные социальные связи
Толерантность (IVR)	низкое	20	0–100	Требования и ожидания конформизма, жесткий социальный контроль, социальная эксклюзия в отношении тех, кто не подчиняется локальным нормам или не разделяет групповую идентичность

[1] Актуальные показатели взяты с официального сайта Г. Хофштеде: The 6D model of national culture. URL: https://geerthofstede.com/culture-geert-hofstede-gert-jan-hofstede/6d-model-of-national-culture

Продолжение таблицы 2

Ценностная ориентация	Значение показателя для России	Абсолютное значение показателя	Границы значения показателя по всем обследованным странам	Основные векторы воздействия на социальный капитал организации
Модель GLOBE[2]				
Ингрупповой коллективизм (практический)	высокий	5,63	3,53–6,36	Стремление формировать и/или использовать сильные социальные связи с представителями ближнего круга, формирование локальной групповой идентичности
Институциональный коллективизм (практический)	средний	4,50	3,25–5,22	Отсутствие выраженных предпосылок к формированию корпоративной лояльности, групповой солидарности и кооперации
Человеческая ориентация (практическая)	средняя	3,94	3,18–5,23	Отсутствие выраженной склонности к просоциальному поведению и неформальным связям
Модель Ф. Тромпенаарса[3]				
Универсализм	низкое	44	32–97	Низкая ценность формальных правил, восприятие дискриминации и преимуществ на основании социальных связей как нормальной практики

[2] Источник: *House R.J. et al.* Culture, leadership, and organizations: the GLOBE study of 62 cultures. San Francisco, 2004.

[3] Источник данных: *Trompenaars F., Hampden-Turner C.* Riding the waves of culture: understanding cultural diversity in business. L., 1998. Поскольку исследование и база данных Тромпенаарса-Хэмпден-Тёрнера носит закрытый характер, ограничимся иллюстративными оценками только по отдельным индикаторам, приведенным в данной публикации. Несмотря на то что она в определенной мере устарела, мы исходим из того, что фундаментальные базовые ценности являются в высокой степени стабильными и потому приведенные данные могут рассматриваться, по крайней мере, как вспомогательные. Кроме того, мы не включили результаты по потенциально релевантному измерению “диффузность-конкретность” из-за противоречивости данных, относящихся к России и, возможно, свидетельствующих о некачественной операционализации.

Значения показателей, полученные для России, требуют более развернутых комментариев в части, касающейся индивидуализма и коллективизма, поскольку по этим параметрам сложилось некорректное, как нам видится, представление о российской деловой культуре.

Так, Ф. Фукуяма полагает, что Россия, как и "некоторые другие бывшие коммунистические страны", относится к числу подлинно индивидуалистических обществ, "члены которых не умеют объединяться друг с другом"[29]. Аналогичной точки зрения придерживается и Р. Патнэм, по мнению которого, "не только Россия, а почти все бывшие коммунистические страны имели слабые традиции гражданского общества до прихода коммунизма, а тоталитарное правление свело на нет даже этот ограниченный запас социального капитала"[30]. В исследовании Т. Николса также сделан вывод о современной России как стране, "испытывающей практически полное отсутствие социального капитала", и что "в этом дефиците заключается наиболее исчерпывающее объяснение ее проблем"[31].

Обоснованные данными авторами выводы содержат развернутое теоретическое обоснование проблем развития социального капитала, связанных со спецификой социально-экономического и политического развития советского общества, но, тем не менее, нам они представляются не вполне объективными в силу неверных посылок, лежащих в их основании.

Во-первых, отметим, что понятие "социальный капитал" в контексте представленных исследований трактуется довольно узко — как система социальных связей, направленных на получение экономических выгод, при этом социальная, культурная и духовная составляющие не оцениваются в достаточной мере, в то время как значение данных факторов и их воздействие на формирование социального капитала прослеживается в многочисленных профессиональных, творческих, молодежных и подростковых объединениях граждан.

Социальный капитал, сформированный в советский период российской истории, не сводился к приращению экономических благ, но он обеспечил ряд существенных положительных результатов в форме коллективизма, идеологического единства, социальной

---

[29] *Фукуяма Ф.* Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М., 2004.

[30] *Патнэм Р.* Чтобы демократия сработала. Гражданские традиции в современной Италии. М., 1996.

[31] *Nicols T.* Russian democracy and social capital // Social Science Information. 1996. Vol. 35. N 4.

целостности, нравственной культуры, которых в значительной степени недостает современному российскому обществу.

Активизация процесса формирования социального капитала требует решения ряда проблем, оказывающих негативное воздействие на современное российское общество.

На макроуровне это проблемы трансформации морально-нравственных ценностей, отсутствия единой общественной идеологии, несовершенства законодательства и правовых норм, атомизации и индивидуализации сознания граждан, неравных условий доступа к материальным, социальным и культурным благам. Негативное влияние указанных проблем проявляется в нарушениях социальных норм, правовом нигилизме, росте недоверия к власти, пренебрежении ценностями морали и нравственности, социальной фрустрации и ослаблении социальной и национальной солидарности.

На мезо- и микроуровнях развития социального капитала основными проблемами, по нашему мнению, являются отклонение от правил честной конкуренции, низкий уровень социальной ответственности, усиление межличностного и институционального недоверия, ослабление (а иногда и утрата) семейных ценностей, агрессивная экспансия потребительской культуры.

По мнению российских исследований, с которым мы солидарны, недостаточно активное накопление социального капитала в России обусловлено отсутствием социального единства. Так, по мнению Х.А. Кобелевой, для того чтобы «внести вклад в социальный капитал, человеку необходимо адаптироваться к моральным нормам определенного сообщества и усвоить господствующую в нем систему ценностей, правил и норм. В противном случае человек в своей повседневной деятельности будет поступать эгоистически, пренебрегая нормами общественной морали, в результате чего будет происходить накопление лишь “негативного” социального капитала и усиление межличностного недоверия в обществе»[32].

Аналогичной позиции придерживается и В.В. Петухов, отмечающий, что “российский индивидуализм — это индивидуализм людей, столкнувшихся с тяжелыми проблемами выживания, поэтому он и не дает пока импульсов к различным формам гражданской и профессиональной консолидации и солидаризма”[33]. Опасность

---

[32] *Кобелева Х.А.* Проблема формирования социального капитала в современной России // Вестник ВГУ. Сер. История. Политология. Социология. 2015. № 3. С. 75–77.

[33] *Петухов В.В.* Общественная и политическая активность россиян: характер и основные тенденции // Мониторинг общественного мнения. 2003. № 5–6 (67–68). С. 13.

распространения данного типа индивидуализма в обществе заключается в усилении как межличностного, так и институционального недоверия, результатом которого является утрата способности к коллективному сопротивлению.

Отметим, что среди российских исследователей есть и достаточно оптимистический подход в оценке перспектив формирования социального капитала. Так, И.Е. Дискин отмечает, что "Россия становится европейской страной не только по принадлежности к европейской культуре и своему вкладу в нее. Базовые модели социально-экономической деятельности населения, несмотря на все деформации, в типологическом смысле становятся все более европейскими, ориентированными на рациональный индивидуальный выбор"[34].

Представленные данные показывают в целом достаточно согласованную характеристику российской культурной модели, которая напрямую отражается на регулировании социальных отношений в организации, и соответствует выводам относительно современного состояния общественного социального капитала. В целом действие социокультурных факторов, характерных для российской модели ценностей, можно охарактеризовать как скорее неблагоприятное для формирования организационного социального капитала. Высокая дистанция власти, доминирование ингрупповой формы коллективизма, отсутствие выраженных просоциальных установок в отношении субъектов за пределами ближнего круга ограничивают возможности развития социального капитала именно как организационного и корпоративного ресурса.

Однако было бы некорректно, по нашему мнению, автоматически переносить эти выводы, полученные на основе анализа внешней среды, непосредственно на уровень конкретной организации. Внутренняя культурная гетерогенность российского общества, специфика разных отраслей и типов организаций, разнообразие управленческих инструментов воздействия на корпоративную культуру и социальный капитал требуют рассматривать приведенные факты именно как характеристику условий их развития, но не как детерминанту. Анализ и изучение конкретных организационных контекстов и управленческих практик — необходимое следующее звено, позволяющее понять возможности и механизмы развития социального капитала организации в преимущественно неблагоприятных внешних условиях.

---

[34] *Дискин И.Е.* Российская модель социальной трансформации // Pro et Contra. 1999. № 3. С. 34.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Актуализированные ценности современного российского общества / Отв. ред. И.А. Халий. М., 2015.

Алмакаева А.М., Волченко О.В. Динамика социального капитала в России // Мониторинг общественного мнения. 2018. № 4. С. 273–292.

Асимметрия жизни современного российского общества: соотношение традиций и инноваций / Отв. ред. О.В. Аксенова. М., 2017.

Беляева Л.А. Социальный капитал в России и проблемы предпринимательской деятельности // Философские науки. 2016. № 10. С. 91–106.

Бинюкова И.С. Социальный капитал России: проблемы и перспективы развития (социально-философский анализ). Новосибирск, 2014.

Бондарь Е.А. Социальный капитал в России и на Западе: сравнительный социально-философский анализ: Автореф. дисс. … канд. филос. наук. Ростов-н/Д., 2012.

Васянин М.С. Ценности и ценностные ориентации предпринимателей в современном российском обществе: Дисс. … канд. соц. наук. Пенза, 2013.

Дискин И.Е. Российская модель социальной трансформации // Pro et Contra. 1999. № 3. С. 5–40.

Дискин И.Е. Модернизация российского общества и социальный капитал // Мониторинг общественного мнения. 2003. № 5–6. С.14–20.

Епанчинцев А.О. Социальный капитал в западных и российских социокультурных системах: Дисс. … канд. соц. наук. Ростов-н/Д., 2005.

Зеленев И.А., Прохода В.А. Доверие и уровень образования жителей европейских стран и России // Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки. 2017. № 2. С. 109–117.

Иванов В.В. и др. Формирование социального капитала в России // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 2014. № 3. С. 3–16.

Институциональное доверие // Левада-центр. URL: https://www.levada.ru/2018/10/04/institutsionalnoe-doverie-4

Кобелева Х.А. Проблема формирования социального капитала в современной России // Вестник ВГУ. Сер. История. Политология. Социология. 2015. № 3. С. 75–77.

Лебедева Н.М., Татарко А.Н. Ценности и социальный капитал социально-экономического развития // Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований). 2010. № 1. С. 17–34.

Отношение к странам // Левада-центр. URL: https://www.levada.ru/indikatory/otnoshenie-k-stranam (по состоянию на май 2019).

Патнэм Р. Чтобы демократия сработала. Гражданские традиции в современной Италии. М., 1996.

Петухов В.В. Общественная и политическая активность россиян: характер и основные тенденции // Мониторинг общественного мнения. 2003. № 5–6 (67–68). С. 4–13.

Ромченко Е.Д. Базовые принципы китайской деловой культуры // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2010. № 3. С. 242–247.

Свердликова Е.А., Тагибова А.А. Российская модель экономики и бизнеса в сравнении с западными и восточно-азиатскими (“конфуцианскими”) моделями // Теоретическая и прикладная экономика. 2017. № 4. С. 1–19.

Социальный капитал в России: измерение, анализ, оценка влияния: Научный семинар // Фонд “Либеральная миссия”. 20.05.2011. URL: http://www.liberal.ru/articles/5265

Старикова Е.П. Структура и развитие социального капитала в современном российском обществе: Автореф. дисс. … канд. филос. наук. Красноярск, 2015.

Татарко А.Н., Лебедева Н.М. Социальный капитал: теория и психологические исследования. Монография. М., 2009.

Татарко А.Н., Миронова А.А., Чувашов С.В. Влияние культурного многообразия на социальный капитал в российском контексте // Общественные науки и современность. 2015. № 3. С. 47–62.

Титов В.Н. Распределение социального капитала как условие модернизации российского общества // Общественные науки и современность. 2012. № 5. С. 89–100.

Фомичева Т.В. Трансформация социокультурных ценностей в российском обществе // Социальная политика и социология. 2016. № 5. С. 148–156.

Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М., 2004.

REFERENCES

Aktualizirovannye cennosti sovremennogo rossijskogo obshhestva [Actualized values of modern Russian society] / Otv. red. I.A. Halij. M., 2015 (in Russian).

Almakaeva A.M., Volchenko O.V. Dinamika social’nogo kapitala v Rossii [Dynamics of social capital in Russia] // Monitoring obshhestvennogo mnenija. 2018. N 4. S. 273–292 (in Russian).

Asimmetrija zhizni sovremennogo rossijskogo obshhestva: sootnoshenie tradicij i innovacij [Asymmetry of the life of modern Russian society: the ratio of tradition and innovation] / Otv. red. O.V. Aksenova. M., 2017 (in Russian).

Bayar M. Reconsidering primordialism: an alternative approach to the study of ethnicity // Ethnic and Racial Studies. 2009. Vol. 32. P. 1639–1657.

Beljaeva L.A. Social’nyj kapital v Rossii i problemy predprinimatel’skoj dejatel’nosti [Social capital in Russia and the problems of entrepreneurial activity] // Filosofskie nauki. 2016. N 10. S. 91–106 (in Russian).

Binjukova I.S. Social’nyj kapital Rossii: problemy i perspektivy razvitija (social’no-filosofskij analiz) [Social capital of Russia: problems and development prospects (socio-philosophical analysis)]. Novosibirsk, 2014 (in Russian).

Bondar’ E.A. Social’nyj kapital v Rossii i na Zapade: sravnitel’nyj social’no-filosofskij analiz [Social capital in Russia and in the West: a comparative socio-philosophical analysis]. Avtoref. Diss. … kand. filos. nauk. Rostov-n/D., 2012 (in Russian).

Diskin I.E. Rossijskaja model’ social’noj transformacii [Russian model of social transformation] // Pro et Contra. 1999. N 3. S. 5–40 (in Russian).

Diskin I.E. Modernizacija rossijskogo obshhestva i social’nyj capital [Modernization of Russian society and social capital] // Monitoring obshhestvennogo mnenija. 2003. N 5–6. S.14–20 (in Russian).

Doney P.M., Cannon J.P., Mullen M.R. Understanding the influence of national culture on the development of trust // Academy of Management Review. 1998. Vol. 23. P. 601–620.

Epanchincev A.O. Social’nyj kapital v zapadnyh i rossijskih sociokul’turnyh sistemah [Social capital in Western and Russian socio-cultural systems]: Diss. … kand. soc. nauk. Rostov-n/D., 2005 (in Russian).

Fomichjova T.V. Transformacija sociokul'turnyh cennostej v rossijskom obshhestve [Transformation of Sociocultural Values in Russian Society] // Social'naja politika i sociologija. 2016. N 5. S. 148–156 (in Russian).

Fukujama F. Doverie: social'nye dobrodeteli i put' k procvetaniju [Trust: Social Virtues and the Path to Prosperity]. M., 2004 (in Russian).

Gelfand M.J. Differences between tight and loose cultures: A 33-Nation study // Science. 2011. Vol. 332. P. 1100–1104.

Gerasimova L.A. Faktory formirovanija i osobennosti razvitija social'nogo kapitala v sovremennom rossijskom obshhestve // Vestnik Vjatskogo gosudarstvennogo universiteta. 2017. N 11. S. 33–36 (in Russian).

Hampden-Turner C., Trompenaars F. Building cross-cultural competence: how to create wealth from conflicting values. New Haven; L., 2000.

Hofstede G., Hofstede G.J., Minkov M. Cultures and organizations: software of the mind. N.Y., 2010.

House R.J. et al. Culture, leadership, and organizations: the GLOBE study of 62 cultures. San Francisco, 2004.

Institucional'noe doverie [Institutional Trust] // Levada-centr. URL: https://www.levada.ru/2018/10/04/institutsionalnoe-doverie-4 (in Russian).

Ivanov V.V. i dr. Formirovanie social'nogo kapitala v Rossii [Formation of social capital in Russia] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 6. Jekonomika. 2014. N 3. S. 3–16 (in Russian).

Ji Y. et al. Power distance orientation and employee help seeking: trust in supervisor as a mediator // Social Behavior and Personality: An International Journal. 2015. Vol. 43. P. 1043–1054.

Kobeleva H.A. Problema formirovanija social'nogo kapitala v sovremennoj Rossii [The problem of social capital formation in modern Russia] // Vestnik VGU. Ser. Istorija. Politologija. Sociologija. 2015. N 3. S. 75–77 (in Russian).

Lebedeva N.M., Tatarko A.N. Cennosti i social'nyj kapital social'no-jekonomicheskogo razvitija [Values and social capital of socio-economic development] // Journal of Institutional Studies (Zhurnal institucional'nyh issledovanij). 2010. N 1. S. 17–34 (in Russian).

Nicols T. Russian democracy and social capital // Social science information. 1996. Vol. 35. N 4.

Otnoshenie k stranam [Relationship to countries] // Levada-centr. URL: https://www.levada.ru/indikatory/otnoshenie-k-stranam (po sostojaniju na maj 2019) (in Russian).

Patnjem R. Chtoby demokratija srabotala. Grazhdanskie tradicii v sovremennoj Italii [For Democracy to Work. Civil traditions in modern Italy]. M., 1996 (in Russian).

Petuhov V.V. Obshhestvennaja i politicheskaja aktivnost' rossijan: harakter i osnovnye tendencii [Public and political activity of Russians: character and main trends] // Monitoring obshhestvennogo mnenija. 2003. N 5–6 (67–68). S. 4–13 (in Russian).

Putnam R.D. E Pluribus Unum: diversity and community in the twenty-first century. The 2006 Johan Skytte Prize Lecture // Scandinavian Political Studies. 2007. Vol. 30. P.137–174.

Romchenko E.D. Bazovye principy kitajskoj delovoj kul'tury [Basic principles of Chinese business culture] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 18. Sociologija i politologija. 2010. N 3. S. 242–247 (in Russian).

Rudnev M., Magun V., Schwartz S. Relations among higher order values around the world // Journal of Cross-Cultural Psychology. 2018. Vol. 49. P. 1165–1182.

Social'nyj kapital v Rossii: izmerenie, analiz, ocenka vlijanija: Nauchnyj seminar [Social capital in Russia: measurement, analysis, impact assessment: Scientific seminar] // Fond "Liberal'naja missija". 20.05.2011. URL: http://www.liberal.ru/articles/5265 (in Russian).

Starikova E.P. Struktura i razvitie social'nogo kapitala v sovremennom rossijskom obshhestve [The structure and development of social capital in modern Russian society]: Avtoref. Diss. … kand. filos. nauk. Krasnojarsk, 2015 (in Russian).

Sverdlikova E.A., Tagibova A.A. Rossijskaja model' jekonomiki i biznesa v sravnenii s zapadnymi i vostochno-aziatskimi ("konfucianskimi") modeljami [Russian model of economics and business in comparison with Western and East Asian ("Confucian") models] // Teoreticheskaja i prikladnaja jekonomika. 2017. N 4. S. 1–19 (in Russian).

Tatarko A.N., Lebedeva N.M. Social'nyj kapital: teorija i psihologicheskie issledovanija. Monografija [Social capital: theory and psychological research. Monograph]. M., 2009 (in Russian).

Tatarko A.N., Mironova A.A., Chuvashov S.V. Vlijanie kul'turnogo mnogoobrazija na social'nyj kapital v rossijskom kontekste [The influence of cultural diversity on social capital in the Russian context] // Obshhestvennye nauki i sovremennost'. 2015. N 3. S. 47–62 (in Russian).

The 6D model of national culture. URL: https://geerthofstede.com/culture-geert-hofstede-gert-jan-hofstede/6d-model-of-national-culture

Titov V.N. Raspredelenie social'nogo kapitala kak uslovie modernizacii rossijskogo obshhestva [Distribution of social capital as a condition for the modernization of Russian society] // Obshhestvennye nauki i sovremennost'. 2012. N 5. S. 89–100 (in Russian).

Trompenaars F., Hampden-Turner C. Riding the waves of culture: understanding cultural diversity in business. L., 1998.

Vasjanin M.S. Cennosti i cennostnye orientacii predprinimatelej v sovremennom rossijskom obshhestve [Values and value orientations of entrepreneurs in modern Russian society]: Diss. … kand. soc. nauk. Penza, 2013 (in Russian).

West S.A., Pen I., Griffin A.S. Cooperation and competition between relatives // Science. 2002. Vol. 296. P. 72–75.

World Values Survey: Round Six — Country-Pooled Datafile Version / Ed. by R. Inglehart. Madrid, 2014. URL: http://www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWV6.jsp

Zelenev I.A., Prohoda V.A. Doverie i uroven' obrazovanija zhitelej evropejskih stran i Rossii [Trust and the level of education of residents of European countries and Russia] // Vestnik RFFI. Gumanitarnye i obshhestvennye nauki. 2017. N 2. S. 109–117 (in Russian).

СОВРЕМЕННАЯ СОЦИОЛОГИЯ В КИТАЕ

DOI: 10.24290/1029-3736-2020-26-3-173-181

ОСОБЕННОСТИ ПРОЦЕССА МИГРАЦИИ КРЕСТЬЯН В ГОРОДА СОВРЕМЕННОГО КИТАЯ

Ван Лили, асп. кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, Москва, Российская Федерация, 119234*

Цель статьи — исследование процесса миграции крестьян в города современного Китая.

Вследствие проведенной экономической реформы и возрастания материального благосостояния китайцев подвижность населения страны значительно возросла. По своему характеру миграция в Китае делится на постоянную, сезонную и временную (двух типов — "маятникового" и "челночного"). По направлениям миграция в Китае делится на миграцию из села в город, миграцию из пригорода в город и миграцию из одного города в другой город. Примером "маятниковой" и "челночной" (сроком до трех месяцев) миграции может являться перемещение освободившихся из сельскохозяйственной сферы работников в поисках иных форм и вариантов сельскохозяйственной деятельности.

Ключевые слова: *Китай, миграция, миграция крестьян в города.*

FEATURES OF THE MIGRATION PROCESS OF PEASANTS IN THE CITIES OF MODERN CHINA

Wang Lili, Postgraduate Student, Department of Modern Sociology, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninskiye Gory, 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: 414993507@qq.com

The purpose of the article is to study the process of migration of peasants to the cities of modern China.

As a result of the economic reform and the increase in the material well-being of the Chinese, the mobility of the country's population has increased significantly. By its nature, migration in China is divided into permanent, seasonal and temporary (of two types — "pendulum" and "shuttle"). In terms of directions, migration in China is divided into migration from a village to a city, migration from a suburb to a city, and migration from one city to another city. An example of "pendulum" and "shuttle" (up to three months) migration can be the movement of workers freed from the agricultural sector in search of other forms and options for agricultural activity.

Key words: *China, migration, migration of peasants in the cities.*

* **Ван Лили,** e-mail: 414993507@qq.com

В настоящее время Китай сталкивается с серьезными проблемами в сфере регулирования миграционных процессов. Важным фактором китайской внутренней и внешней миграции в условиях замедления темпов роста экономики в Китае становится стремительный рост безработицы в стране. По данным министерства труда и социального обеспечения (МТСО) КНР, число безработных в Китае к концу прошлого года составило около 20 млн человек.

Миграция в какой-то степени стала обыденностью современной жизни. Множество людей по разным причинам покидает места постоянного проживания. В серии работ известного этнографа и социолога Фэй Сяотуна "Село в Китае" (内地的农村), опубликованных в 1946 г., впервые упоминается проблема миграции крестьян. В наши дни мы можем констатировать, что проблема миграции приобрела совершенно иной облик.

Китай на протяжении многих веков представлял собой государство, регионы которого были значительным образом разобщены между собой, а население преимущественно характеризовалось чрезвычайно низкой и нетипичной подвижностью.

За время развития по социалистическому пути в Китае сложились устойчивые и значимые миграционные потоки из некоторых густонаселенных провинций, которые расположены в междуречье Янцзы и Хуанхэ, и также из самых больших городов — Пекина, Шанхая, Тяньцзиня. Данные миграционные потоки преимущественно направлены в провинции Северного, Северо-Западного, Северо-Восточного и отчасти Юго-Западного направления Китая. Как видим, главные направления миграции в Китае — это восток–запад и юг–север.

Поскольку миграция крестьян в города — это важное социальное явление в Китае, то его следует тщательно изучать и формировать комплекс мер по его регулированию и стимулированию.

Цель статьи — исследование процесса миграции крестьян в города современного Китая.

Научно-методический базис по миграции крестьян в города современного Китая сформировали такие ученые, как Лю Фусин, Лян Шумин, Тун Сяоси, Чжао Юаньюань, С.Г. Анисимова, Е.А. Строгова, Л.Л. Рыбакоевский, О.Д. Захарова, В.В. Миндогулов и др. Но в целом единой концепции и перечня причин миграции в научной литературе нет, что стало причиной повышенного интереса к рассматриваемой проблеме.

В Китае за последнее столетие наиболее массовыми были миграции, которые носили принудительный характер и осуществлялись в строгом директивном порядке: переселение более 30 млн крестьян

в города с последовавшим за этим их возвратом в село в период “большого скачка”, переселение 20 млн представителей городской “образованной молодежи” в сельские провинции и в горные регионы республики в период 1966–1976 гг.

Вследствие проведенной экономической реформы и возрастания материального благосостояния китайцев подвижность населения страны значительно возросла. По своему характеру миграция в Китае делится на постоянную, сезонную и временную (двух типов — “маятникового” и “челночного”). По направлениям миграция в Китае делится на миграцию из села в город, миграцию из пригорода в город и миграцию из одного города в другой город. Примером “маятниковой” и “челночной” (сроком до трех месяцев) миграции может являться перемещение освободившихся из сельскохозяйственной сферы работников в поисках иных форм и вариантов сельскохозяйственной деятельности.

Современный мировой рынок труда как динамический компонент экономической глобальной системы требует постоянного совершенствования качества трудовых ресурсов, прогрессивного развития новых форм занятости и утверждения более широких возможностей в вопросе мобильности рабочей силы. В формате интенсификации глобализационных процессов мировой рынок труда приобретает новые отличительные особенности, которые выражаются в более значительных масштабах обмена информацией, знаниями и опытом между народами, а также в активизации международных миграционных процессов и формировании глобальной регуляторной системы международной трудовой миграции.

Сегодня мировой рынок труда — это сложная прогрессивная система межгосударственных отношений по вопросам согласования спроса на рабочую силу и ее предложения, регулирования ее потоков между странами, оплаты труда и социальной защиты в условиях транснационализации национальных экономик[1].

Особое место в совокупности характеристик современного мирового рынка труда занимают международные миграционные процессы, особенно в том, что касается их закономерностей и тенденций в направлениях миграционных потоков, объемов и географии переселенческих движений, профессионально-квалификационного состава мигрантов, их роли в экономических процессах[2].

---

[1] *Adams R.H.* International migration, remittances and the brain drain: a study of 24 labour-exporting countries // World Bank Policy Research. Working Paper 3069. 2003. June. P. 35.

[2] Ibid. P. 335.

Исследование современных миграционных процессов предполагает анализ количественных и качественных характеристик миграционных процессов, динамики социально-демографических характеристик мигрантов, а также прогнозирование направлений миграционных потоков и их интенсивности. Исследование миграции должно включать в себя исторический аспект развития миграционных процессов, их классификацию по различным критериальным признакам, теоретическую детерминацию понятий "миграция населения" и "трудовая миграция", аспекты динамики, масштаба и структуры миграционных процессов (динамика численности мигрантов, их гендерный и возрастной состав, факторы стимулирования миграций, характерные особенности формирования современного рынка труда и направления развития современных миграционных процессов).

Поскольку процесс — это последовательная смена состояний объекта во времени, миграционный процесс можно определить как последовательное видоизменение этапов миграции, ее периодов и состояний, а также последствий. В исследовании миграционных процессов ключевым термином является термин "миграционный поток", поэтому представим теоретическую детерминацию данного понятия. ***Миграционный поток*** (лат. *migratio*, англ. *migration flow*, нем. *Migrationsstrom*) — ***это совокупность территориальных перемещений населения, происходящих в определенное время в рамках той или иной территориальной системы.*** По структуре миграционный поток может быть разделен по полу и возрасту мигрантов, их семейному состоянию, национальности и другими характеристиками[3].

На принятие решения относительно осуществления миграции влияет ряд факторов, анализу которых посвящены многочисленные исследования зарубежных ученых. В условиях развития современной экономики знаний высокий образовательный уровень мигранта обеспечивает его успешную конкурентоспособность на рынке труда других стран.

Подытоживая изложенное, следует отметить, что совокупность факторов, которые влияют на решение индивида относительно осуществления миграции или отказа от ее осуществления, довольно широкая. Если миграция носит добровольный характер, то основное влияние на нее оказывают экономические факторы, дей-

---

[3] *Barham D.C., Boucher B., Boucher S.* Migration, remittances and inequality: estimating the net effects of migration on income distribution // Journal of Development Economics. 1998. Vol. 55. N 2. P. 307–331.

ствие которых сочетается с влиянием социально-демографических характеристик индивида и особенностями ситуации в регионах выхода и вселения.

Исторически мировые миграционные процессы характеризовались различными признаками и особенностями развития, трансформируясь от формата принудительной миграции рабовладельческого и военного характера к миграции на добровольных началах с ростом доли высококвалифицированных специалистов (интеллектуальная миграция)[4].

Рассмотрим исторический аспект миграционных процессов в формате Концепции мобильного перехода американского ученого Уилбура Зелинского (впервые опубликована в научном издании "Географический обзор" в 1971 г., см. табл. 1).

Таблица 1

Стадии развития миграционных процессов[5]

Тип общества	Характеристика
Первоначальное традиционное общество	1. Минимальные миграционные потоки с целью изменения места жительства и ограниченные перемещения, связанные с землепользованием, общественной жизнью, торговлей, военными делами или религиозными обрядами
Раннее мобильное общество	1. Массовые миграции из сельской местности в города (старые и новые) 2. Характерное движение сельских жителей с целью колонизации окраин, если в стране существуют неосвоенные земли 3. Массовый отток эмигрантов в доступные и привлекательные страны 4. При определенных обстоятельствах небольшая, но характерная иммиграция квалифицированных рабочих, конструкторов, ученых из других стран 5. Значительный рост различного вида циркуляции населения
Позднее мобильное общество	1. Ослабевшие, но все еще преобладающие миграции из сельской местности в города 2. Уменьшение миграции с целью колонизации окраин 3. Спад или прекращение миграции 4. Дальнейший рост циркуляции населения с осложнением структуры циркуляции

[4] Глобальное экономическое развитие: тенденции, регулирование. Монография. К., 2013.

[5] *Zelinsky W.* The hypothesis of mobility transition // Geographical Review. 1971. N 61. P. 219–249.

Тип общества	Характеристика
Развитое общество	1. Мобильность граждан падает и колеблется на низком уровне. 2. Движение из сельской местности в город идет со снижением в абсолютных и относительных показателях 3. Мощные миграционные потоки “город-город” и внутри агломераций 4. Если пограничные поселения сохраняются, то они в состоянии застоя или изоляции 5. Значительная миграция неквалифицированной и среднеквалифицированной рабочей силы из относительно доступных стран 6. Возможны значительные международные миграции или циркуляции квалифицированных рабочих и специалистов, но направление и объем потока зависят от определенных условий 7. Значительно увеличивается циркуляция населения, в большей степени в экономической сфере и сфере развлечений
Сверхразвитое общество	1. Возможно уменьшение уровня миграции и замедление некоторых форм циркуляции, связанное с развитием коммуникаций и почты 2. Практически все миграции осуществляются между городами или внутри агломерации 3. Возможна дальнейшая миграция относительно неквалифицированной рабочей силы из менее развитых областей 4. Увеличение циркуляции может быть следствием появления новых ее форм 5. Внутренняя и внешняя миграция ограничена строгим контролем

Концепция мобильного (миграционного) перехода разработана по аналогии с концепцией демографического перехода, предоставляя характеристику миграционным процессам от формата традиционной экономики с минимальной мобильностью населения к постиндустриальному формату экономики с увеличением масштабов и интенсивности миграционных процессов на основе развития информационно-коммуникационной, транспортной инфраструктуры, интернационализации национальных рынков труда и капитала.

У. Зелинский выделяет пять стадий развития миграционных процессов. Основной тезис данного исследования состоит в том, что мобильность общества коррелирует прежде всего с процессами модернизации экономики, имея на разных стадиях своего развития характерные особенности (цель миграции, частота, продолжительность, направление, контингент мигрантов и т.п.).

У. Зелинский акцентирует внимание на тех предположениях, что в развитом и сверхразвитом обществах:

– мобильность населения будет снижаться за счет новейших инновационно-коммуникационных технологий;

– имеющиеся миграционные потоки будут осуществляться в большей степени между городами или внутри агломераций;

– возрастет значение креативной сферы экономики и миграции, связанной с данной сферой;

– внутренняя и внешняя миграция будет ограничиваться контролем со стороны государств.

Рассмотрим классификацию миграционных процессов в зависимости от различных критериальных признаков. Последние можно разделить на объективные (не зависят от воли и сознания индивида) и субъективные (восприятие индивидами объективных реалий). К последним относится в первую очередь цель поездки: на самом деле миграционные перемещения обычно вызваны комплексом причин и определение основной из них носит субъективный характер.

Другой субъективный критериальный признак — добровольность перемещений: мигранты могут считать вынужденной миграцию, которая вызвана не только обстоятельствами, непосредственно угрожающими их жизни, но и миграцию по экономическим причинам (тяжелая экономическая ситуация, невозможность найти работу, которая соответствует требованиям мигранта относительно заработной платы и т.п.).

Миграционные процессы можно анализировать по следующим классификационным критериям: факторы воздействия/притяжения (социально-экономические и культурные факторы миграции), “факторы толчка” (экономическая и политическая нестабильность, войны, этнические конфликты, стихийные бедствия), временн*ы*е характеристики (постоянная миграция, временная, маятниковая), направленность миграционных процессов (эмиграция, иммиграция, реэмиграция), территориальный охват (внутренняя миграция, внешняя миграция), законность (легальная миграция, нелегальная миграция), качественный состав мигрантов (неквалифицированные работники, высококвалифицированные работники, представители креативного класса, лица, которые имеют творческое мышление и способность к нешаблонному решению задач) и т.п.[6]

Если проанализировать миграционные процессы с точки зрения демографического аспекта (решение вопроса “старения нации”), то стоит отметить, что за счет внешней миграции происходит ме-

---

[6] *Бондырева С.К.* Миграция (сущность и явление). М.; Воронеж, 2004.

ханический прирост населения определенной страны-реципиента, в то время как внутренняя миграция, осуществляемая в пределах страны между отдельными регионами, городами, селами, не решает данную проблему.

Поскольку в исследовании миграционных процессов ключевыми терминами являются термины "миграция населения" и "трудовая миграция", представим их определения.

Миграция населения — это перемещение людей в территориальном пространстве с целью поиска нового места постоянного или временного (на длительный срок, не менее года) проживания[7]. ***Трудовая миграция — это перемещение людей в территориальном пространстве с целью поиска места работы без намерения смены места жительства***[8]. В зависимости от факта пересечения межгосударственных границ миграция может быть внешней (международной) или внутренней.

В более широком понимании международную трудовую миграцию можно также рассматривать как форму международных экономических отношений, которая заключается в перетоке трудовых ресурсов из одних стран в другие и отражает процесс перераспределения трудовых ресурсов между звеньями мирового хозяйства.

Следовательно, миграция населения характеризуется также трудовым характером и является фактором формирования предложения рабочей силы на международном, национальном и региональных рынках труда[9]. Миграция является межтерриториальным процессом; при прочих равных условиях интенсивность миграционных потоков обратно пропорциональна расстоянию между регионами.

Итак, можно сделать следующие выводы. По оценке специалистов, масштабная миграция сельского населения в экономически развитые районы имеет как позитивные, так и негативные последствия. С одной стороны, данный процесс эффективно способствует избавлению от низкодоходного способа аграрного производства, сложившегося на базе мелкого крестьянского хозяйства. Кроме этого, крестьяне-мигранты удовлетворяют спрос на рабочую силу в городах, в основном в строительной индустрии. Часть мигрантов нанимается на работу в крупные сельскохозяйственные кооперативы, расположенные в пригородах мегаполисов. С другой стороны,

---

[7] *Евдокимов А.И.* Международные экономические отношения: Учеб. пособие. М., 2016.

[8] *Лавровский Б.* Измерение региональной асимметрии на примере России // Вопросы экономики. 1999. № 3. С. 42–52.

[9] *Hatton T.* Explaining trends in UK immigration // Journal of Population Economics. 2005. N 18. P. 719–740.

несмотря на потенциальную возможность принятия большого числа населения в промышленно развитых районах необходимо учитывать, что миграционный процесс обостряет там социальную обстановку. Крайне напряженная ситуация ощущается в сфере занятости населения, наблюдаемый рост числа мигрантов приводит к увеличению нагрузки на социальную инфраструктуру и росту правонарушений.

Следует особо отметить, что крестьяне-мигранты, проживающие в городах, не имеют полноценного доступа к системе образования и медицинского страхования, получают меньшую зарплату и не обладают гарантированным пенсионным обеспечением, а также не могут закрепиться на постоянной основе по месту работы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бондырева С.К. Миграция (сущность и явление). М.; Воронеж, 2004.

Глобальное экономическое развитие: тенденции, регулирование: Монография. К., 2013.

Евдокимов А.И. Международные экономические отношения: Учеб. пособие. М., 2016.

Лавровский Б. Измерение региональной асимметрии на примере России // Вопросы экономики. 1999. № 3. С. 42–52.

REFERENCES

Adams R.H. International migration, remittances and the brain drain: a study of 24 labour-exporting countries // World Bank Policy. Research Working Paper 3069. 2003. June.

Barham D.C., Boucher B., Boucher S. Migration, remittances and inequality: estimating the net effects of migration on income distribution // Journal of Development Economics. 1998. Vol. 55. N 2. P. 307–331.

Bondyreva S.K. Migraciya (sushchnost' i yavlenie) [Migration (essence and phenomenon)]. M.; Voronezh, 2004 (in Russian).

Evdokimov A.I. Mezhdunarodnye ekonomicheskie otnosheniya: Ucheb. posobie [International economic relations: Textbook. handbook]. M., 2016 (in Russian).

Global'noe ekonomicheskoe razvitie: tendencii, regulirovanie: monografiya [Global economic development: trends, regulation: monograph]. K., 2013 (in Russian).

Hatton T. Explaining trends in UK immigration // Journal of Population Economics. 2005. N 18. P. 719–740.

Lavrovskij B. Izmerenie regional'noj asimmetrii na primere Rossii [Measurement of regional asymmetry on the example of Russia] // Voprosy ekonomiki. 1999. N 3. S. 42–52 (in Russian).

Zelinsky W. The hypothesis of mobility transition // Geographical Review. 1971. N 61. P. 219–249.

С РАБОЧЕГО СТОЛА СОЦИОЛОГА

DOI: 10.24290/1029-3736-2020-26-3-182-199

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ВИРТУАЛЬНЫХ И “РЕАЛЬНЫХ” ГЕНДЕРНЫХ ОБРАЗОВ*

З.В. Сикевич, докт. социол. наук, проф. кафедры культурной антропологии и этнической социологии факультета социологии СПбГУ, Университетская набережна, д. 7–9, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, 199034**

А.А. Федорова, канд. социол. наук, Санкт-Петербургский филиал института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН, Университетская набережная, д. 5, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, 199034***

Статья представляет сравнительное исследование коллективных восприятий гендерных установок и брачных стратегий, одобряемых представителями русского этноса. Эмпирической базой для сопоставления послужило сочетание классических и нереактивных методов. В 2014–2015 гг. нами был проведен анкетный опрос среди русских жителей Санкт-Петербурга (квотная выборка по полу и возрасту, 503 участника). Позднее, в 2017–2019 гг. мы провели нереактивный анализ русских сообществ сети ВКонтакте (квотная выборка групп по ценностным ориентациям, общее количество индивидуальных пользователей составило 1 млн 51 тысяча человек). Автоматизированный контент-анализ, методы цифровой этнографии и проективные методики позволили ответить на следующие вопросы:

– Какими чертами обладает “настоящая русская женщина” и “настоящий русский мужчина” в массовом сознании?

– В чем заключаются структурные различия данных образов?

– Как проявляются гендерные и брачные стереотипы в “реальном” мире и в киберпространстве?

Был получен вывод о том, что гендерные схемы в обоих исследованиях менялись медленнее, чем модели супружеских отношений. Содержание портрета русской женщины в обоих исследованиях оказалось более детальным, чем образ русского мужчины. Русские пользователи социальных сетей продемонстрировали приверженность патриархатной модели, которая в меньшей степени наблюдалась в анкетном опросе. Кроме того, высокий уровень радикализма и религиозных ценностей обусловил то, что женщины в виртуальной среде были более конформны в отношении гендерных и брачных установок.

***Ключевые слова**: гендерные стереотипы, русская женщина, русский мужчина, брачные стратегии, нереактивные методы, сравнительное исследование, проективные методики.*

---

* Статья выполнена по гранту РФФИ №19-011-00219.

** **Сикевич Зинаида Васильевна,** e-mail: sikevich@mail.ru

*** **Федорова Анна Александровна**, e-mail: an-f@list.ru

ETHNOCULTURAL FACTORS IN VIRTUAL AND "REAL" GENDER STEREOTYPES

Sikevich Zinaida V., Doctor of sociology, Professor, Department of cultural anthropology and ethnic sociology, Faculty of sociology, St. Petersburg state University, Universitetskaya embankment, 7-9, St. Petersburg, Russian Federation, 199034, e-mail: sikevich@mail.ru

Fedorova Anna A., PhD Sci., St. Petersburg Branch of Institute for the History of Science and Technology named after Sergey I. Vavilov, Universitetskaya embankment, 5, St. Petersburg, Russian Federation, 199034, e-mail: an-f@list.ru

The article presents a comparative study on collective perceptions in gender attitudes and marriage strategies approved by the representatives of the Russian ethnic group. The empirical basis for comparison combines obtrusive and unobtrusive methods. In 2014–2015 we conducted a questionnaire survey among Russian residents of St. Petersburg (the sample was quoted by sex and age, it included 503 participants). Later, in 2017–2019, we performed a non-reactive analysis on the Russian communities in VKontakte network (sample was divided by value orientations, the total number of individual users included 1.051 million people). Big data analytics services, digital Ethnography methods and projective techniques helped us to answer the following questions:

– What features does a "just Russian woman" and a "just Russian man" have in the collective consciousness?

– What are the structural differences in these perceptions?

– How are gender and marriage stereotypes manifested in the "real world" and in cyberspace?

Thus, we obtained the conclusion that gendered patterns in both studies changed much more slowly than the models of the marital relationship. In both studies, the content of Russian women portrait was more detailed than the image of a Russian man. Russian social media users have demonstrated a commitment to the Patriarchal model, which was less evident in the questionnaire. In addition, the high level of radicalism and obvious religious values were the reason why women were more consistent with gender and marriage attitudes in the virtual environment.

Key words: *gender stereotypes, Russian woman, Russian man, marriage strategies, non-reactive methods, comparative research, projective techniques.*

Постановка проблемы

К числу важнейших задач современной гуманитарной науки правомерно относится изучение взаимной обусловленности отдельных культурных и демографических детерминант: в частности, этничности и гендера.

Нельзя не отметить обширный багаж научных работ, посвященных схожей проблематике в прошлые десятилетия. С конца 60-х гг. прошлого века оформляются основные положения гендерной теории, растет число гендерных исследований, в научный оборот входят такие категории как гендерные различия[1], гендерные

[1] The development of sex differences / Ed. by E.E. Maccoby. Stanford, 1966.

роли[2], гендерный стереотип[3] и др. В российской науке вплоть до настоящего времени гендерному подходу[4] противостоит традиционная теория полового диморфизма[5].

В последние десятилетия социологи, как за рубежом[6] так и в России[7], отмечают следующие тенденции развития гендерных отношений:

1. Изменение положения женщины в обществе в сторону утверждения гендерного равенства.

2. Снижение ориентации на традиционное распределение "мужских" и "женских" ролей в социальной и семейной жизни.

3. Развитие нуклеарной эгалитарной семьи, в которой наблюдаются равноправные партнерские отношения, в частности, совместное ведение хозяйства и воспитание детей.

Согласно ряду исследований, проведенных нами с конца 1990-х гг.[8] до настоящего времени[9], российская семья все еще сохраняет в большей мере традиционные установки. Так, модель патриархатной семьи доминирует над партнерской, что обусловлено спецификой гендерных установок в нашей стране. Кроме того, устойчивы гендерные представления и стереотипы, признание гендерного равенства носит в большей мере декларативный характер, слабо реализуется как во взаимном восприятии полов, так и в целом на уровне социального поведения.

Вместе с тем, нельзя не отметить, что большая часть подобных локальных гендерных исследований носит преимущественно национальный характер[10]. По нашим наблюдениям, лишь немногие

---

[2] *Money J., Ehrhardt A.* Man & woman, boy & girl: gender identity from conception to maturity. Northvale, 1996.

[3] *Garrett C., Ein P., Tremaine L.* The development of gender stereotyping of adult occupations in elementary school children // Child Development. 1977. N 48. P. 507–512.

[4] Введение в гендерные исследования / Под ред. И.А. Жеребкина. Ч. I. Харьков, 2001.

[5] *Ильин Е.В.* Пол и гендер. СПб., 2009.

[6] *Hochschild A.* So How's the Family? and Other Essays. Berkeley, 2013; *Allan G.* Family life. Oxford, 1985; *Goode W.* World revolution and family patterns. N.Y., 1997.

[7] *Ушакова В.Г.* Семейная политика в современной России: социологический анализ // Демографические изменения и семейная политика в России и Китае. СПб., 2015.

[8] *Сикевич З.В., Крокинская О.К., Поссель Ю.А.* Социальное бессознательное. СПб., 2004.

[9] *Сикевич З.В., Фёдорова А.А.* "Мы — русские" (ассоциативные этнические образы молодых петербуржцев) // Социологическая наука и социальная практика. 2019. № 7 (3).

[10] *Лобко Н.А.* Традиционные гендерные стереотипы в культуре современной России // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Серия. Общественные науки. 2012. № 4 (170).

авторы[11] учитывают влияние этничности на брачные и гендерные установки. Несмотря на то что в среде западных исследователей работы подобного профиля появляются хоть и не часто, но относительно регулярно[12], в русскоязычной социологии большинство из них относится к рубежу XX–XXI вв.[13]

Таким образом, вне поля зрения российских социологов оказывается взаимовлияние этнических и гендерных установок в условиях значительного ускорения темпов общественной жизни и широкого распространения процессов виртуализации формата Web 2.0. К примеру, согласно прогнозам[14] все той же двадцатилетней давности, реализация различных аспектов идентичности (таких как этничность и гендер) в киберпространстве должна была приобрести качественно иные характеристики в сравнении с так называемой "реальной" идентичностью[15].

Однако оценка истинности данных прогнозов применительно к современной нам виртуальной и "реальной" коммуникации представителей русского этноса не представляется возможной в связи с тем, что сложные конфигурации взаимосвязи гендера и русской этничности продолжают оставаться недостаточно освещенными в контексте виртуальных тенденций и сдвигов.

Методы исследования

Для эмпирической верификации этих посылок нами было проведено сравнительное исследование этнической обусловленности гендерных представлений в классическом социологическом опросе и в нереактивном изучении виртуальных сообществ[16]. Использование

---

[11] *Петренко В.Ф., Митина О.В.* К проблеме евразийства: этнические гендерные стереотипы // Вестник университета (Государственный университет управления). 2011. № 18. С. 61–69

[12] *Garg N., Schiebinger L., Jurafsky D.* Word embeddings quantify 100 years of gender and ethnic stereotypes // Proceedings of The National Academy of Sciences of The United States of America. 2018. N 115 (16). P. E3635–E3644; *Ghavami N., Peplau L.* An intersectional analysis of gender and ethnic stereotypes: testing three hypotheses // Psychology of Women Quarterly. 2013. N 37 (1). C. 113–127.

[13] *Залевский Г.В., Кузьмина Ю.В., Разгоняева Е.В.* Гендерные особенности этнических стереотипов студенческой молодежи // Сибирский психологический журнал. 2005. № 21; *Рябов О.В.* Миф о русской женщине в отечественной и западной историософии // Философские науки. 2000. № 3; *Шилова Т.А.* Миф о русской женщине на страницах интернета: к вопросу о гендерном аспекте этнической стереотипизации // Гендерные исследования в гуманитарных науках: современные подходы. 2000.

[14] *Castells M.* The power of identity. Oxford, 1997.

[15] *Poster M.* Virtual ethnicity: tribal identity in an age of global communications // Cybersociety 2.0: Revisiting CMC and community. L., 1998.

[16] *Lee R.* Unobtrusive methods in social research. Buckingham, 2000.

столь неконвенционального подхода позволило нам сопоставить гендерные стереотипы о русской женщине и русском мужчине, выявить их ключевые различия и точки пересечения.

Опираясь на имеющиеся материалы проведенного нами исследования соотношения гендерных и этнических установок "Динамика нормативных представлений в условиях культурного конфликта" (СПб., 2014, 503 человека, выборка квотная по критериям пола и возраста, все респонденты — русской национальности), мы провели анализ ключевых черт гендерных образов и стратегий.

Однако принимая во внимание потенциальный эффект социальной желательности, фигурирующий в очных опросах, для осуществления второй — виртуальной — части сравнительного исследования, нами был использован комплекс незаметных (*Unobtrusive*) методов. Так, с помощь автоматизированного сбора цифровых следов, контент-анализа визуальных материалов и полиитарационного наблюдения в рамках цифровой этнографии нами были проанализированы гендерные представления в 10 русских сообществах сети ВКонтакте (2018, охват аудитории 1 млн 51 тысяча пользователей, квотная выборка групп по заявленным ценностным ориентациям).

Поиск исследуемых сообществ проводился на основании декламируемого самопричисления групп к числу русских, выраженного в названии или описании. Принимая во внимание идеологическую про-русскую направленность исследуемых групп, высокий уровень их радикальности и национализма, а также тенденции их саморегуляции, мы склонны рассматривать всех участников данных сообществ с точки зрения наблюдаемой самопрезентации, т.е. как людей с демонстрируемой русской этнической принадлежностью.

Учитывая особенности нереактивной стратегии, не подразумевающей прямой контакт с пользователем по поводу представленных им публичных данных, все полученные результаты были подвергнуты глубокой анонимизации и будут представлены в тексте статьи в обобщенном виде.

Сопоставление результатов обоих эмпирических исследований проводилось нами в форме сравнения:

1) образов "настоящего русского мужчины" и "настоящей русской женщины" (под которыми мы понимает выявленные гендерные стереотипы и иные представления, транслируемые респондентами в ассоциативной связке с этнической принадлежностью);

2) стратегий брачных установок.

Именно эти смысловые блоки будут подробно рассмотрены нами в описании результатов исследования.

Результаты

Образы “настоящих русских” мужчины и женщины

Устойчивые представления о самих себе и значимых других представляют собой важную часть жизненного мира индивида, а потому различные формы реализации гендерных авто- и гетеростереотипов (идеи о себе как о носителе гендерных черт и о представителях противоположного пола) были выявлены нами как при анализе результатов анкетного опроса, так и в дискуссиях, характерных для пространства виртуальной русской этничности.

Такого рода гендерные оценки и нормы могут проявляться как на рефлексивном уровне, контролируемом социальными предписаниями, так и на уровне, не вполне осознаваемых реакций, соответствующих традиционному восприятию гендерной нормы.

Таблица 1

Гендерные образы, (в % к числу ответивших)

Фразеологизмы	Настоящий мужчина		Настоящая женщина	
	Для мужчин	Для женщин	Для мужчин	Для женщин
Держит себя в руках	20,5	17,0	10,3	13,0
Берет все в свои руки	13,4	21,5	5,5	13,5
Берет быка за рога	13,4	10,0	0,7	1,0
Стоит на своем	13,4	9,5	6,9	8,0
Живет по совести	9,6	13,0	9,6	10,0
Работает в поте лица	8,2	12,5	–	1,5
Гребет деньги лопатой	5,5	7,5	1,4	1,0
Болеет душой	4,1	6,5	21,4	19,0
Себе на уме	3,5	1,5	5,5	5,5
Платит той же монетой	2,8	–	2,8	2,5
Принимает близко к сердцу	2,1	–	23,4	20,0
Обводит вокруг пальца	2,1	–	2,8	4,5
Душа нараспашку	1,4	0,5	1,4	1,0
Витает в облаках	–	–	6,2	2,5
Идет на поводу	–	0,5	2,1	1,0
ВСЕГО	100	100	100	100

Для выявления этих реакций в анкетном опросе мы обратились к психолингвистической методике: респонденту предлагалось из пятнадцати качеств, сформулированных в форме фразеологизмов, выбрать три, которые с его точки зрения в наибольшей мере соответствуют образу "настоящего русского мужчины" и "настоящей русской женщины" (см. табл. 1).

В целом образы "настоящего русского мужчины" и "настоящей русской женщины" у представителей обоих полов не слишком различаются, что косвенно свидетельствует о сходных ожиданиях в отношении друг друга и потенциально положительном взаимодействии. Тем не менее, представление о настоящей женщине у русских представителей обоих полов несколько более согласовано, чем представление о настоящем мужчине. Исключение составляет представление о лидерстве (см. табл. 1). Этот факт косвенно свидетельствует о большей ригидности и меньшей пластичности фемининных качеств по сравнению с маскулинными.

Тем не менее, было выявлено противопоставление качеств, соответствующих устоявшейся в русской культуре норме "мужественности" и "женственности". Среди респондентов доминирует уверенность в том, что биологический пол маркирует не только физиологические, но и поведенческие характеристики человека. Исключение составляют нравственные качества ("живет по совести") в равной мере значимые и для мужчин, и для женщин, хотя по своему весу и не самые важные.

Настоящего мужчину, по мнению самих мужчин, отличает самообладание (1-е место по выбору), чувство ответственности, решительность и твердость (2–4-е места). Женщины в этом же образе на перовое место ставят чувство ответственности, на второе — самообладание, на третье место — нравственную позицию ("живет по совести") и на четвертое — трудовую активность ("работает в поте лица"). Примечательно, что для самих мужчин последнее качество менее значимо. Респонденты обоих полов сомневаются в праве мужчины на душевную тонкость, чувствительность ("болеет душой" и "принимает близко к сердцу"), романтизм ("витает в облаках") и зависимость ("идет на поводу") — все эти качества занимают последние места по выбору.

Хитрость ("себе на уме" и "обводит вокруг пальца") не приветствуется ни у мужчин, ни у женщин. Этот факт полностью соответствует образу типичного русского человека, выявленному нами в более раннем исследовании. Вместе с тем другое типичное "русское" качество — простодушие и открытость ("душа нараспашку") фактически отсутствует в гендерных установках и занимает одно

из последних мест по выбору. Вероятнее всего это объясняется тем, что человек как носитель этнических признаков не воспринимается одновременно в контексте гендерных отношений, т.е. гендерные и этнические образы существуют автономно.

По душевным и эмоциональным качествам "настоящая русская женщина" — антипод "настоящего русского мужчины". Принимать все близко к сердцу и болеть душой вменяется ей в обязанность представителями обоих полов, причем эти качества занимают по своему весу первых два места по выбору. Примечательно, что эти две черты фактически вытеснили из женского образа прочие характеристики. Некоторое исключение составляет только самообладание ("держит себя в руках"), что, кстати, плохо согласуется с установкой на душевную чувствительность и чувство ответственности (для женской выборки). Как мы видим, образ "настоящей русской женщины" более четкий и концентрированный, в то время как настоящий мужчина воспринимается несколько более размыто и неопределенно.

По данным таблицы, очевидно, что идеология *"unisex"* отвергается, в противном случае ожидаемые качества обоих полов должны были бы если и не полностью совпадать, то во всяком случае не составлять полную противоположность как в представленных выше данных.

Переходя к описанию результатов анализа гендерных стереотипов в среде русских виртуальных сообществ, следует в первую очередь отметить, что в нашей выборке были равнозначно представлены группы различных типов, репрезентирующих весь спектр возможных этнокультурных ценностей (дихотомии "религиозность — секулярность", "прошлое — будущее", "радикализм — умеренный этноцентризм").

Автоматизированный анализ гендерного распределения в изучаемых сообществах продемонстрировал более чем двукратное преобладание русских мужчин-участников (68,1%) над суммарным количеством женщин (31,9%). Объяснение подобному дисбалансу было выявлено нами позднее на материале контент-анализа дискуссий: так, в наблюдаемых групповых дискуссиях отмечался высокий уровень женской конформности в следовании общественно одобряемым ценностям, таким как избегание конфликтогенных сред и радикальных этнических суждений.

В связи с этим участие женщин в радикальных националистических русских группах в одинаковой степени осуждалось представителями обоих полов. Большинство кейсов подобных предписаний укладывалось в вербальное ограничение женских интересов, сум-

мированных нами в высказывании “Женщинам важнее семья, дом и нравственность, политика — мужское дело”.

Напротив, включение женщин в русские сообщества, построенные на обсуждении истории, религии и культуры народа, описывалось участниками групп как допустимая и общественно одобряемая стратегия, что в свою очередь имплицитно привело к преобладанию женщин в подобных умеренных сообществах.

В целом, именно ценностная дифференциация изучаемых виртуальных групп послужила смысловой границей для выделения гендерных стереотипов. В наиболее четкой форме это разграничение проявилось на материалах анализа стереотипов о “настоящей русской женщине”, к которым мы обратимся в первую очередь.

Парадоксально, но несмотря на уже отмеченное нами ранее негативное отношение к женскому участию в радикальных сообществах, именно в данной среде первые три позиции одобряемых женских черт оказались представлены типично-маскулинными характеристиками “сильные”, “самостоятельные” и “мужественные”. Вместе с тем, в 73% случаев обсуждение этих качеств было связано с дискуссиями о женщинах — героях Великой Отечественной войны, чье поведение приводилось в качестве “примера нынешнему поколению девушек”.

В то же самое время, образ “современной русской женщины”, описывался участниками радикальных сообществ с критической позиции: к примеру, участие представительниц женского пола в российской политике характеризовалось ими как “проспонсированное”, в то время как “обычные девушки” удостаивались оценок “куклы размалеванные” и “с ними у народа нет никакого будущего”.

Визуальный контент-анализ изображений женщин в радикальных сообществах также продемонстрировал следование упомянутым трендам. Как фотографии участниц группы, так и абстрактные изображения “идеальных девушек” были объединены мотивами здорового образа жизни, молодости и активности.

Полной противоположностью такого подхода стал образ русской женщины, транслируемый в группах, посвященных в первую очередь православной вере. В них контент-анализ визуальных данных продемонстрировал практически полное отсутствие изображений молодых женщин: редкие фотографии на эту тему носили характер групповых постановочных снимков в церкви (где лица прихожанок трудно различимы), либо представляли собой изображения-отсылки к праведному поведению женщин на Руси (внимание зрителей акцентировалось на традиционной одежде, хозяйственных практиках, окружающей природе).

В свою очередь, личностные характеристики настоящей русской женщины, распространенные в дискурсе религиозных и этнокультурных групп, прямо соотносятся с результатами проведенного нами анкетного опроса. Ранжирование выявленных нами в ходе анализа типичных "феминных" черт продемонстрировало следующие результаты:

"Настоящая русская женщина": 1) отличается духовностью и нравственной чистотой; 2) добра; 3) сострадательна и жертвенна; 4) скромна и романтична; 5) трудолюбива.

Интересно, что категория "ум" не нашла значимого отражения в результатах контент-анализа (к ней относится не более 0,03% высказываний), однако вместе с тем к числу одобряемых женских черт были отнесены характеристики "образованная" и "обладает грамотной речью".

В описании внешних элементов гендерного образа участники нерадикальных сообществ оказались согласны в отношении несомненной красоты русской женщины. Однако важно отметить, что согласно данным автоматического анализа, наибольшее одобрение в форме лайков и перепостов получали посты и фотографии, относящиеся к смысловому блоку "натуральная красота". Длинные волосы, отсутствие яркого макияжа, костюмы и элементы образа, отсылающие к Древней Руси — все это выступило наиболее распространенными чертами внешности русской женщины, транслируемой в сообществах умеренного толка.

Принимая во внимание подробный характер стереотипов о русских женщинах, бытующих в виртуальном пространстве, логичным было бы предположить, что коллективные представления о русских мужчинах будут обладать схожим уровнем детализации. Тем не менее, там, где нормативное поведение и внешность женщин были регламентированы большим количеством правил и стереотипов, черты типичного русского мужчины оказались значительно менее четкими и слабо регулируемыми.

Другим важным аспектом образа русского мужчины стала принципиальная схожесть его элементов в различных по своим ценностным ориентациям сообществах, а также наблюдаемые совпадения между данными анкетного опроса и нереактивного виртуального исследования.

Итак, "настоящий русский мужчина" в представлении участников русских сообществ: 1) может защитить страну и близких[17];

[17] По нашим подсчетам, на изображения солдат, оружия и мужчин в локациях военных действий в разных русских сообществах приходилось от 32 до 54% всех визуальных материалов за последний год.

2) стоек, вынослив (морально и физически); 3) умеет брать на себя ответственность; 4) изобретателен; 5) трудолюбив, не боится тяжелой работы[18].

Говоря о внешности русского мужчины, важно отметить общую для всех изучаемых сообществ "бедность" образа, который по большей части сводился к указаниям на силу и мощь. В то же время, важной частью описания стали характеристики "от обратного", указывающие на то, как не должен выглядеть русский мужчина. К числу подобных запретов относились высказывания "Оделся как хипстор", "Фотографируется как баба" и "Это уже европейский гей, а не русский мужик".

На наш взгляд, подобная "бедность" выявленных коллективных представлений об облике русского мужчины прямо связана с наличием так называемых неписанных границ допустимого, не нуждающихся в дополнительном озвучивании, а потому выпадающими из потенциальных результатов контент-анализа.

Вместе с тем, анализ таких аспектов гендерной стереотипизации, как характер и внешность, по нашему убеждению, не в полной мере описывают этнокультурную обусловленность изучаемых представлений. Именно по этой причине дополнительным аспектом сопоставления в нашем исследовании послужило восприятие супружеских отношений в виртуальном и "реальном" пространствах.

Образы супружеских отношений

Брачные установки так же как и гендерные образы выяснялись в анкетном опросе посредством специальной методики, составленной из русских пословиц, трактующих супружеские отношения с точки зрения соответствия традиционной норме.

Участникам опроса предлагалось оценить степень своего согласия с каждой из 11 пословиц по пятибалльной шкале, где 5 — "полностью согласен", 4 — "скорее согласен", 3 — "в чем-то согласен, в чем-то не согласен", 2 — "скорее не согласен" и 1 — "совершенно не согласен".

Средний балл согласия мужчин со всеми оцениваемыми суждениями составил 3,4 балла, женщин — 3,0 балла. Этот факт косвенно свидетельствует о том, что мужчины несколько в большей мере принимают традиционные нормативные установки, чем женщины.

---

[18] Интересно, что данная характеристика демонстрировалась чаще всего по ходу дискуссий и обсуждений, практически не подкрепляясь визуальными образами.

Таблица 2

Традиционные брачные установки русских респондентов (средний балл; от 5 до 1 балла)

Пословицы	Муж.	Жен.
Муж с женой бранятся, а под одну шубу ложатся	4,5	4,0
Муж и жена — одна сатана	4,2	4,0
Птица крыльями сильна, жена мужем красна	4,2	3,6
Жена без мужа — всего хуже	3,7	2,9
Муж — голова, жена — шея	3,7	4,6
Хоть плох муженек, а завалюсь за него — не боюсь ничего	3,5	2,5
У плохого мужа жена всегда дура	3,4	3,2
Жена мужа не бьет, а под свой нрав ведет	3,3	4,1
Муж пашет, а жена пляшет	2,6	2,5
Кого люблю, того и бью	2,1	1,5
Чужая жена — лебедушка, а своя — полынь горькая	2,0	2,2

Опрошенные мужчины отклоняют только 3 из 11 пословиц (оценка ниже 3 баллов), все они отражают стиль отношений, который безвозвратно уходит в прошлое. Так, “муж пашет, а жена пляшет” не соответствует современной реальности, так как большинство женщин работает, а, учитывая то, что им приходится еще и вести дом, то они “пашут” даже больше, чем их супруги.

Пословица “чужая жена — лебедушка, а своя полынь горькая” во многом потеряла свою актуальность после отказа от восприятия брака как освященного церковью пожизненного союза в пользу допустимости развода и, образно говоря, смены “полыни” на “лебедушку” (серийная моногамия). Важно то, что изменение нормы носит не только институциональный характер, но и принимается на уровне массового сознания.

Изменившийся характер супружеских взаимоотношений обусловливает и низкий уровень согласия с наиболее известной сентенцией “кого люблю, того и бью”. Несмотря на традиционность подобного представления, по сей день бытующего в русской деревне, большинством горожан этот стереотип уже отклоняется в соответствии с современной нормой взаимного уважения.

В отличие от опрошенных мужчин женщины отклоняют еще два стереотипных утверждения: “хоть плох муженек, а завалюсь за

него — не боюсь ничего" (мужчины — 3,5 балла, женщины — 2,5 балла) и "жена без мужа — всего хуже" (соответственно 3,7 балла и 2,9 балла). Обе пословицы достаточно близки по своему содержанию и констатируют типичное для любого традиционного общества представление о неполноценности и маргинальности статуса незамужней женщины, для которой даже самый "плохонький" муж предпочтительнее полного отсутствия такового.

Обратимся к суждениям, которые вызвали наибольшую степень согласия респондентов обоих полов.

Так, у мужчин первое место по оценке заняла пословица "муж с женой бранятся, а под одну шубу ложатся". Иными словами, интимные отношения способны разрешить любой семейный конфликт. Женщины, оценивая это утверждение тоже довольно высоко (4,0 балла), тем не менее ставят его лишь на второе место после суждения "муж — голова, жена — шея" (см. табл. 2).

Сходной по смыслу является менее известная пословица "жена мужа не бьет, а под свой нрав ведет" (4,1 балла, мужчины — 3,3 балла). Обе пословицы косвенно утверждают в качестве нормативного образ типичной русской семьи, где мужчина признается ее главой лишь формально, а в реальности всем заправляет жена, которая вертит им как шея — головой и "ведет под свой нрав".

Это мнимо патриархальный тип семьи, в действительности же близок к матриархатной модели. Мужчины, судя по их ответам, сопротивляются подобным претензиям, хотя частично их и признают.

По этой же причине расходятся во мнениях мужчины и женщины относительно утверждения доминирующей роли мужчины в семье — "птица крыльями сильна, жена мужем красна" (4,2 балла и 3,6 балла). На основании этого можно предположить, что современные женщины в этом уже далеко не так уверены, как их спутники жизни.

Впрочем, все представленные в данном разделе выводы имеют прямое отношение исключительно к выборке, созданной в рамках проведения очного анкетного опроса.

Дизайн второй части нашего исследования, проведенного на материале виртуальных сообществ, не предполагал прямого сравнения численных показателей с опросной методикой. В то же самое время результаты контент-анализа групповых дискуссий и визуальных цифровых следов позволили нам косвенно сопоставить данные первого и второго этапов исследования.

Сообразно с изначальной кластерной выборкой, четыре из десяти изучаемых групп отличались ориентацией на религиозные ценности, еще четыре русских сообщества придерживались секулярного

мировоззрения, а два сообщества придерживались нейтральных мировоззренческих позиций. Наличие подобного разграничения позволило нам выявить аспекты брачных стратегий и образов супружеских отношений, характерных для обеих категорий пользователей.

Итак, по нашим данным 23,4% пользователей русских сообществ, попавших в выборку, отметили в своем профиле графу "состою в браке". Кроме того, 37% от числа индивидуальных пользователей заявили на своих страницах, что именно семья и дети представляют для них наибольшую ценность, что существенно превысило иные категории ценностей, такие как саморазвитие (16,4%) и деньги/власть (11,7%).

Однако нельзя не отметить, что эти показатели действительно существенно различались внутри сообществ с разными ценностными ориентациями: так, 62,8% пользователей в православных русских группах состоят в законном браке, в то время как для радикальных секулярных групп данный показатель составляет 17,3%.

Переходя к качественным характеристикам, следует отметить высокий уровень традиционализма, типичный для русских сообществ, связанных с религиозной проблематикой. С опорой на мнение экспертов, которыми в данной среде выступали высказывания святых, трактования священников и сказания, участники сообществ обоих полов отмечали следующие одобряемые брачные установки:

Для женщин:

1. Уважать мужа и родителей, быть послушной и праведной.
2. Заниматься в первую очередь воспитанием детей, быть хранительницей домашнего очага.
3. Соблюдать скромность и целомудрие, выбирать супруга один раз и на всю жизнь.

Для мужчин:

1. Обеспечивать семью, быть добытчиком.
2. Брать ответственность за решения в семейном кругу.
3. Заниматься поиском жены для продолжения рода.

Все названные черты гендерного поведения фактически поддерживают патриархальную модель русской семьи, которая согласно данным анкетного опроса постепенно начинает отходить в иных социальных кругах на второй план. По нашему мнению, смысловая связка "русская этничность — православие" обеспечила высокий уровень брачного консерватизма среди участников религиозных сообществ, где наблюдается ценностная и мировоззренческая гомогенность.

Вместе с тем, проводя сравнение между брачными установками религиозных и секулярных русских групп, стоит отметить ряд сходств и различий:

– В обоих типах сообществ наблюдалось преобладание позиции “мужчина всегда прав”, которая, впрочем, имела разные основания: традиционный взгляд на место женщины в умеренных православных группах (“Так было у наших дедов”) и презрительно-высокомерное отношение к современной женщине в радикальных секулярных группах (“Делать больше нечего, как этих гламурных кис слушать”).

– Различия в оценке ценности семьи и брака, который для участников секулярных сообществ обоих полов имел статистически меньшее значение, нежели для пользователей, включенных в религиозные группы.

Выводы

1. Гендерные схемы — представления о “правильных” моделях мужского и женского поведения, которым должны следовать “настоящие русские мужчины и женщины”, меняются медленнее, чем модели супружеских отношений. Это, безусловно, противоречие ценностных установок, которое участники опроса сами не замечают. Ведь “маскулинный” мужчина и “фемининная” женщина явно будут чувствовать себя в партнерской семье не очень удобно, им бы скорее подошел традиционный брак с четкой иерархией статусов и ролей.

2. В целом мужчины более традиционны как в гендерных стереотипах, так и в представлении о нормах супружеских отношений. Большей готовностью мужчин следовать общепринятой культурной норме, на наш взгляд, объясняется явное противоречие между позициями женщин как представительниц пола и женщин как жен. Можно предположить, что в поисках спутника жизни современной женщине в России приходится в известной степени мимикрировать, подстраиваясь под мужской идеал женственности, вполне определенный и патриархальный. Но, став женой и “шеей” семейного союза, та же женщина может себе позволить менее “фемининное поведение”, с которым волей-неволей приходится мириться ее мужу. Эта гипотеза требует более детального изучения, однако она в полной мере соответствует выявленным в ходе исследования эмпирическим фактам.

3. Необходимо подчеркнуть, что все эти данные отражают этнокультурную обусловленность установок русских по националь-

ности петербурженок, т.е. выводы следует лишь с осторожностью экстраполировать на общероссийскую выборку, не говоря уже о представителях других национальностей.

4. Реализация таких аспектов идентичности как этничность и гендер в киберпространстве приобретает несколько иные характеристики по сравнению с так называемой "реальной" гендерной идентичностью, что вероятнее всего обусловлено специфическими особенностями участников виртуальных сообществ.

5. В виртуальном пространстве фиксируется высокий уровень конформности женщин в следовании общественно одобряемым ценностям, в частности, в избегании конфликтогенных сред и радикальных этнических суждений.

6. Участие женщин в радикальных националистических сообществах осуждается представителями обоих полов, в то время как стратегия включения женщин в сообщества, построенные на обсуждении истории, культуры и религии одобряется.

7. Идеальная русская женщина отличается здоровым образом жизни, молодостью, активностью и "натуральной красотой" (длинные волосы, отсутствие макияжа).

8. Нормативное поведение женщины в виртуальных сообществах регламентируется большим числом правил и стереотипов, чем поведение мужчины.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Введение в гендерные исследования / Под. ред. И.А. Жеребкина. Ч. I. Харьков, 2001.

Залевский Г.В., Кузьмина Ю.В., Разгоняева Е.В. Гендерные особенности этнических стереотипов студенческой молодежи // Сибирский психологический журнал. 2005. № 21.

Ильин Е.В. Пол и гендер. СПб., 2009.

Лобко Н.А. Традиционные гендерные стереотипы в культуре современной России // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2012. № 4 (170).

Петренко В.Ф., Митина О.В. К проблеме евразийства: этнические гендерные стереотипы // Вестник университета (Государственный университет управления). 2011. № 18. С. 61–69.

Рябов О.В. Миф о русской женщине в отечественной и западной историософии // Философские науки. 2000. № 3.

Сикевич З.В., Крокинская О.К., Поссель Ю.А. Социальное бессознательное. СПб., 2004.

Сикевич З.В., Фёдорова А.А. "Мы — русские" (ассоциативные этнические образы молодых петербуржцев) // Социологическая наука и социальная практика. 2019. № 7 (3).

Ушакова В.Г. Семейная политика в современной России: социологический анализ // Демографические изменения и семейная политика в России и Китае. СПб., 2015.

Шилова Т.А. Миф о русской женщине на страницах интернета: к вопросу о гендерном аспекте этнической стереотипизации // Гендерные исследования в гуманитарных науках: современные подходы. 2000.

REFERENCES

Allan G. Family life. Oxford, 1985.

Castells M. The Power of Identity. Oxford, 1997.

Garg N., Schiebinger L., Jurafsky D. Word embeddings quantify 100 years of gender and ethnic stereotypes // Proceedings of The National Academy of Sciences of The United States of America. 2018. N 115 (16). P. E3635–E3644.

Garrett C., Ein P., Tremaine L. The development of gender stereotyping of adult occupations in elementary school children // Child Development. 1977. N 48. P. 507–512.

Ghavami N., Peplau L. An intersectional analysis of gender and ethnic stereotypes: testing three hypotheses // Psychology of Women Quarterly. 2013. N 37 (1). P. 113–127.

Goode W. World revolution and family patterns. N.Y., 1997.

Hochschild A. So how's the family? and other essays. Berkeley, 2013.

Ilin Ye.V. Pol i gender [Sex and gender]. SPb., 2009 (in Russian).

Lee R. Unobtrusive methods in social research. Buckingham, 2000.

Lobko N.A. Tradicionnye gendernye stereotipy v kul'ture sovremennoj Rossii [Traditional gender stereotypes in the culture of modern Russia] // Izvestija vysshih uchebnyh zavedenij. Severo-Kavkazskij region. Serija: Obshhestvennye nauki. 2012. N 4 (170) (in Russian).

Money J., Ehrhardt A. Man & woman, boy & girl: gender identity from conception to maturity. Northvale, 1996.

Petrenko V.F., Mitina O.V. K probleme evrazijstva: jetnicheskie gendernye stereotipy [To the problem of Eurasianism: ethnic gender stereotypes] // Vestnik universiteta (Gosudarstvennyj universitet upravlenija). 2011. N 18. S. 61–69 (in Russian).

Poster M. Virtual ethnicity: tribal identity in an age of global communications // Cybersociety 2.0: Revisiting CMC and community. L., 1998.

Rjabov O.V. Mif o russkoj zhenshhine v otechestvennoj i zapadnoj istoriosofii [Myth of Russian woman in Russian and Western philosophy of history] // Filosofskie nauki. 2000. N 3 (in Russian).

Shilova T.A. Mif o russkoj zhenshhine na stranicah interneta: k voprosu o gendernom aspekte jetnicheskoj stereotipizacii [Myth about the Russian woman on the Internet: on the issue of gender aspect of ethnic stereotyping] // Gendernye issledovanija v gumanitarnyh naukah: sovremennye podhody. 2000 (in Russian).

Sikevich Z.V., Fedorova A.A. "My — russkiye" (assotsiativnyye etnicheskiye obrazy molodykh peterburzhtsev) ["We are Russians" (associative ethnic images of young Petersburgers)] // Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika, 2019. N 7 (3). S. 40–56 (in Russian).

Sikevich Z.V., Krokinskaia O.K., Possel' Iu.A. Sotsial'noe bessoznatel'noe [Social unconsciousness]. SPb., 2004 (in Russian).

The development of sex differences / Ed. by E. Maccoby. Stanford, 1966.

Ushakova V.G. Semeynaya politika v sovremennoy Rossii: sotsiologicheskiy analiz [Family policy in modern Russia: a sociological analysis] // Demograficheskiye izmeneniya i semeynaya politika v Rossii i Kitaye [Demographic Change and Family Policy in Russia and China] / Ed. by N.G. Skvortsov. SPb., 2015 (in Russian).

Vvedeniye v gendernyye issledovaniya [Introduction to gender studies] / Ed. by I.A. Zherebkina. Khar'kov, 2001 (in Russian).

Zalevskij G.V., Kuz'mina Ju.V., Razgonjaeva E.V. Gendernye osobennosti jetnicheskih stereotipov studencheskoj molodezhi [Gender features of ethnic stereotypes of student youth] // Sibirskij psihologicheskij zhurnal. 2005. N 21 (in Russian).

DOI: 10.24290/1029-3736-2020-26-3-200-213

ГЕНДЕРНАЯ ДИСКРИМИНАЦИЯ В СФЕРЕ ТРУДОУСТРОЙСТВА В Г. МОСКВЕ

О.В. Кабайкина, асп. кафедры современной социологии социологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, МГУ, д. 1. стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119 234*

В представленной статье рассматривается гендерное неравенство в сфере труда в г. Москве. Целью данной работы является определение остроты дискриминации мужчин и женщин в вопросах трудоустройства, и то, насколько гендерный аспект актуален на московском рынке труда. Именно в столицу приезжают люди из других регионов, чтобы устроиться на работу, и поэтому город Москва является центром трудоустройства российских граждан со всей страны. Важно проследить, насколько равны возможности у мужчин и женщин в столице найти желаемую работу, с какими трудностями сталкиваются кандидаты при поиске и выборе места работы. Приведена законодательная база, призванная обеспечить равенство всех граждан перед законом, а также показано, насколько принцип равенства реализуется на практике. Для этого приведены результаты проведенного авторского опроса экспертов HR-менеджеров (проживающих в г. Москве), которые специализируются на изучении рынка труда и проходящих на нем процессов, а также исследований, которые проводятся работными сайтами Headhunter, Superjob, кадровым агентством Hays. В итоге определено, что на московском рынке труда испытывают дискриминацию и мужчины, и женщины, и в большей степени это связано с мнением самих кандидатов, где они больше могут себя реализовать, и сколько должна составлять их заработная плата. При этом гендерное неравенство теряет свою остроту на фоне других проблем, и также экспертами прогнозируется все большее уменьшение разницы между положением мужчин и женщин на рынке труда.

Ключевые слова: *гендер, гендерное неравенство, гендерный вопрос, рынок труда, трудоустройство, опрос экспертов, Москва.*

GENDER DISCRIMINATION IN EMPLOYMENT IN MOSCOW

Kabaikina Olga V., Post-graduate student of Contemporary Sociology Department, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninskie Gory, 1. bldg. 33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: kabaykinaov@mail.ru

The article presents gender inequality in the sphere of work in Moscow city. The purpose of this work is to determine the acuteness of discrimination men and women in matters of employment, and to understand how the gender aspect is relevant in the Moscow

* **Кабайкина Ольга Владимировна,** e-mail: kabaykinaov@mail.ru

labor market. People from other regions come to the capital to get a job, and therefore the city of Moscow is the center of employment of Russian citizens from all over the country. It is important to monitor how equal are the opportunities for men and women in the capital to find the desired job, what difficulties candidates face in finding and choosing a job with. I provide a legislative framework designed to ensure the equality of all citizens before the law, and show how the principle of equality is implemented in practice. For this I present the results of the author's survey of HR experts-managers who specialize in studying the labor market and the processes taking place on it, as well as research conducted by the Headhunter, Superjob job sites, the Hays recruitment agency. As a result, it has been determined that in the labor market both men and women experience discrimination, and this is connected with the opinion of the candidates, they define, where can more realize themselves, and what salary should be for them. At the same time, gender inequality loses its sharpness against the background of other problems, and experts predict a growing decrease in the difference between the positions of men and women in the labor market.

Key words: *gender, gender inequality, gender issue, labor market, employment, expert survey, Moscow.*

Обозначение проблемы, постановка цели и задач

Проблемы, которые возникают в сфере трудоустройства в настоящее время, являются одними из наиболее важных и острых проблем в связи с происходящими экономическими кризисами, санкциями, массовой безработицей, которые грозят ухудшению качества жизни людей и понижают их уровень жизни. Можно отметить примеры таких проблем, как низкие заработные платы, нехватка рабочих специальностей и узких технических специалистов, необходимость массовой переквалификации сотрудников в связи с автоматизацией многих процессов и т.д. Гендерный вопрос и связанные с ним проблемы — лишь часть всех проблем, которые социологи отмечают на рынке труда. Положение мужчин и женщин в сфере труда широко изучают зарубежные исследователи: Ричард Коннелл[1], Гирт Хофстед[2], Мэри Баррет, Мэрилин Девидсон[3], Кэрол Гиллиган[4], Джозеф Плек[5]. В нашей стране такие вопросы находятся в центре внимания следующих социологов: З.Т. Голенковой, Е.Д. Игитханян[6], И.А. Жереб-

---

[1] *Connell R.W.* Masculinities Sydney. Sydney, 1995.

[2] Geert Hofstede and associates, masculinity and femininity. The taboo dimension of national cultures // Sage Publications. 1998. N 3.

[3] *Barret M., Davidson M.J.* Gender and communication at work. Aldershot, 2006.

[4] *Гиллиган К.* Иным голосом: психологическая теория и развитие женщин // Этическая мысль: Научн-публицист. чтения. 1991 / Общ. ред. А. А. Гусейнова. М., 1992. С. 352–371.

[5] *Pleck J.* The male sex role: definitions, problems, and sources of change // Journal of Social Issues. 1976. Vol. 32. P. 155–164.

[6] *Голенкова З.Т., Игитханян Е.Д.* Социальные неравенства в современной России: субъектность, основные направления развития // Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость (Екатеринбург, 19–21 октября

киной[7], Е.А. Здравомысловой[8], А.А. Темкиной[9], Н.Л. Пушкаревой[10], Г.Г. Силласте[11], И.С. Кона[12].

В этой статье будут рассмотрены трудности трудоустройства мужчин и женщин, особенности гендерного неравенства на российском рынке труда на примере города Москвы.

Целью данной работы является выявление остроты гендерной дискриминации в сфере трудоустройства. Для достижения данной цели необходимо решить следующие задачи:

1. Обозначить законодательную базу, предоставляющую гарантии обеспечению гендерного равенства на рынке труда.
2. Рассмотреть реальное положение мужчин и женщин на рынке труда путем эмпирического исследования, которое было проведено в виде опроса экспертов — HR-менеджеров, являющихся специалистами в области трудоустройства.
3. Определить степень важности и остроты гендерного вопроса на столичном рынке труда и обозначить прогнозы по дальнейшему существованию гендерного неравенства в г. Москве.

Законодательная база, предоставляющая гарантии обеспечения гендерного равенства на рынке труда

Первым и самым важным гарантом прав и свобод человека и гражданина РФ является Конституция РФ. В статье 19 оговаривается: “Государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств. Запрещаются любые формы ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности”[13].

2016 года). Материалы V Всероссийского социологического конгресса / Отв. ред. В.А. Мансуров. М., 2016. С. 7364–7370.

[7] *Жеребкина И.А.* Теория и история феминизма. Курс лекций. Харьков, 1997.

[8] *Здравомыслова Е.А., Темкина А.А.* 12 лекций по гендерной социологии. СПб., 2015.

[9] *Темкина А.А.* Феминизм: Запад и Россия // Преображение (Русский феминистический журнал). 1995. № 3. С. 5–17.

[10] *Пушкарева Н.Л.* Гендерная теория и историческое знание. СПб., 2007.

[11] *Силласте Г.Г.* Гендерная социология и российская реальность. М., 2016.

[12] *Кон И.С.* Мужчина в меняющемся мире. М., 2009.

[13] Цит. по: Конституция РФ. Гл. 2. Права и свободы человека и гражданина. Ст. 19. URL: http://constrf.ru/razdel-1/glava-2/st-19-krf (дата обращения: 15.06.2017).

Далее можно говорить о том, что разрабатываются законопроекты, способствующие утверждению равных прав граждан во всех сферах общественной жизни. Один из них закон 2003 г. "О гарантиях равноправия мужчин и женщин"[14]. В законе специально оговаривалась необходимость обеспечения равного доступа к вакантным местам, а также равной заработной платы. А в июле 2013 г. Государственная дума приняла поправки к закону о занятости № 162-ФЗ "О дискриминации при найме на работу"[15]. Теперь запрещается "распространение информации о свободных рабочих местах или вакантных должностях, содержащей сведения о каком бы то ни было прямом или косвенном ограничении прав или об установлении прямых или косвенных преимуществ в зависимости от пола, расы, цвета кожи, национальности, языка, происхождения, имущественного, семейного, социального и должностного положения, возраста, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности или непринадлежности к общественным объединениям или каким-либо социальным группам, а также других обстоятельств, не связанных с деловыми качествами работников"[16].

Разрабатываются Национальные стратегии, способствующие обеспечению гендерного равенства. Последняя принята 8 марта 2017 г. и действует на данный момент — Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2017–2022 гг.[17]. В ней подробно прописано, какие сложности испытывают женщины в различных сферах общественной жизни, и какие необходимо принять меры для улучшения их положения.

Таким образом, можно видеть, что на законодательном уровне предпринимаются попытки искоренить практику ограничений принятия на работу по половому, возрастному или национальному

---

[14] Законопроект № 284965-3 "О государственных гарантиях равных прав и свобод мужчин и женщин, и равных возможностей для их реализации". URL: http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28Spravka%29?OpenAgent&RN=284965-3 (дата обращения: 12.11. 2017).

[15] Федеральный закон от 02.07.2013 N 162-ФЗ «О внесении изменений в Закон Российской Федерации "О занятости населения в Российской Федерации" и отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 14.07.2013. URL: http://base.garant.ru/70405682/ (дата обращения: 02.02.2018).

[16] Цит. по: Федеральный закон от 02.07.2013 N 162-ФЗ «О внесении изменений в Закон Российской Федерации "О занятости населения в Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации" от 14.07.2013. URL: http://base.garant.ru/70405682/ (дата обращения: 02.02.2018).

[17] Распоряжение Правительства РФ № 410-р от 8 марта 2017 г. "Об утверждении Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2017–2022 годы". URL: https://rosmintrud.ru/ministry/programms/8/5 (дата обращения: 17.03.2019).

признаку. Но московский рынок труда, свободный по форме, подвергается влиянию множества локальных ограничений, предрассудков и стереотипов культурного плана.

Методы и результаты исследования

Для определения реальных проблем на рынке труда, в частности положения мужчин и женщин, было проведено авторское социологическое исследование — опрос среди экспертов HR-менеджеров (50 человек), живущих в Московском регионе, которые ориентируется в вопросах трудоустройства в нашей стране и в особенности в столице, могут дать экспертную оценку процессам, происходящим в сфере трудоустройства. Источником получения вспомогательных эмпирических данных являются результаты исследований, проведенных Фондом общественного мнения, Всероссийским центром изучения общественного мнения, специализированными сайтами в сфере трудоустройства Hays, Headhunter, Superjob.

Менеджеры по подбору персонала являются главными экспертами в области трудоустройства. Они осведомлены о ситуации на рынке труда, могут корректировать предложения о работе со стороны работодателей, часто принимают окончательное решение по приему на работу того или иного кандидата. Менеджеры по персоналу могут детально рассказать, что происходит на данный момент в области трудоустройства, с какими проблемами сталкиваются соискатели и работодатели на московском рынке труда, поэтому они и стали респондентами данного исследования.

Были выбраны эксперты, которые проработали от двух лет на позиции HR-менеджера, проживающие в г. Москве и работающие в разных сферах трудоустройства: ресторанном бизнесе, логистике, IT-технологиях и других. Эксперты делились контактами своих коллег, поэтому одним из способов формирования выборочной совокупности был использован такой метод, как “снежный ком”. Под ним подразумевается привлечение самих респондентов к поиску последующих интервьюируемых, они дают свои рекомендации, кого опрашивать на представленную тему. В связи с тем, что ситуация на рынке постоянно меняется, менеджеры по персоналу, повышая свою квалификацию, общаются друг с другом, делятся опытом и знаниями с коллегами. Также можно отметить, что с развитием информационных технологий в настоящее время распространены случаи создания групп интересов в социальных сетях, например: ВКонтакте, Facebook, Одноклассники, LinkedIn. И наиболее активными сетями среди HR-менеджеров являются Facebook и LinkedIn.

Помимо результатов полевого исследования использованы данные, полученные кадровым агентством Hays, сотрудники которого с 16 января по 3 февраля 2017 г. проводили опрос под названием "Гендерная диверсификация в мире карьеры и бизнеса 2017" среди клиентов и кандидатов российских офисов Hays, в опросе приняли участие 1 614 респондентов[18]. Проработаны вторичные данные, которые получены центрами специализированных сайтов — Headhunter, Superjob.

В результате определено, что в столице продолжают существовать "мужские" и "женские" профессии, которые свидетельствуют о преобладании мужчин или женщин в различных сферах. Если необходимо применение физической силы, то работодатели предпочтут мужчин (сварщики, грузчики), а если на работе нужны такие качества, как усидчивость, внимательность, коммуникабельность, — предпочтение отдается женщинам. Можно отметить, что существуют различные зарплатные ожидания у мужчин и женщин, причем последние готовы работать по более низкой ставке по сравнению с мужчинами. Также широко определение самими кандидатами своих профессиональных ниш, т.е. кандидаты сами формируют рынок спроса на определенные позиции и рынок предложения — вакансии.

Можно указать некоторые профобласти, контраст в которых достаточно выражен, если судить по количеству резюме на Headhunter[19]:

– информационные технологии: 19% женщин и 81% мужчин;
– бухгалтерия, управленческий учет, финансы предприятия: 87% женщин и 13% мужчин;
– высший менеджмент: 30% женщин и 70% мужчин;
– спортивные клубы, фитнес, салоны красоты: 74% женщин и 26% мужчин;
– наука, образование: 78% женщин и 22% мужчин;
– рабочий персонал: 10% женщин и 90% мужчин;
– производство: 20% женщин и 80% мужчин;
– медицина, фармацевтика: 71% женщин и 29% мужчин;
– административный персонал: 75% женщин и 25% мужчин.

---

[18] Исследование "Гендерная диверсификация в мире карьеры и бизнеса 2017" рекрутинговой компании Hays. URL: https://www.hays.ru/Женщины-и-карьера-2017/index.htm (дата обращения: 10.03.2018).

[19] Исследование Headhunter "Зачем работодатели стремятся уравновесить количество мужчин и женщин". URL: https://hh.ru/article/24021?utm_campaign=misc_emp_weekly_article24021_050219&utm_medium=email&utm_source=email (дата обращения: 19.03.2019).

Относительный баланс можно увидеть у юристов (59% женщин и 41% мужчин), в продажах (56% женщин и 44% мужчин) и в консультировании (54% женщин и 46% мужчин).

Разделение профессий на "мужские" и "женские" влечет за собой существенную разницу в оплате труда, так как женщина выполняет менее оплачиваемую работу в большинстве случаев по сравнению с мужчинами. По данным Росстата за 2015 г., заработная плата женщин значительно отстает от заработной платы мужчин (38 605 руб. у мужчин против 28 021 руб. у женщин)[20].

Само понимание "работника" предполагает, что это мужчина, у которого есть женщина, домохозяйка, обеспечивающая все его повседневные нужды. Поэтому полноценными работниками являются только мужчины, и их "полноценность" основана на возможности пользоваться результатами женского труда в приватной сфере[21].

Тем не менее, в обществе становится заметной постепенная диверсификация в профессиональной принадлежности женщин и некоторое приближение к равной оплате за равный труд[22].

Наблюдается усиление роли женщин в принятии решений и на различных позициях в трудовой сфере, продвижение гендерного равенства[23].

В доказательство вышесказанного следует отметить, что в последнее время все чаще женщины создают свое собственное дело и становятся предпринимателями. По результатам исследования Grant Thornton, проведенного в 2017 г., Россия третий год подряд остается мировым лидером по доли женщин-руководителей[24].

Экспертами отмечается, что гендерный дисбаланс в Московском регионе постепенно стирается. Мужчины также испытывают дискриминацию в некоторых сферах, как и женщины. А по сравнению с проблемами, касающихся возраста кандидатов, гендерная дискриминация теряет свою остроту.

---

[20] Федеральная служба государственной статистики: официальный сайт. 2017. URL: http://www.gks.ru (дата обращения: 03.02. 2018).

[21] *Семина М.В.* Воспроизведение гендерно-классовых иерархий в постсоветской России // Актуальные вопросы современной социологической теории. Ломоносовские чтения–2003. М., 2003.

[22] Наемный работник в современной России / Отв. ред. З.Т. Голенкова. М., 2015. С. 269.

[23] Там же. С. 270.

[24] Grant Thornton International "Women in business 2017: New perspectives on risk and reward". URL: https://www.fbk.ru/upload/docs/grant-thornton_women-in-business_2017-report.pdf (accessed: 15.08.2018).

Исследователи Hays также выявили, что в российских компаниях немного больше женщин-топов, чем в международных (18% против 14%). А женщин на позиции линейного менеджера за год стало на 8% больше — 45%[25].

В заключении этого исследования своим мнением делится Михеева Анна, которая является руководителем направлений Legal, HR, Office support и Financial Institutions рекрутинговой компании Hays в России. Она отмечает, что «продвижение на высокие посты чаще всего происходит с позиций, которые связаны с развитием бизнеса. Этот блок, как правило, привлекает мужчин, так как эта сфера предполагает жесткость в принятии решений, мобильность и некоторую нестабильность, связанную с возможными рисками. Женщины чаще мотивированы на стабильность, семью, этот фактор делает их амбиции относительно карьеры более умеренными. До сих пор есть ряд индустрий и профессий, которые более популярны среди мужчин, например, IT, добывающая промышленность, производство (особенно в удаленных регионах). В перечисленных отраслях большое значение имеет высшее образование, и женщин в подобных профильных вузах намного меньше. Работодатель часто ориентируется на финансовые ожидания кандидатов, и наши наблюдения показывают, что женщины при переходе запрашивают меньшее повышение заработной платы, чем мужчины. Тем не менее, когда работодатель размещает позицию, он закладывает определенную финансовую "вилку", и она не меняется в зависимости от пола потенциального кандидата. Выбор все же делается по совокупности факторов (опыт, квалификации, мотивация и т.д.)»[26].

На основании вышесказанного приведем следующие выводы:

1) дискриминацию в сфере трудоустройства в Московском регионе испытывают на себе как женщины, так и мужчины, т.е. продолжают существовать "мужские" и "женские" профессии;

2) уровень карьерных и зарплатных ожиданий у женщин ниже, чем у мужчин;

3) рынок труда в большей степени формируют сами кандидаты, которые определяют свои профессиональные ниши;

---

[25] Исследование "Гендерная диверсификация в мире карьеры и бизнеса 2017" рекрутинговой компании Hays. URL: https://www.hays.ru/Женщины-и-карьера-2017/index.htm (дата обращения: 10.03.2018).

[26] Цит. по: Исследование "Гендерная диверсификация в мире карьеры и бизнеса 2017" рекрутинговой компании Hays. URL: https://www.hays.ru/Женщины-и-карьера-2017/index.htm (дата обращения: 10.03.2018).

4) работодатели в основном не придают большого значения половому признаку кандидатов, большую роль играют компетенции сотрудника;

5) однако важна специфика продукта, с которым компания работает, она может влиять на то, как организация себя позиционирует, с какой аудиторией работает, и в зависимости от этого принимается решение о выборе между мужчинами и женщинами о найме на работу. Например, если компания занимается ювелирными украшениями, то коллектив такой организации женский, если компания занимается строительными материалами, то состав организации заведомо будет мужским.

При этом гендерный вопрос теряет свою остроту по сравнению, например, с возрастными ограничениями при найме персонала. И в будущем прогнозируется, гендерный вопрос в сфере трудоустройства будет снят, особенно на столичном рынке труда, с продвижением женщин на различные посты в компаниях, созданием своих собственных организаций, увеличением зарплатных ожиданий наравне с мужчинами. То же касается и мужчин, на административных позициях которых наблюдается намного меньше женщин, их положение будет выравниваться. Известны случаи ухода мужчин в декретные отпуска, взятие больничных наравне с женщинами, и таких моментов будет больше.

Наблюдается увеличение видов профессиональной деятельности и возможностей занятости, тем самым женщинам и мужчинам предоставлена большая свобода в реализации своих профессиональных и зарплатных притязаний. На данный момент созданы условия для построения карьеры не только для мужчин, но и женщин, которые благодаря различным курсам и сообществам могут не терять профессиональную квалификацию во время декретных отпусков или при наличии детей.

Следует отметить, что происходит изменение семейной и профессиональной роли мужчин, которые на данный момент не являются единственными кормильцами в семье, женщины наравне с ними зарабатывают и обеспечивают высокий доход семье. Однако пока сохраняются традиционные представления о мужественности, в рамках которых мужчина должен зарабатывать больше женщины и больше времени уделять построению карьеры, а не семье, но революция в представлениях о равенстве уже произошла среди россиян, о чем свидетельствуют результаты проведенного исследования ВЦИОМ “Равенство в семье: от деклараций — к реальности?”, которое было проведено в 2018 г. и показало, что в российском обществе граждане

выступают за равноправие в семье (82% от всего числа опрошенных), и данное убеждение реализуется на практике (72% респондентов)[27].

Принимаемые государственными органами законопроекты и Национальные стратегии, которые закрепляют принцип равенства как главенствующий в обществе, мало реализуются на практике в частных вопросах. Они в большей степени неэффективны в современных условиях московского рынка. Например, очень тяжело задокументировать деятельность так называемых "фрилансеров", которые не оформляют документы на выплату налогов, но при этом оказывают образовательные и консалтинговые услуги. Очень много сохраняется компаний с "серой" и "черной" заработными платами, что также не соответствует стандартам, принимаемым на законодательном уровне. Известны случаи, когда работодатели просят писать сотрудников заявления об увольнении по собственному желанию, чтобы не выплачивать компенсации при сокращении последних, что тоже противоречит моральным устоям общества, но никак не может быть задокументировано.

Для решения существующих проблем эксперты предлагают большое внимание уделить работе с молодым поколением в рамках его профориентации, вовлечению его в различные инновационные сферы труда, а также переквалификации более взрослого поколения людей, которые могли бы заниматься экономической деятельностью в соответствии со своими потребностями и желаниями, что является довольно острой проблемой в связи со старением российского населения и увеличением пенсионного возраста.

Необходима поддержка самозанятости, предпринимательской деятельности женщин на основе различных центров социально ориентированных некоммерческих организаций, которые уже создаются и работают в российской действительности. К таким центрам можно отнести: Евразийское женское сообщество, женские центры, видеохостинги, видеоблоги — которые выполняют функции информирования и поддержки женщин, испытывающих сложности в сфере трудоустройства или создающих свой собственный бизнес. Такие же интернет-площадки предлагается создать и для мужчин, которые также могут сталкиваться с различными проблемами на рынке труда[28].

---

[27] Пресс-выпуск № 3597 "Равенство в семье: от деклараций — к реальности?" // Исследование ВЦИОМ. URL: https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116735 (дата обращения: 09.03.2018).

[28] Материалы секции "Будущее уже рядом — II. Трансформация гендерных ролей: от прошлого к будущему" // Материалы VII Грушинской конференции. URL: https://wciom.ru/index.php?id=1049 (дата обращения: 05.08.2017).

По мнению экспертов, следует проводить постоянный мониторинг ситуации на московском рынке труда и происходящих на нем изменений. Необходимо знакомить с результатами анализа широкую общественность с целью комплексного информирования граждан о состоянии сферы труда и давать рекомендации по трудоустройству, чем на данный момент занимаются "карьерные консультанты", однако их услуги должны быть общеизвестны и бесплатны. Работа по данному направлению ведется центрами специализированных сайтов о работе — Headhunter, Superjob, а также различными кадровыми агентствами, однако на некоторые их услуги введена подписка, что отталкивает людей, которые в связи с получением большого числа предложений о рекламных, платных услугах, отписываются от них. А у кадровых агентств услуга информирования кандидатов о ситуации на рынке труда также может требовать определенную плату, что кандидатов не устраивает. При этом много людей при поиске работы указывают в своих резюме, чтобы кадровые агентства им вовсе не звонили в связи с недоверием к таким структурам. Как показывает практика, люди убеждены, что при обращении в кадровые агентства они потеряют деньги и время, так как нет никаких гарантий, что человек, который к ним обратился, будет трудоустроен.

Некоторые эксперты, которые участвовали в опросе, имели опыт работы в различных кадровых агентствах. По их словам, все больше людей обращаются к непрямым работодателям за помощью в трудоустройстве по сравнению с предыдущими годами, особенно это видно в сравнении столицы и регионов. В последних люди более консервативны и предпочитают общаться только с прямыми работодателями.

Можно подвести итог, что гендерное неравенство продолжает существовать в экономической сфере в Московском регионе, но оно теряет свою остроту и первостепенное значение. На первый план выходят проблемы, связанные с возрастом потенциальных кандидатов, а также менталитетом самих кандидатов, которые сами определяют, в каких сферах смогут больше реализовать себя.

По мнению экспертов, в будущем элементы гендерного неравенства продолжат сглаживаться. Будет больше возможностей у мужчин и женщин трудоустраиваться в соответствии со своими ожиданиями. Увеличится число женщин и мужчин в новых для них сферах и на позициях разного уровня, для которых требуется специализированное образование и специфические знания и навыки, которые будут доступны как мужчинам, так и женщинам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гиллиган К. Иным голосом: психологическая теория и развитие женщин // Этическая мысль: Научно-публицистические чтения. 1991 / Общ. ред. А.А. Гусейнова. М., 1992. С. 352–371.

Голенкова З.Т., Игитханян Е.Д. Социальные неравенства в современной России: субъектность, основные направления развития // Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость (Екатеринбург, 19–21 октября 2016 года). Материалы V Всероссийского социологического конгресса / Отв. ред. В.А. Мансуров. М., 2016. С. 7364–7370.

Жеребкина И.А. Теория и история феминизма. Курс лекций. Харьков, 1997.

Законопроект № 284965-3 "О государственных гарантиях равных прав и свобод мужчин и женщин, и равных возможностей для их реализации". URL: http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28Spravka%29?OpenAgent&RN=284965-3 (дата обращения: 12.11.2017).

Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. 12 лекций по гендерной социологии. СПб., 2015.

Исследование "Гендерная диверсификация в мире карьеры и бизнеса 2017" рекрутинговой компании Hays. URL: https://www.hays.ru/Женщины-и-карьера-2017/index.htm (дата обращения: 10.03.2018).

Исследование Headhunter "Зачем работодатели стремятся уравновесить количество мужчин и женщин". URL: https://hh.ru/article/24021?utm_campaign=misc_emp_weekly_article24021_050219&utm_medium=email&utm_source=email (дата обращения: 19.03.2019).

Кон И.С. Мужчина в меняющемся мире. М., 2009.

Конституция РФ. Гл. 2. Права и свободы человека и гражданина. Ст. 19. URL: http://constrf.ru/razdel-1/glava-2/st-19-krf (дата обращения: 15.06.2017).

Материалы секции "Будущее уже рядом — II. Трансформация гендерных ролей: от прошлого к будущему" // Материалы VII Грушинской конференции. URL: https://wciom.ru/index.php?id=1049 (дата обращения: 05.08.2017).

Наемный работник в современной России / Отв. ред. З.Т. Голенкова. М., 2015.

Пресс-выпуск № 3597 "Равенство в семье: от деклараций — к реальности?" // Исследование ВЦИОМ. URL: https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116735 (дата обращения: 09.03.2018).

Пушкарева Н.Л. Гендерная теория и историческое знание. СПб., 2007.

Распоряжение Правительства РФ № 410-р от 8 марта 2017 г. "Об утверждении Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2017–2022 годы". URL: https://rosmintrud.ru/ministry/programms/8/5 (дата обращения: 17.03.2019).

Семина М.В. Воспроизведение гендерно-классовых иерархий в постсоветской России // Актуальные вопросы современной социологической теории. Ломоносовские чтения–2003. М., 2003.

Силласте Г.Г. Гендерная социология и российская реальность. М., 2016.

Темкина А.А. Феминизм: Запад и Россия // Преображение (Русский феминистический журнал). 1995. № 3. С. 5–17.

Федеральная служба государственной статистики: официальный сайт. 2017. URL: http://www.gks.ru (дата обращения: 03.02. 2018).

Федеральный закон от 02.07.2013 N 162-ФЗ «О внесении изменений в Закон Российской Федерации "О занятости населения в Российской Федерации" и отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 14.07.2013. URL: http://base.garant.ru/70405682/ (дата обращения: 02.02.2018).

REFERENCES

Barret M., Davidson M.J. Gender and communication at work. Aldershot, 2006.

Connell R.W. Masculinities Sydney. Sydney, 1995.

Federal'naya sluzhba gosudarstvennoi statistiki: ofitsial'nyi sait. 2017 [Federal State Statistics Service: official website. 2017]. URL: http://www.gks.ru (data obrashcheniya: 03.02. 2018) (in Russian).

Federal'nyi zakon ot 02.07.2013 N 162-FZ «O vnesenii izmenenii v Zakon Rossiiskoi Federatsii "O zanyatosti naseleniya v Rossiiskoi Federatsii" i otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiiskoi Federatsii» ot 14.07.2013 [Federal Law of 02.07.2013 N 162-FZ "On Amendments to the Law of the Russian Federation". On Employment of the Population in the Russian Federation and "Certain Legislative Acts of the Russian Federation" dated 14.07.2013]. URL: http://base.garant.ru/70405682/ (data obrashcheniya: 02.02.2018) (in Russian).

Geert Hofstede and associates, masculinity and femininity. The taboo dimension of national cultures // Sage Publications. 1998. N 3.

Gilligan K. Inym golosom: psikhologicheskaya teoriya i razvitie zhenshchin [In a different voice: psychological theory and development of women] // Eticheskaya mysl': Nauchn-publitsist. chteniya. 1991 / Obshch. red. A.A. Guseinova. M., 1992. S. 352–371.

Golenkova Z.T., Igitkhanyan E.D. Sotsial'nye neravenstva v sovremennoi Rossii: sub"ektnost', osnovnye napravleniya razvitiya [Social inequalities in modern Russia: subjectivity, main directions of development] // Sotsiologiya i obshchestvo: sotsial'noe neravenstvo i sotsial'naya spravedlivost' (Ekaterinburg, 19–21 oktyabrya 2016 goda). Materialy V Vserossiiskogo sotsiologicheskogo kongressa / Otv. red. V.A. Mansurov. M., 2016. S. 7364–7370 (in Russian).

Grant Thornton International "Women in business 2017: New perspectives on risk and reward". URL: https://www.fbk.ru/upload/docs/grant-thornton_women-in-business_2017-report.pdf (accessed: 15.08.2018).

Issledovanie "Gendernaya diversifikatsiya v mire kar'ery i biznesa 2017" rekrutingovoi kompanii Hays [Research "Gender Diversification in the World of Career and Business 2017" by the recruiting company Hays]. URL: https://www.hays.ru/Zhenshchiny-i-kar'era-2017/index.htm (data obrashcheniya: 10.03.2018) (in Russian).

Issledovanie Headhunter "Zachem rabotodateli stremyatsya uravnovesit' kolichestvo muzhchin i zhenshchin" [Headhunter research "Why employers seek to balance the number of men and women"]. URL: https://hh.ru/article/24021?utm_campaign=misc_emp_weekly_article24021_050219&utm_medium=email&utm_source=email (data obrashcheniya: 19.03.2019) (in Russian).

Kon I.C. Muzhchina v menyayushchemsya mire [A man in a changing world]. M., 2009 (in Russian).

Konstitutsiya RF. Gl. 2. Prava i svobody cheloveka i grazhdanina stat'ya 19 [Constitution of the Russian Federation. Ch. 2. Human and civil rights and freedoms, Article 19]. URL: http://constrf.ru/razdel-1/glava-2/st-19-krf (data obrashcheniya: 15.06.2017) (in Russian).

Materialy sektsii "Budushchee uzhe ryadom — II. Transformatsiya gendernykh rolei: ot proshlogo k budushchemu" [Materials of the section "The future is already near - II. Transformation of gender roles: from the past to the future "] // Materialy VII Grushinskoi konferentsii. URL: https://wciom.ru/index.php?id=1049 (data obrashcheniya: 05.08.2017) (in Russian).

Naemnyi rabotnik v sovremennoi Rossii [Hired worker in modern Russia] / Otv. red. Z.T. Golenkova. M., 2015 (in Russian).

Pleck J. The male sex role: definitions, problems, and sources of change // Journal of Social Issues. 1976. Vol. 32. P. 155–164.

Press-vypusk N 3597 Ravenstvo v sem'e: ot deklaratsii — k real'nosti? [Press Release N 3597 Equality in the Family: From Declarations to Reality?] // Issledovanie VTsIOM. URL: https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116735 (data obrashcheniya: 09.03.2018) (in Russian).

Pushkareva N.L. Gendernaya teoriya i istoricheskoe znanie [Gender theory and historical knowledge]. SPb., 2007 (in Russian).

Rasporyazhenie Pravitel'stva RF N 410-r ot 8 marta 2017 g. "Ob utverzhdenii Natsional'noi strategii deistvii v interesakh zhenshchin na 2017–2022 gody" [Order of the Government of the Russian Federation N 410-r of March 8, 2017 "On the approval of the National Strategy for Action in the Interests of Women for 2017–2022"]. URL: https://rosmintrud.ru/ministry/programms/8/5 (data obrashcheniya: 17.03.2019) (in Russian).

Semina M.V. Vosproizvedenie genderno-klassovykh ierarkhii v postsovetskoi Rossii [Reproduction of gender-class hierarchies in post-Soviet Russia] // Aktual'nye voprosy sovremennoi sotsiologicheskoi teorii. Lomonosovskie chteniya–2003. M., 2003 (in Russian).

Sillaste G.G. Gendernaya sotsiologiya i rossiiskaya real'nost' [Gender Sociology and Russian Reality]. M., 2016 (in Russian).

Temkina A.A. Feminizm: Zapad i Rossiya [Feminism: West and Russia] // Preobrazhenie (Russkii feministicheskii zhurnal). 1995. N 3. S. 5–17 (in Russian).

Zakonoproekt N 284965-3 "O gosudarstvennykh garantiyakh ravnykh prav i svobod muzhchin i zhenshchin, i ravnykh vozmozhnostei dlya ikh realizatsii" [Bill N 284965-3 "On state guarantees of equal rights and freedoms for men and women, and equal opportunities for their implementation"]. URL: http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28Spravka%29?OpenAgent&RN=284965-3 (data obrashcheniya: 12.11.2017) (in Russian).

Zdravomyslova E.A., Temkina A.A. 12 lektsii po gendernoi sotsiologii [12 lectures on gender sociology]. SPb., 2015 (in Russian).

Zherebkina I.A. Teoriya i istoriya feminizma. Kurs lektsii [Theory and history of feminism. Lecture course]. Khar'kov, 1997 (in Russian).

DOI: 10.24290/1029-3736-2020-26-3-214-226

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОТНОШЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СПОРТСМЕНОВ РОССИИ К РЕЛИГИИ

Е.Е. Гресь, асп. кафедры философии религии и религиоведения философского факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, учебный корпус "Шуваловский", Ломоносовский проспект, д. 27, корпус 4, г. Москва, Российская Федерация, 119991*

В настоящей статье рассматривается влияние религии на личность и деятельность спортсмена. В первой части статьи приведены авторские подходы к исследованию религиозности в рамках серии анкетных опросов и индивидуальных интервью, составленных и проведенных при участии экспертов в области спорта и тренеров национальных команд с учетом специфики социологической выборки, в которую вошли профессиональные спортсмены России, и типология религиозных и нерелигиозных индивидов (1-й тип — религиозные с доминантной религиозной ориентацией, 2-й тип — колеблющиеся-А с неустойчивой религиозной ориентацией, тендирующие к религиозности, 3-й тип — колеблющиеся-Б с неустойчивой религиозной ориентацией, хотя и тендирующие к нерелигиозности, 4-й тип — неопределившиеся, 5-й тип — нерелигиозные), созданная на основе зафиксированных критериев, в качестве которых выступают признаки сознания, поведения, включенности в религиозные отношения.

Вторая часть данной статьи содержит результаты серии конкретно-социологических исследований, проведенных в 2015–2017 гг., среди 89 профессиональных спортсменов квалификацией не ниже кандидата в мастера спорта России — представителей различных спортивных клубов и команд Москвы, по выявлению взаимосвязи между индивидуальным уровнем религиозности и результатами спортивной деятельности. В рамках статьи на базе собранных данных подтверждена сформулированная автором гипотеза, что религиозная вера способствует достижению высокого результата в спортивной деятельности, оказывая компенсаторное и мобилизационное воздействие на индивида. Кроме того, определены личностные качества, формируемые спортивной практикой религиозных спортсменов, а также статистически зафиксировано мнение о том, что телесное развитие способствует духовному росту. Демонстрируя высокий уровень религиозности, представители разных видов спорта имеют свои специфические особенности, ритуалы, приметы, обряды вербального и невербального характеров. Не каждый спортсмен связывает традиционную религиозную практику со спортивной деятельностью, даже будучи глубоко религиозным. Личный бог, непосредственное обращение к нему в импровизированной форме в минуты особой необходимости (соревнования, как пример), личные приметы — вот характерные черты данной социальной категории.

* **Гресь Екатерина Евгеньевна,** e-mail: ekaterina_gres@mail.ru

Ключевые слова: *религиозность, телесность, физическая культура, отношение к религии, личностные качества, профессиональные спортсмены, типы религиозных и нерелигиозных индивидов, религиозная вера.*

PROFESSIONAL SPORTSMEN ATTITUDE TOWARDS RELIGION (BASED ON THE MATERIALS OF THE SOCIOLOGICAL SURVEY)

Gres Ekaterina E., Post-graduate student, Department of Philosophy of religion and Religious Studies, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, Leninskie Gory, educational building "Shuvalovsky", Lomonosovsky prospect, 27, building 4, Moscow, Russian Federation, 119991, e-mail: ekaterina_gres@mail.ru

This article discusses the influence of religion on the personality and activities of an athlete. The first part of the article presents the author's approaches to the study of religiosity, a questionnaire developed by the author with the participation of sports experts and coaches of national teams, adjusted in accordance with the specifics of the sociological selection — professional athletes of Russia, and the typology of religious and non-religious individuals (1 type — religious with dominant religious orientation, type 2 — hesitant-A with unstable religious orientation, tending to religiosity, type 3 — hesitant-B with unstable religion orientation, although tending to the irreligious, type 4 — undecided, 5 type — non-religious), established on the basis of fixed criteria, which are mainly signs of consciousness, behavior, involvement in religious attitudes. The second part contains the results of a series of concrete sociological studies conducted in 2015–2017, among 89 professional athletes with qualifications not lower than the candidate for master of sports of Russia, representatives of various sports clubs and teams in Moscow, to identify the relationship between the individual level of religiosity and the results of sports activities. The article confirms, based on the collected data, the hypothesis formulated by the author that religious faith contributes to the achievement of a high result in sports activities, providing a compensatory and mobilization effect on the individual. In addition, personal qualities are determined that are shaped by the practice of religious athletes in sports, as well as the statistically recorded view that bodily development contributes to spiritual growth. Demonstrating a high level of religiosity, representatives of different sports have their own specific characteristics, rituals, omens, rites of verbal and non-verbal characters. Not every athlete connects traditional religious practice with sports activities, even being deeply religious. Personal god, direct appeal to him in an improvised form in moments of special need (competition, as an example), personal signs — these are the characteristic features of this social category

Key words: *religiosity, corporeality, sport, attitude to religion, personal qualities, professional athletes, types of religious and non-religious individuals, faith.*

"Тело", "телесность" в современном общественном дискурсе выступает не как нечто априорно данное в своей целостности и завершенности, а как объект для разного рода телеснoориентированных практик[1], таких как косметология, пластическая хирургия, занятия

[1] *Ильных С.А.* Социальное конструирование тела // Социологические исследования. 2011. № 7. С. 103.

спортом, диеты. Спорт и физическое воспитание становятся одними из самых социально одобряемых способов построения как "человека телесного", так и создания личностного, духовного ядра[2].

Сам процесс построения, модернизации собственного тела служит основой не только для поддержания здорового образа жизни, но и для социальной идентификации и самоидентификации индивида[3]. Разные виды спорта диктуют отличное друг от друга восприятие жизни, в рамках которого конструируется иной распорядок повседневности, служащий «фиксирующим "корсетом" личности»[4].

Инвестиции в тело предполагают и наличие/формирование необходимых личностных качеств, обеспечивающих психологическую устойчивость и невосприимчивость к дестабилизирующему влиянию физических желаний, таких как мнимая потребность в алкоголе, чрезмерное потребление пищи. Образ жизни профессионального спортсмена сегодня крайне аскетичен[5], ограничения присутствуют на всех уровнях человеческой жизнедеятельности, предполагая концентрацию на результате — победе в соревновании.

Ментальная составляющая телесных практик является не менее значимой, чем физическая. Занятия спортом направлены на получение специфического опыта, который всесторонне изменяет атлетов, закладывая основы личностного стержня. Метафорично этот опыт близок к опыту религиозной аскезы.

Наличие двух систем формообразования человеческой телесности — религиозной и спортивной — привело к постановке вопроса об их принятии профессиональными спортсменами. Индивидуальная религиозность, накладывающаяся на принципы, продиктованные желанием достичь высот на спортивном поприще, задает новый исследовательский вектор. Существует ли корреляция между уровнем религиозности и успехом в спортивной деятельности? Каково место и поле действий функций религии в повседневной и спортивной деятельности профессиональных атлетов?

Целостный феномен "спорта", его духовно-ценностный аспект, новое измерение телесности зачастую выпадают из поля зрения исследователей. В условиях современных реалий спорт не сводим исключительно к игровой досуговой деятельности. Профессиональный

---

[2] См., например: *Эпштейн М.Н.* Философия тела. М., 2006. С. 12.

[3] *Бергер П.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995. С. 204.

[4] Цит. по: *Алкемайер Т.* Социология спорта. Телесные практики субъективации и самоинсценировки // Логос. 2006. № 3. С. 140.

[5] *Соколов Б.Г.* Думай!: тело // Российская массовая культура конца XX века. Материалы "круглого стола". 4 дек. 2001. СПб., 2001. С. 157.

спорт высших достижений выходит за рамки предполагаемого набора действий, таких как режим тренировок, менторское участие тренера, экипировка и многие другие факторы успеха. Именно религия (ее многочисленные проявления), по мнению автора, являются одной из сил, аккумулирующей резервы человеческого духа, и как следствие, выход за границы умозрительного понимания возможностей тела.

Теоретический анализ религиозности личности лег в основу серии эмпирических исследований религиозного влияния на личность и деятельность спортсмена. В рамках поставленной автором цели на материалах проведенного социологического анализа выявлена специфика спорта и физической культуры как социокультурной деятельности, подтверждена гипотеза о компенсаторном, мобилизующем и некоторых других способах воздействия религии на сознание и деятельность спортсмена. Описано взаимодействие современных моделей религиозного воспитания и спортивных практик.

Операционализация понятия "религиозность" в контексте исследования группы профессиональных спортсменов

Религиозность представляет собой "социальное качество индивида и группы, выражающиеся в совокупности их религиозных свойств"[6]. Характер религиозности можно определить как качественную и количественную особенность различных ее типов[7]. Религиозность фиксируется с помощью ряда критериев, в качестве которых выступают признаки сознания, поведения, включенности в религиозные отношения[8].

В любом конкретном социологическом исследовании религиозности важным является построение типологии религиозных и нерелигиозных индивидов. В решении этого вопроса возникает сложность в связи с результатами процесса секуляризации, обмирщением многочисленных императивов религиозного сознания и поведения. Интеграция систем религиозных отношений в плоскость светских для реализации чисто социальных целей делает противоречивым такой критерий религиозного поведения, как участие в религиозных обрядах.

При анализе данных, полученных в ходе первоначальной работы автора с фокус-группой, в рамках личной беседы с выбранными

---

[6] *Яблоков И.Н.* Социология религии: теоретические аспекты. М., 2014. С. 260.

[7] *Яблоков И.Н.* Социология религии // Введение в общее религиоведение. М., 2008. С. 247.

[8] Там же. С. 247–248.

респондентами, выяснилось, что при ответе на вопрос о цели посещения храма, некоторые респонденты, выбирая участие в обряде, подчеркивали мотив любопытства или семейный, что указывает на традиционный характер действия, понимая под этим, например, крещение младших родственников и свое присутствие при этом действии.

Авторская типология религиозных и нерелигиозных индивидов, профессионально занимающихся спортом, основана на методике одного из крупных российских исследователей религии И.Н. Яблокова[9], конкретизированной с учетом специфики данной социальной группы.

Автор выделяет пять типов религиозных/нерелигиозных индивидов:

1-й тип — религиозные с доминантной религиозной ориентацией.

К этому типу отнесены респонденты, идентифицирующие себя с верующими, посещающие религиозные культовые здания, положительно отвечающие на вопрос о вере в Бога, совершающие религиозные действия на соревнованиях (до старта и/или по окончанию соревнований) и вне спортивной арены.

2-й тип — колеблющиеся-А с неустойчивой религиозной ориентацией, тендирующие к религиозности, не с полной уверенностью, признают себя верующими, но не с полной уверенностью. Респонденты, относимые к этому типу, на вопрос о том, считают ли они себя верующими, отвечают “Скорее да, чем нет”, а на вопрос о вере в Бога отвечают: “Скорее верю, чем не верю”.

3-й тип — колеблющиеся-Б с неустойчивой религиозной ориентацией, хотя и тендирующие к нерелигиозности, но не с полной уверенностью, признают себя неверующими, но не с полной уверенностью.

4-й тип — неопределившиеся, затрудняются ответить на вопросы об отнесении себя к верующим или неверующим, о наличии или отсутствии религиозной веры. Религиозная или нерелигиозная самоидентификация не сформирована.

5-й тип — нерелигиозные относят себя к неверующим, в Бога не верят, религиозные культовые здания если и посещают, то из любопытства, религиозных обрядов не совершают, в том числе и в рамках спортивных соревнований.

Желая охватить достаточно большое число респондентов и получить информацию о внутреннем мире, мотивах деятельности и мнениях, автор использовал метод анкетного опроса.

---

[9] *Яблоков И.Н.* Социология религии // Введение в общее религиоведение. С. 252–253.

В анкету включены закрытые, полузакрытые, открытые вопросы; они позволяют респонденту высказаться как в открытой, свободной форме, так и выбрать один из предусмотренных вариантов ответа. При составлении опросного листа были задействованы эксперты в области спорта и тренеры национальных команд, чье мнение послужило основой для адаптации вопросов под выбранную группу респондентов. Также это позволило разделить спортсменов по уровню профессионализма, основанному на ранге соревнований, в которых они участвуют, проведя унификацию уровней для различных видов спорта.

Экспериментальное исследование взаимосвязи индивидуального уровня религиозности и эффективности спортивной деятельности

Опрошено 85 респондентов в возрасте от 18 лет, из них 30 женщин и 55 мужчин. Опрошены представители различных видов спорта: легкая атлетика, гандбол, тхэквондо, волейбол, бокс, футбол, дзюдо, самбо и другие. Относительно небольшое количество респондентов указало другие виды спорта — плавание, полиатлон, биатлон, фигурное катание, смешанные единоборства. В качестве респондентов выступили члены волейбольного клуба "Динамо Москва", баскетбольного клуба "ЦСКА-Москва", молодежный состав московского футбольного клуба "Спартак", представители спортивного клуба МГУ, воспитанники и тренерский состав (в прошлом профессиональные спортсмены с большим опытом выступлений на соревнованиях международного уровня) школы единоборств "Борец", профессионального гандбольного клуба г. Москвы "УОР№2", а также представители различных спортивных федераций РФ.

О степени профессионализма свидетельствует ранг соревнований, в которых респонденты принимали(ют) участие. Мы выделяем три категории спортсменов:

1. Профессиональные спортсмены категории А (ранг соревнований — не ниже международных; степень вовлеченности в спортивную деятельность — максимальная (коммерческая, профессиональная); уровень квалификации — Мастер спорта России международного класса (МСМК) или эквивалентный ему статус чемпиона мира и/или Европы).

2. Профессиональные спортсмены категории Б (ранг соревнований — всероссийские; степень вовлеченности — совмещение; уровень квалификации — Мастер спорта России (МС, Чемпион России).

3. Профессиональные спортсмены категории В (ранг соревнований — региональные; степень вовлеченности — совмещение на

частично-коммерческой основе; уровень квалификации — кандидат в мастера спорта России (КМС), чемпион федерального округа и т.д.).

Обоснованием выборки исследования является гипотеза о влиянии уровня индивидуальной религиозности на успех/неуспех в спортивной деятельности. Проверка основывается на определении уровня религиозности и выделении типа религиозных / нерелигиозных индивидов.

Оценка степени связи между величинами определялась по характеру корреляционной связи, выраженной численно через коэффициент Пирсона. В связи с выдвинутой гипотезой в сформированную выборку попали профессиональные спортсмены в возрасте от 19 лет и без фиксированной верхней возрастной границы. Участники опроса отвечают определению "профессиональный спортсмен": состоят в спортивной организации, регулярно принимают участие в соревнованиях уровнем не ниже Чемпионата России, получают за свою спортивную деятельность вознаграждение, а также идентифицируют себя с "профессиональными спортсменами", считают данную деятельность приоритетной в системе жизненных ценностей[10].

Гипотеза исследования

Если определить религиозность как некое качество, которое постулируется в рамках вовлеченности индивида в религиозную деятельность, то это ведет к актуализации специфических личностных качеств. От уровня религиозности зависит набор и интенсивность актуализированных качеств личности.

Подобные исследования ранее не проводились отечественными религиоведами. Исследование И.С. Шемет и Л.В. Густовой, результаты которого приведены в статье "Религиозное влияние на личность и деятельность спортсмена"[11], носит психологический характер, делая предметом исследования личностные качества респондентов, актуализируемые в рамках спортивной деятельности. Используя методику определения индивидуального уровня религиозности и 16-факторный личностный опросник Кэттелла, исследователями была выявлена отрицательная корреляция спортивного уровня и уровня религиозности, в связи с тем, что, согласно гипотезе, про-

---

[10] Федеральный закон от 04.12.2007 № 329-ФЗ (ред. От 28.07.2012, с изм. От 03.12.2012) "О физической культуре и спорте в РФ" // СПС "КонсультантПлюс". URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_73038 (дата обращения: 12.09.2018).

[11] *Густова Л.В., Шемет И.С.* Религиозное влияние на личность и деятельность спортсмена // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2012. Т. 18. С. 106–110.

фессиональный спорт способствует формированию личностных качеств, не соответствующих традиционным религиозным ориентирам исповедуемой респондентами религии. Выявленная отрицательная зависимость между уровнем спортивных достижений и религиозностью связана с идеологическим конфликтом системы религиозной и спортивной[12]. Объяснением служит гипотеза, позволяющая связать высокий уровень религиозности и качества, которые будут соответствовать некому эталону личности конкретной религиозной системы.

С нашей точки зрения, выдвинутая психологами гипотеза вряд ли может быть принята. Результаты нашего исследования свидетельствуют о другом.

Взаимосвязь индивидуального уровня религиозности и эффективности спортивной деятельности

Согласно нашей гипотезе, религиозная вера способствует достижению высокого результата в спортивной деятельности, оказывая компенсаторное и мобилизационное воздействие на индивида. Для проверки данной гипотезы респонденты были разделены на три группы А, Б, В по уровню их спортивной квалификации, степени вовлеченности в профессиональную, спортивную деятельности, и успешности в рамках этой деятельности. В группе А (спортсмены мирового уровня) среднее значение индивидуального уровня религиозности равно 1,76, что по шкале религиозности И.Н. Яблокова близко к 1, а значит типу "Религиозные" индивиды. Вторая группа Б (всероссийский уровень) — со средним значением 1,91, что соответствует типу "Колеблющиеся А", а третья группа, состоящая из спортсменов регионального уровня (В), соответствуют типу "Колеблющиеся Б" с уровнем 2,63. Это значит, что религиозность и спортивные достижения находятся в прямой корреляции. Различия статистически достоверны при достоверности ($a \leq 0{,}01$) согласно коэффициенту корреляции Пирсона, который в данном исследовании равен ~ 0,35.

Данный вывод подтверждают и ответы респондентов на вопрос о влиянии религиозной веры на успех в соревновательной деятельности. Большинство спортсменов считают, что вера в той или иной степени укрепляет уверенность в спортивном успехе[13].

Почти ⅔ всех опрошенных профессиональных спортсменов выявляют в сознании обозначенную нами взаимосвязь, демонстрируя

---

[12] *Густова Л.В., Шемет И.С.* Указ. соч. С. 110.

[13] Вариант "вера укрепляет уверенность в спортивном успехе", выбрали 40% респондентов, 27% высказались, что "в некоторых случаях способствует".

отсутствие идеологического конфликта между спортом и религией у выступающих спортсменов, идентифицируемых как “верующие”, позволяя предположить, что качества, необходимые для победы в спорте, считаются самими респондентами необходимыми и в контексте религиозного мировоззрения.

Анализ результатов опроса

Массив вопросов, касающихся восприятия респондентами собственного тела, восприятия телесности в целом, и в рамках религиозных представлений, включает шесть пунктов. На базе ответов автор выделяет характеристики, которые, по мнению спортсменов, отвечают их представлениям об идеальном теле. Наиболее популярной комбинацией вариантов было сочетание “Выносливость-Сила-Устойчивость к меняющимся условиям”, частота ее упоминания составляет большинство всех обработанных анкет[14]. Рассматривая отношение респондентов к приемлемым с религиозной точки зрения техникам конструирования и модернизации тела, можно сделать вывод, что большинство респондентов из шести предложенных вариантов ответов[15] (один из них содержал открытую формулировку) допускали три варианта — “Занятия физической культурой и спортом” (50%), “Пост” (19%) и “Посещение салонов красоты” (15%). Несмотря на понимание важности практики поста для верующего, только небольшая часть спортсменов соблюдает посты регулярно и согласно религиозным предписаниям (7%), еще часть опрошенных (20%) говорили о бессистемности подобной практики. Из тех спортсменов, кто соблюдает пост, у трети пост влияет на тренировочный процесс, а часть (17%) высказалась за то, что время от времени замечает те или иные изменения в тренировках во время поста, не уточняя, положительный или отрицательный характер они несут. В ходе личных бесед со спортсменами и тренерами были даны различные характеристики для опыта соблюдения поста — от трудностей и

---

[14] В вопросе “Какие характеристики, на ваш взгляд, присущи идеальному телу?” респондентам предстояло выбрать три характеристики. 21% высказались за вариант “выносливость”, 19% — “сила”, 12% — “ловкость”, “красота”; вариант “устойчивость к меняющимся условиям” и “гибкость” набрали по 11%; 8% отдали предпочтение варианту “специфические навыки” в соответствии с их видом спорта, например, футболисты — владению мячом, легкоатлеты — технике бега и т.д.

[15] Вопрос “Какие, с вашей точки зрения, техники конструирования и модернизации тела являются приемлемыми с религиозной точки зрения?” содержал следующие пункты: занятия физической культурой и спортом, пост, посещение салонов красоты, уход за эстетической составляющей тела в домашних условиях, медицинские вмешательства (пластическая хирургия, инъекционные косметологические процедуры и другое).

упадка сил в первые дни, до ощутимой, а порой и желанной потере в весе, сопровождающейся особым чувством "душевной легкости", позволяющим выйти за пределы прошлых спортивных достижений.

Можно ли совершенствуя тело, развивать и духовные качества? Мнение о том, что телесное становление способствует духовному совершенствованию или отчасти ему способствует, высказали больше половины опрошенных, указывая в ответе качества, которые они считают не изначально данными, а приобретенными в ходе занятий спортом.

Значимыми для спортсменов являются целеустремленность, дисциплинированность и воля[16]. В открытом варианте ответов встречались формулировки "сила воли", "волевой характер", подчеркивающие попытки концептуализировать собственный спортивный опыт, точнее и глубже его описать, а возможно, и разделить с религиозным понятием "свободы воли".

Заключительным в анкете был вопрос о бессмертии души. Чуть больше половины опрошенных спортсменов разделяют эту веру или колеблются, но тендируют к положительному ответу, но при этом четвертая часть респондентов строго уверены в обратном[17]. Из массива обработанных данных следует вывод о том, что духовная составляющая, несомненно, важна для спортсменов, однако, они разделяют не все религиозные идеи.

Ряд вопросов был направлен на выяснение восприятия самими верующими позиции их религиозной организации в отношении физической культуры и спорта. Одной из целей исследования была идея статистически подтвердить или опровергнуть произошедший, по мнению автора, поворот в социальных концепциях религиозных организаций, обозначенный через новую систему взаимодействий и принципов в сфере физической культуры и спорта. На вопрос об отношении к физической культуре со стороны религиозных организаций (так как 72% опрошенных относят себя к православным, то уместно этот вопрос считать скорее демонстрацией отношения последователей Русской православной церкви к подобным практикам) большинство респондентов ответили, что отношение положитель-

---

[16] "Целеустремленность" указали 26% респондентов, "дисциплинированность" — 22% и 21% выбрали вариант "воля". Именно эти три качества наиболее часто повторялись в заполненных анкетах. Два из трех указанных качеств — "воля" встречаются в 70% заполненных анкет, и "дисциплинированность", ее указали около 50% респондентов.

[17] 36% респондентов разделяют веру в бессмертие души, еще 21% "скорее верят, чем не верят", не верят 25% респондентов, "скорее не верят, чем верят" 7%, а 12% затрудняются ответить.

ное. Отрицательную оценку не фиксирует ни один из спортсменов, но 6% опрошенных говорят об индифферентности, а 23% не замечали никакой оценки именно физкультурной деятельности со стороны религиозных организаций.

Автор намеренно в рамках опросного листа разводит понятия “спорт” и “физическая культура”, а также отношение к оным, для того чтобы показать, что и в спорном вопросе негативной оценки религиозными организациями именно состязательного, коммерческого, зрелищного компонентов профессионального спорта, нет однозначного мнения среди самих верующих. Большинство респондентов будучи выступающими спортсменами не видят препятствий и негативного отношения со стороны их религиозной организации (в данном опросе — Русской православной церкви), вариант “отрицательное” выбрал всего 1 респондент (он причисляет себя к православным), чуть больший процент опрошенных (10%), чем в предыдущем вопросе о физической культуре, говорит об индифферентном отношении со стороны Церкви. Тренерский состав и спортсмены в ходе личных бесед отмечали, что даже будучи не активно вовлеченными в жизнь религиозной общины, замечали увеличение спортивных мероприятий, проводимых под эгидой или при поддержке религиозных организаций. Хотя и носят скорее фестивальный, воспитательный характер, не включаясь в систему спортивных рейтингов и зачетов.

Но если миры сакрального и обыденного (куда можно включить и соревновательную практику) не всегда пересекаются в рамках институций, то стоит отметить наполнение религиозной обрядностью действий спортсменов, хотя в ходе подготовки к выступлению традиционные религиозные действа отходят для спортсмена на второй план, уступая место личным ритуалам и приметам. Исключение составляют совершение крестного знамения и молитва. После удачного, по их мнению, выступления некоторые респонденты посещают храм, возносят благодарственную молитву, импровизированно вербально или невербально благодарят бога, отводя данному ритуалу значительное место как в рамках создания психологического комфорта, так и в достижении спортивного успеха. После провального выступления подобные действия не совершаются.

Данные, полученные в ходе исследования, позволяют не только подтвердить гипотезу о прямой зависимости индивидуального уровня религиозности и успеха в спортивной деятельности, но и смоделировать образ желаемого спортсменами набора функциональных особенностей тела по мнению верующих спортсменов. Показана связь между телесным и духовным развитием человека, а также вы-

явлено мнение спортсменов о личностных качества, необходимых в повседневной жизни и профессиональной деятельности.

Стоит отметить, что мировоззрение современных российских спортсменов видится противоречиво. Представители разных видов спорта имеют свои специфические особенности, ритуалы, приметы, обряды вербального и невербального характеров. Не каждый спортсмен связывает традиционную религиозную практику со спортивной деятельностью, даже будучи глубоко религиозным. Личный Бог, непосредственное обращение к нему в импровизированной форме в минуты особой необходимости (соревнования, как пример), личные приметы — вот характерные черты данной социальной категории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алкемайер Т. Социология спорта. Телесные практики субъективации и самоинсценировки // Логос. 2006. № 3 (54).

Бергер П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995

Густова Л.В., Шемет И.С. Религиозное влияние на личность и деятельность спортсмена // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2012. Т. 18.

Ильных С.А. Социальное конструирование тела // Социологические исследования. 2011. № 7.

Соколов Б.Г. Думай!: тело // Российская массовая культура конца XX века. Материалы "круглого стола". 4 дек. 2001. СПб., 2001.

Эпштейн М.Н. Философия тела. М., 2006.

Яблоков И.Н. Социология религии: теоретические аспекты. М., 2014.

Яблоков И.Н. Социология религии // Введение в общее религиоведение. М., 2008.

Федеральный закон от 04.12.2007 № 329-ФЗ (редакция от 28.07.2012, с изменением от 03.12.2012) "О физической культуре и спорте в РФ" // СПС "КонсультантПлюс". URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_73038 (дата обращения: 12.09.2018).

REFERENCES

Alkemaier T. Sotsiologiya sporta. Telesnye praktiki sub"ektivatsii i samoinstsenirovki [Sociology of Sport. Body practices of subjectivization and self-staging] // Logos. 2006. N 3 (54) (in Russian).

Berger P. Sotsial'noe konstruirovanie real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniya [Social construction of reality. A treatise on the sociology of knowledge]. M., 1995 (in Russian).

Ehpshtein M.N. Filosofiya tela [Philosophy of body]. M., 2006 (in Russian).

Federal'nyi zakon ot ot 04.12.2007 N 329-FZ (red. ot 28.07.2012, s izm. ot 03.12.2012) "O fizicheskoi kul'ture i sporte v RF" [Federal law "Physical education and sport in the Russian Federation"] // SPS "Konsul'tanTPlyuS". URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_73038 (data obrashcheniya: 12.09.2018) (in Russian).

Gustova L.V., Shemet I.S. Religioznoe vliyanie na lichnost' i deyatel'nost' sportsmena [Religious influence of personality and activities of athlete] // Vestnik KGU im. N.A. Nekrasova. 2012. T. 18 (in Russian).

Il'nykh S.A. Sotsial'noe konstruirovanie tela [Social Construction body: habitus and institutionalization] // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2011. N 7 (in Russian).

Sokolov B.G. Dumai! telo [Think!: body] // Rossiiskaya massovaya kul'tura kontsa XX veka. Materialy "kruglogo stola" [Russian mass culture of the end of the XX century. Materials of workshop] 4 dek. 2001. SPb., 2001 (in Russian).

Yablokov I.N. Sotsiologiya religii: teoreticheskie aspekty [Sociology of Religion: theoretical aspects]. M., 2014 (in Russian).

Yablokov I.N. Sotsiologiya religii [Sociology of Religion] // Vvedenie v obshchee religiovedenie [Introduction to Religious Studies]. M., 2008 (in Russian).

НАУЧНАЯ ПОЛЕМИКА

DOI: 10.24290/1029-3736-2020-26-3-227-246

ЗАПАДНАЯ ТОЛЕРАНТНОСТЬ: ГОСПОДСТВО ДЕМОКРАТИИ ИЛИ НАСТУПЛЕНИЕ ДЕГУМАНИЗАЦИИ?

А.Н. Ильин, канд. филос. наук, доц. кафедры практической психологии Омского государственного педагогического университета, ул. Партизанская, 4а, ауд. 117, г. Омск, Российская Федерация, 644043*

На Западе идет тотальная подмена понятий, выраженная в идее толерантности, согласно которой гуманизм проявляет себя в уважении к любой системе ценностей. Критерии добра и зла нейтрализуются, расширяется поле дозволенного. Ценности и жизненные практики, которые в культуре традиционно считались неприемлемыми и маргинальными, получают статус нормальных и даже необходимых. Когда не определены границы толерантности, сама эта идея обретает дегуманизирующий характер. Но дегуманизирующий смысл происходящих культурных трансформаций скрывается за эмоционально привлекательными наименованиями типа прав человека и демократии. Социально вредной идеологии и абсолютизируемым ею жизненным практикам придается множество эмоционально благозвучных названий, которые являются симулякрами, скрывающими истинную суть означаемых явлений. Защита прав меньшинств под флагом демократии и прав человека обычно представляет собой наступление на права большинства, и права человека необоснованно отождествляют с правами меньшинства. Абсолютизация прав социальных меньшинств (к тому же наиболее радикальных по отношению к традиционной культуре) — это одновременно ущемление прав большинства. Идея толерантности насаждается антидемократично, без учета мнения общественности. На Западе требуется одновременно проявление толерантности как к разным практикам и точкам зрения, так и к самому факту насаждения этой толерантной линии. Иными словами, прививается обязательная толерантность к толерантности. В соответствии с распространенной идеей о постмодернистской релятивизации ценностей больному, злому и неразумному даются аналогичные права на существование, как здоровому, доброму и разумному. При этом происходит не уравнивание достойного и недостойного, а "социокультурный перегиб" в сторону недостойного. Критика гомосексуализма подается как заслуживающая осуждения интолерантная гомофобия, а отрицательно относящиеся к гей-пропаганде родители рискуют стать клиентами для ювенальных служб. Даже школы стали переориентироваться под апологию сексуальной перверсивности, что является разворотом к деинтеллектуализации и дегуманизации сознания

* **Ильин Алексей Николаевич,** e-mail: ilin1983@yandex.ru, сайт автора: http://ilinalexey.ru/

детей. Тенденции, которые именуются способами защиты прав человека, свободы и демократии, в реальности приводят к социальной дегуманизации.

Ключевые слова: *толерантность, Запад, гомосексуальность, демократия, гуманизм, дегуманизация, ювенальная юстиция.*

WESTERN TOLERANCE: THE RULE OF DEMOCRACY OR THE OFFENSIVE OF DEHUMANIZATION?

Il'in Aleksey N., PhD in Philosophy, Assoc. Department of Practical Psychology, Omsk State Pedagogical University, Partizanskaja str., 4a, aud. 117, Omsk, Russian Federation, 644043, e-mail: ilin1983@yandex.ru

In the West, there is a total substitution of concepts, expressed in the idea of tolerance, according to which humanism manifests itself in respect for any system of values. The criteria for good and evil are neutralized, and the field of what is permitted is expanded. Values and life practices that were traditionally considered unacceptable and marginal in the culture receive the status of normal and even necessary. When the boundaries of tolerance are not defined, the idea itself becomes dehumanizing. But the dehumanizing meaning of the ongoing cultural transformations is hidden behind emotionally attractive names like human rights and democracy. Socially harmful ideology and the life practices it absolutizes are given a lot of emotionally euphonious names, which are simulacra that hide the true essence of the phenomena being signified. The protection of minority rights under the banner of democracy and human rights is usually an attack on the rights of the majority, and human rights are wrongly identified with the rights of the minority. The absolutization of the rights of social minorities (and the most radical ones in relation to traditional culture) is at the same time an infringement of the rights of the majority. The social majority becomes oppressed. The idea of tolerance implanted anti-democratic, without taking into account the views of the public. In the West, it is necessary to show tolerance both to different practices and points of view, and to the very fact of planting this tolerant line. That is, a mandatory tolerance for tolerance is instilled. The common idea of postmodern relativization of values is not entirely correct. The sick, the evil, and the unreasonable are given more right to exist than the healthy, the good, and the reasonable. But instead of equating the worthy and the unworthy, a "sociocultural inflection" is carried out towards the unworthy. Criticism of homosexuality is presented as reprehensible intolerant homophobia, and parents who are negative about gay propaganda risk becoming clients for juvenile services. Even schools began to reorient themselves under the apologia of sexual perversion, which is a reversal to the de-intellectualization and dehumanization of children's minds. Trends that are referred to as ways to protect human rights, freedom, and democracy actually lead to social dehumanization.

Key words: *tolerance, the West, homosexuality, democracy, humanism, dehumanization, juvenile justice.*

Современный западный мир претерпевает идеологическое наступление дискурса толерантности. Предполагается (и даже навязывается) уважение к любому человеку, любой системе ценностей и жизненных практик.

Так, террористов типа А. Брейвика помещают во вполне терпимые условия, которые тюремными назвать сложно. Поднимается тренд психоаналитического копания в их душе и объяснения (а по сути оправдания) их поступков апелляцией к отношениям с родителями, к детским травмам, к трудным жизненным обстоятельствам и т.д. Из них делают знаменитостей благодаря широкому освещению их деяний в СМИ. Про них говорят, что они тоже люди, просто когда-то оступились, и им надо помочь. Создается сентиментальный нарратив о страданиях и душевных муках преступников, об их человеческих качествах, которые не имеют отношения к их античеловеческим деяниям, и эти качества представляются в большей степени заслуживающими внимания, чем совершенные преступления.

Современной Европе свойственно отстаивать не просто свободу самовыражения абстрактного человека, но также жестокого преступника и морально ограниченного индивида (называемого политкорректными наименованиями), свобода которого оказывает деструктивное влияние на общество и становится фактором ограничения свободы (и отнимания жизни) других — законопослушных — людей. Такой абстрактный гуманизм является антитезой истинного гуманизма. *Когда не определены границы терпимости (которые необходимы), сама идея толерантности обретает античеловеческий облик.*

В Германии в 2017 г. пакистанский беженец, изнасиловавший 6-летнюю девочку, получил 20 месяцев условно. Это называется верховенством гуманизма и демократии. Гуманизм к преступнику оборачивается совершенно бесчеловечным, антигуманным отношением к его жертве. Банально говорить, что гуманизм требуется применительно к тому, кто его заслуживает, т.е. к жертве, и реализуется в наказании преступника, и никак иначе. Если же происходит наоборот, если преступника не постигает наказание, его преступление имеет шанс превратиться в социальную норму.

В Швеции полицейский опубликовал статистику, согласно которой большинство преступлений совершаются выходцами из Ближнего Востока, и в отношении него сразу посыпались обвинения в расизме. Но если данные отражают реальные факты, где тут расизм?

Как пишет С. Жижек, «я предпочту жить в обществе, где изнасилование попросту считается неприемлемым, а любой, кто выступает в защиту изнасилований, показывает себя эксцентричным идиотом, чем в обществе, где об этом приходится спорить. То же самое касается пыток: тот факт, что пытки “догматически” отвер-

гаются как нечто отвратительное, без необходимости какой бы то ни было аргументации, является знаком этического прогресса»[1]. Нравственно оправданным было бы согласиться с этими словами, несмотря на моральный релятивизм современного мира, на постоянные подвижки моральных границ. Эти слова являются актуальными именно вследствие осуществления данных подвижек, ибо без них, когда некое явление однозначно считается неприемлемым, не было бы смысла произносить эту тираду. В приведенную фразу Жижека на место изнасилований и пыток актуально внести такие реанимируемые в современном "цивилизованном" мире явления, как педофилия, эвтаназия, "права ребенка", каннибализм и т.д. *В некоторых вопросах "догматичное" отстаивание своей позиции в противовес либеральной релятивизации (нет, не демократизации, а именно релятивизации, доходящей до этического абсурда) — лучшее средство сохранения человечности!*

Свобода выбора не является абсолютной и конечной ценностью, если она не видит юридических и нравственных границ, если она оправдывает то, что во всех культурах принято считать злом. Но это зло называют всего лишь ошибкой или даже творческим самовыражением. Свобода выбора становится социальным злом, если она снимает с человека ответственность за свои действия, а также за общество, политическую систему, экологическую ситуацию, если она стимулирует тотальный потребительский индивидуализм и безответственность. Свобода выбора инвертируется, когда она ставится в противодействие социально необходимым нормам морали, противопоставляет себя любви к Отечеству, абсолютизирует индивидуальные интересы за счет общественных интересов.

Западная идеологизация прав человека расширяет это понятие так, что там, где в конфликт входит человеческая нравственность и права человека, последние побеждают и оттесняют нравственность в сторону, заставляют ее лишаться своих позиций, ограничивать свое пространство. Конечно, термин "нравственность" недостаточно конкретен, и в каждом обществе нравственность своя. Но, во-первых, для всех культур характерен свод универсалий, надкультурных ограничений, которые являются общим для культур и даже выступают объединяющим фактором для различных культурных матриц. Во-вторых, нравственность (в самом широком смысле) предполагает охранение этих универсалий, выступая системой идеологических доминант, которые требуют не просто отказываться от причинения

---

[1] *Жижек С.* Киногид извращенца: кино, философия, идеология. Сб. эссе / Предисл. А. Павлова. Екатеринбург, 2014. С. 430.

вреда другому человеку, а поступать так, чтобы происходило развитие общества в плане достижения социальной справедливости, сохранения и укрепления семьи, добрых отношений между людьми в самых разных контекстах их взаимодействия, патриотизма, и утверждения других необходимых для социальной жизни ценностей. Нормы и идеологемы, которые сегодня насаждаются в западном мире, отводят людей от так понимаемой нравственности.

В США сообщения о преступлениях белых против негров, гетеросексуалистов против гомосексуалистов, мужчин против женщин занимают массу эфирного времени и получают широкий резонанс. Как только об очередном таком деянии говорят СМИ, прокатывается волна протеста против преступника, сопровождаемая истеричными криками “Расизм! ”, “Сексизм!”, “Гомофобия!”. Однако преступления так называемых меньшинств в отношении белых, мужчин и гетеросексуалистов широкого освещения не получают, а потому шквала бурных эмоций и порицаний преступников нет. Кого же следует считать дискриминированной группой?

Если некто, вспомнив численное преимущество негров среди игроков в бейсбол, говорит о возможной генетической предрасположенности черных к спорту, толерантные либералы одобрительно кивают головами. Но если некто, вспомнив численное преимущество белых среди студентов университетов и ученых, заговорит о возможной генетической непредрасположенности черных к интеллектуальным видам деятельности, толерантные либералы разразятся обвинениями в расизме. Четкого критерия, отделяющего расистское высказывание от любого другого, нет. В отсутствии “критериального дефицита” можно квалифицировать в качестве расизма битье белого человека по черной груше или право на первый ход белых фигур в шахматах. «“Фашист” — это идеологический ярлык, которым определяют тех, с кем не поспоришь, но кого нужно удалить из дискурса. Точно так же обстоит дело с ярлыками “антисемит” и “расист”: критикуешь Израиль или хотя бы пишешь о международном еврейском капитале — ты антисемит; говоришь о том, что белая раса — единственная, чья численность сокращается (а это абсолютная правда), — ты расист»[2].

П. Бьюкенен описывает разные случаи преступлений черных против белых, геев против натуралов. Он приводит статистику, согласно которой черные совершают намного больше преступлений, в том числе межрасового характера, чем белые. Но в СМИ это не освещается, так как не вписывается в “толерантную” и “политкор-

[2] *Фурсов А.* Тайная история // Завтра. URL: http://zavtra.ru/blogs/tajnaya-istoriya (дата обращения: 04.11.2019).

ректную" парадигму. Зато преступления белых против черных и натуралов против геев обязательно муссируются прессой, создавая картину черных и геев как жертв[3]. Презумпция невиновности сменилась презумпцией виновности. Тот, кто вполне обоснованно критикует гей-пропаганду, обвиняется в гомофобии, и не обвинитель доказывает его виновность, а он сам должен доказывать свою невиновность. За риторикой толерантности скрываются человеконенавистничество и интолерантность. Но тот, кто смеет вербально констатировать истинное положение вещей (и идей), рискует навлечь на себя ярлык антигуманиста.

Защищая права социальных меньшинств под флагом демократии и прав человека, обычно забывают про права большинства, и права человека необоснованно отождествляют с правами меньшинства. Получается, человек — это представитель меньшинств. Абсолютизация прав меньшинств — это одновременно ущемление или даже отрицание прав большинства. Когда декларируются права меньшинств, автоматически низводятся до уровня неважности права большинства, что представляет собой крайне антидемократическую тенденцию. Идея толерантности вместо создания равенства прав и возможностей отняла часть прав у большинства и отдала их меньшинству, которое стало более привилегированным, что противоречит самой идее толерантности. Притесняемым становится социальное большинство.

Чтобы уважительно относиться к преступникам и прочим далеко не лучшим представителям рода человеческого, чтобы проявлять "неразборчивое уважение", необходимо изжить в себе гуманизм. Глядя на западную толерантность, создается впечатление, что *стать толерантным — значит утратить критерий отделения добра и зла, способность отделять пошлость, подлость, низость и ложь от Истины, Добра и Красоты*. Стремление к доброму, разумному, вечному объявляется неуместным культурным тоталитаризмом — неполиткорректным, архаичным и неплюралистичным. *Похоже, настоящее зло — это не зло как таковое, а именно стирание различий между добром и злом.*

При функционирующей способности отличить правду от лжи, красоту от безобразия, реальность от симулякров человек является этически, интеллектуально и эстетически состоятельной личностью. Умение делать различие позволяет рефлексировать, пользу или вред наши (без)действия несут как "ближнему", так и "дальнему" — соседу, другу, родственнику, согражданам, родной стране, миру в целом.

---

[3] *Бьюкенен П.Дж.* Смерть Запада. М., 2003. С. 4.

Умение отличать добро от зла позволяет отказаться от атомизированного индивидуалистичного бытия, перевести свое мышление в (отвергаемый постмодернизмом) регистр “больших нарративов” и задумываться о том, что собой являет моя деятельность для национальной культуры, родины, всего человечества. Способность отделять достойное от недостойного дает возможность осуществлять социально полезный труд, воспитывать детей, дружить и любить, уважать свое Отечество, помогать ближним, жить полноценной жизнью, наконец, быть настоящим гражданином — тем, чья деятельность носит общественно необходимый смысл. Гражданственность характеризует людей, которым присущи творческая культурообразующая активность, воспитанность, свободомыслие, честность, чувство ответственности за общество, смелость в высказывании собственного мнения, преданность гуманистическим и демократическим идеалам, следование долгу, поиск социальной правды, чувство справедливости, наконец, “безумство храбрых”. Складывается устойчивое впечатление, что навязываемый сверху дискурс толерантности подрывает гражданственность.

Когда требуется проявлять сочувствие к преступнику, а не к жертве, провозглашается совершенно нелегитимная толерантность к нетолерантным, происходит не столько расширение интервала нормальности, сколько ее смещение в сторону. Видимо, толерантность в нынешнем виде — *добродетель тех, у кого отсутствует четкое мировоззрение и устойчивые нравственные ориентиры. Это добродетель тех, у кого отсутствует добродетель*. Проповедь терпимости оборачивается нормализацией того, что ранее считалось антинормальным, и наделением антинормальности статусом нормы и даже социальной необходимости. Приучая быть толерантными к любым перверсиям, у общества вызывают симпатию к мерзости. Принцип “пусть цветут любые цветы” сводится к принципу “пусть все некогда неприемлемое гордо заявляет о себе и дает плоды, вытесняя действительные цветы”. Любые нравственные ценности лоббистами толерантности постмодернистским образом представляются относительными. Толерантность предполагается в качестве высшей ценности.

Защита прав человека и его достоинства не должна доходить до такого уровня, когда она подрывает нравственные устои общества, приводит к отказу от общечеловеческих моральных универсалий (которые позволяют обществам сохранять себя) и диалектически перетекает в наступление на права человека. Обеспечение прав личности не должно переступать границу, когда оно превращается в угрозу существованию общества. Однако риторика о толерант-

ности лишь апеллирует к правам человека, а в реальности имеет к ним мало отношения. Социальное зло рядится в одежды добра и утверждает, что существует во имя всего ценного и необходимого.

"Предельная толерантность может быть проявлена в отношении жизни человека, но не в отношении любого образа его жизни, суверенитета государства, но не его способности во зло другим использовать свой суверенитет. В научном познании она ограничена направленностью на поиск истины, а не на признание любого высказывания"[4]. При встрече с морально неприемлемым толерантность должна ограничиваться. Толерантного отношения заслуживает лишь тот, кто не причиняет вреда человеку, обществу и нравственным нормам. *Толерантного отношения не заслуживает насаждаемая на Западе "толерантность без ограничений", лишенная границ и служащая инструментом социальной деморализации*. Она пересматривает стандарты нравственности и подрывает здравый смысл, указывающий на очевидную нелепость и вредоносность такой толерантности. Естественно, толерантность не может проявляться *в полной мере*.

Конечный вариант толерантности — борьба со всеми националистами, сексистами, гомофобами, шовинистами, расистами, фундаменталистами, противниками самой идеи толерантности и прочими ненавидящими кого-либо; наконец, это борьба со ВСЕМИ, а вместе с ними и с интолерантностью. Здесь мы видим принципиальный парадокс необоснованно расширенного проявления толерантности. Полная толерантность означает абсолютное согласие и бесконфликтность, которые невозможны между представителями даже единой идеологической ориентации, не говоря уже о приверженцах различных идеологических систем. Можно быть терпимым к чужому мнению и не согласным одновременно, но данное несогласие не должно при этом носить противоправный, преступный или просто оскорбляющий характер. Ему следует быть корректным, проявляющим себя в открытых дискуссиях. Оправданная терпимость — это не положительное отношение ко всему, а умение конструктивно и цивилизованно разрешать споры и конфликтные ситуации, оставаясь при своем мнении. Но западные лидеры, похоже, думают иначе.

Толерантность внедряется в западную культуру насильственно, без учета мнения европейской общественности. *Требуется одновременно проявление толерантности как к разным практикам и точ-*

---

[4] *Федотова В.Г.* Единство и многообразие культур в условиях глобализации // Вопросы философии. 2011. № 9. С. 51.

кам зрения, так и к самому факту насаждения этой толерантной линии. Иными словами, прививается обязательная толерантность к толерантности. Нетерпение общества к той системе инноваций, которые насаждаются сверху, квалифицируется как порочная интолерантность. Политический класс не желает прислушиваться к общественным протестам в отношении спускаемой политиками идеологии. Однако игнорирование социальных настроений также противоречит идее толерантности и демократичности.

Особо важный пример — неприятие широкими массами ювенальной юстиции, которую власти успешно продавливают, а их риторика представляет собой массированное наступление на тех, кто протестует. Противников ювенальных нововведений называют не борцами против предполагаемых ювенальной юстицией детской вседозволенности, культа прав детей при забывании об их обязанностях, противопоставления прав детей и их родителей, запрета на осуществление родителями нормального воспитательного процесса. Напротив, противников ювенальной юстиции именуют нетолерантными к правам детей защитниками родителей-садистов, что представляет собой манипулятивную подмену понятий.

Ряду явлений, которые оказывают деструктивное воздействие на личность и общество, дается эмоционально положительное наименование. Разрушающее институт нормальной здоровой семьи ювенальная юстиция именуется защитой прав ребенка. Под видом гуманизма, демократии и толерантности насаждаются культ секса, наркотиков, вседозволенности, потребительства и прочего китча. Вспоминается оруэлловский новояз, где мир — это война, свобода — рабство, незнание — сила.

В целом мировая история пестрит массой примеров, когда элемент реальности именовали противоположным его истинной сути образом. Власти современной Украины называют террористические действия в отношении народа Донбасса антитеррористической операцией. Американский истеблишмент и подвластная ему мировая пресса квалифицирует вероломные захватнические военные операции США гуманитарными интервенциями. Условия, когда происходит наступление на права трудящихся, на гарантии занятости, на защищающую от безработицы трудовую стабильность, неолиберальная риторика называет красивым наименованием “гибкий рынок труда”. Транснациональная корпоратократия, наступающая на государственные суверенитеты и осуществляющая ограбление целых стран и народов, именуется международным сообществом. Термин “глобальная стабильность” означает глобальное эксплуатирование международным капиталом целых стран и народов.

Нередко диктаторы называли свой режим демократическим. Пришедшие к власти в России после развала СССР неолибералы (за которыми стояли чикагские советники) называли олигархическое разграбление народной собственности рынком и придавали этому слову респектабельный вид, а тотальную манипуляцию народным сознанием подменяли терминами “свобода слова” и “демократия”. Также и риторика о толерантности — это совокупность превращенных форм, формирующих видимость несуществующего в реальности смысла. Социально вредной идеологии и абсолютизируемым ею жизненным практикам придаются эмоционально благозвучные названия, которые являются симулякрами, скрывающими истинную суть означаемых явлений. Так слова и порождаемые ими образы все более расходятся с обозначаемыми ими вещами. Сам факт обозначения теряется, оно становится не просто ускользающим, а совершенно лживым. Скрываемый за подменой понятия миф искажает сущность предлагаемого проекта, наделяет его положительными и социально необходимыми смыслами, а потому трансформирует восприятие происходящих тенденций и влияет на выбор будущего для общества. Ведь когда происходит социальная легитимация проекта, общество его принимает и тем самым обрекает себя на последствия, к которым реализация данного проекта приводит: «…политическое пространство оказывается “замифологизированным” настолько, что объективно разобраться в том, что на самом деле представляет собой реализация того или иного политического проекта и объективно оценить его, становится очень не просто. Различить, где заканчивается пространство реальности, а где начинается пространство мифа не под силу порой не только обывателю, профессиональные политики и даже ученые сталкиваются здесь с трудностями»[5].

Под благовидными наименованиями больному и неразумному дается не меньше права на существование, чем здоровому и разумному. Причем речь стоит вести не про уравнивание достойного и недостойного, а про осуществление “социокультурного перегиба” в сторону недостойного. К примеру, наметилась тенденция даже не уравнивания однополых браков и нормальных семей, а выставления первого в качестве прогрессивного явления по сравнению со вторым.

Толерантность — лукавое изобретение постмодернизма, находящее себя в стирании грани между хорошим и дурным, пропаганде мира без нравственных ориентиров, постулировании фантомов

---

[5] *Веретевская А.В.* Об опасностях политического мифа для общественного развития (на примере мифа о мультикультурализме в Европе) // Вопросы философии. 2018. № 5. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1950&Itemid=52#_ednref11 (дата обращения: 08.12.2019).

относительных смыслов, представлении культурной низости в качестве блага. При навязывании толерантности создается риск привития этического релятивизма, переходящего в этический нигилизм, что крайне опасно для общественной культуры. Толерантное отношение к скверне — проявление низкой культуры и нравственной инверсии. В согласии с новой — толерантной — терминологией, отличающегося делинквентным поведением подростка следует политкорректно называть представителем иной субкультуры, которая наравне со всеми остальными заслуживает уважения и обладает равными правами с другими культурными явлениями. Можно и к сектантству относиться терпимо, прикрываясь идеей толерантности, которая вполне соответствует пресловутому принципу "разрешено все, что не запрещено законом, и не разрешено критиковать то, что не запрещено законом". Осуждение сектантства граничит с законодательно предусмотренным обвинением в оскорблении религиозных чувств. Осуждение властного произвола граничит с законодательно предусмотренным обвинением в экстремизме или оскорблении чести и достоинства представителей социальной группы "чиновники".

В "цивилизованном" мире под знаменем толерантности лоббируются права не просто меньшинств, а тех, кто слишком радикален, и тех, кто у большинства обычно вызывает отторжение. Это — антидемократичная и антисоциальная защита меньшинств от большинства. Ведь общество представлено прежде всего большинством, а не меньшинством. Оправданна защита тех меньшинств, которые своим образом жизни, интересами и традициями не представляют опасности для общества и его духовных основ. Однако в первую очередь легитимируются те, кто себя противопоставляет большинству: радикальные феминистки, проповедующие воинственность мигранты, сторонники сексуальных перверсий. Малообеспеченные люди и инвалиды в этот список не входят.

Один из примеров легализации сексуальной перверсивности на самом высшем уровне — победа на Евровидении в 2014 г. Кончиты Вурст. Кажется, главным критерием на этом конкурсе выступают не вокальные данные, а эпатаж, бьющий по лицу нормальной культуры, а само мероприятие является глубоко политизированным. Вполне ожидаемо, если вскоре в Европе такие Кончиты начнут вести детские передачи, что, в свою очередь, будет рассматриваться как проявление современности и демократичности. Тут мы замечаем тенденцию размывания норм идентичности личности, выраженную в феномене "непонятно кто". В некоторых фильмах ужасов стоящее за спиной персонажа агрессивно-монструозное существо не поддается

четкой идентификации — это не зомби, не вампир, не маньяк, не призрак, но нечто, включающее в себя ряд характерных признаков этих существ. Поэтому его следует назвать “непонятно кто”. Также и в культурной жизни Европы легитимируется “непонятно кто” в виде как бы мужчины с признаками женщины.

Применительно к тому, что власти Нью-Йорка объявили о праве выбора каждым своей гендерной принадлежности (и, значит, права на проведение операции по смене пола), С. Жижек пишет: «Главное различие, “трансцендентальное” различие, которое лежит в основе самой человеческой идентичности, таким образом превращается в нечто открытое для манипуляций: вместо этого утверждается фундаментальная пластичность человека»[6]. Действительно, современная цивилизация, вооружившись риторикой о демократии, размывает человека, ликвидирует даже минимальные остатки эссенциализма. Она подменяет устойчивую идентичность выбором, сущность — изменчивостью.

Понятно, что нельзя рассматривать человека только лишь с позиций эссенциализма. Аргументы типа “Твое призвание такое-то!”, “Миссия твоей жизни заключается в …” неприемлемы в своей тоталитарности. Если в биологическом смысле мы можем постулировать определенную сущность, то применительно к другим смыслам — социальный, культурный — этот вопрос становится дискуссионным. Но также едва ли допустимо вовлекаться в другую крайность и постулировать радикальную гибкость всего и вся, тем самым не придавая ее человеку, а подменяя человека гибкостью, беспредельной пластичностью.

Совершается тотальная идеологическая перверсия, когда зло называется другой формой добра. Запад встал на путь не просто легитимации, а пропаганды различных извращений. Дети не могут отстраниться от этого воздействия, а родители не имеют возможности оградить их от “просвещения”. Так, в Германии внедрена обязательная, а потому по сути насильственная, программа сексуального воспитания, которая должна раскрепостить детское сознание, сделать его свободным в этой деликатной сфере. Дети в обязательном порядке получают сведения о разных формах половых девиаций. Отказ родителя привести своего ребенка на подобные занятия влечет репрессивные последствия: сначала — штраф, затем — тюремный срок[7].

---

[6] *Жижек С.* О насилии. М., 2010. С. 21–22.

[7] См.: *Михайлов Р.* Новые тенденции в идеологии русофобии // Международные процессы. 2015. Т. 13. № 3 (42). С. 98–107.

Легитимируются гомосексуализм, транссексуальность, постулируется возможность выбора не мужского и женского, а “какого-то еще” пола. Таким образом, полов оказывается больше двух. Происходит размывание любых коллективных форм идентичности — этнической, национальной, культурной. В условиях пропаганды освобождения от всего, в том числе от пола, аналогичная судьба ожидает и половую идентичность. По мысли А. Дугина, в глобальном обществе должны будут исчезнуть как этносы, конфессии, народы и государства, так мужчины и женщины в привычном понимании этих слов[8].

В США для “истинно верующих женщин” начали выпускать резиновые имитаторы мужских половых органов в виде распятия. Некоторые секуляризированные протестантские конфессии перестали мужеложство считать грехом. В Англии и в некоторых американских штатах гомосексуалистов стали венчать в церкви. В 18 штатах священники-педофилы “пытаются найти выход из кризисной ситуации”. В Миннеаполисе получил пост епископа человек, открыто заявивший о своей гомосексуальности. В дни Великого поста англо-голландская компания “Юнилевер” выпустила в продажу семь новых сортов мороженого “Магнум”, каждый из которых носил название одного из семи смертных грехов: гордыня, зависть, чревоугодие, блуд, месть, алчность и леность, упаковки украшены рожками и хвостом. Австралийский рекламный ролик “греховных” сладостей получил одну из главных наград Международного фестиваля рекламы в Каннах[9]. В Англии епископ Кентерберийский поддерживает легализацию однополых браков среди священников, уже 1,5 тыс. англиканских “священников” живут в однополом браке[10]. Как отмечает словенский философ (утверждающий крайне эпатажный и потому дискуссионный тезис, что педофилия изначально вписана в католическую церковь), о случаях педофилии среди священников никогда не сообщалось полиции, виновный священник никогда не наказывался строже перевода в другую часть страны; на родителей пострадавших детей оказывалось давление, чтобы замалчивали происходящее[11].

---

[8] *Дугин А.Г.* Социология глобального общества // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2012. № 2. С. 133–143.

[9] *Запесоцкий Ю.А.* Современная реклама как институт социально-культурной динамики // Вопросы философии. 2013. № 3. С. 33–38.

[10] *Самсонов А.* Системный кризис капитализма, деградация человечества. А что ждет Россию? Ч. 2 // Военное обозрение. URL: https://topwar.ru/38095-sistemnyy-krizis-kapitalizma-degradaciya-chelovechestva-a-chto-zhdet-rossiyu-chast-2.html (дата обращения: 06.12.2019).

[11] *Жижек С.* Накануне Господина: сотрясая рамки. М., 2014.

В Голландии в 1995 г. священник обвенчал двух лесбиянок и призвал прихожан отказаться от предрассудков во имя свободы. Англиканская церковь благословенно восприняла новое издание Библии, в которой совмещаются религиозные тексты с советами в области сексуальных отношений. Часть религиозных преданий была специально переписана или убрана. Вычистили все, что может вызвать раздражение какой-либо социальной группы. Например, выбросили указание, что Христа распяли Иудеи (чтобы не раздражать финансовых магнатов), вместо "отче наш" ввели понятие "Бог-отец-мать" (чтобы не раздражать феминисток)[12]. И таких, мягко говоря, курьезных случаев в Европе очень много. Русофобы-десоветизаторы обвиняют руководство СССР в искоренении религии, но последнее не совершало такое насилие над чувствами верующих.

Летом 2017 г. по миру разнеслось несколько новостей, характеризующих дальнейшую "демократизацию" на Западе. Так, в Великобритании была с широким оповещением в прессе отпразднована свадьба двух мужчин, да еще и мусульман. Разве настоящий мусульманин может быть гомосексуалистом? Видимо, в кривом зазеркалье, где дегуманизацию принято именовать толерантностью и демократией, все возможно.

Одну из лондонских школ для девочек грозили закрыть за отказ преподавать детям от трех до восьми лет основы гомосексуальности и гендерных предпочтений. Конечно, можно закрыть учебное заведение за то, что его деятельность не соответствует государственным образовательным стандартам. Но это "особые" стандарты, когда в них вносятся такие дисциплины. "Наука" под названием "основы гомосексуальности и гендерных предпочтений" не может стоять рядом с физикой, химией, историей, математикой и другими дисциплинами. Однако свод сугубо идеологических фантазий достигает статуса школьной дисциплины — и не просто рядовой, а привилегированной. Проникновение такой формы идеологизаторства в учебное пространство — способ как деинтеллектуализации, так и дегуманизации неокрепшего детского сознания. Западный мир становится настолько свободным, что в нем возможно все — естественно, под "всем" мы понимаем то, что служит делу расшатывания социальных устоев и ликвидации той нравственности, которая своим существованием давно доказала возможность сохранять общество более или менее здоровым. Но и само понятие здоровья отныне трансформировалось, претерпело существенную деконструкцию. И это является отдельной, очень важной, социокультурной проблемой.

---

[12] *Кара-Мурза С.Г.* Советская цивилизация: от начала до Великой Победы. М., 2001.

В Онтарио был принят закон, который позволяет передавать в детские дома детей из семей, в которых принято критично относиться к гомосексуализму и отказываться оплачивать операции детям по смене пола. Здесь мы наблюдаем новый, обогащенный, изощренный вариант функционирования ювенальной юстиции. Необязательно быть похожим на человека, который недостаточно хорошо воспитывает и обеспечивает детей, а также оказывает на их психику огромное давление, заставляя делать домашнее задание. Нужно быть критиком разврата, который называется свободой. Вероятно, обязанности родителей по образовательному содействию для своих детей вскоре будут выглядеть так: позволять ребенку вообще не учиться, если он не хочет грызть гранит науки, но требовать от него вполне подразумеваемого образовательным стандартом знания основ гомосексуальности и гендерных предпочтений. В ином случае зоркое око ювенальной юстиции узреет в действиях родителей недостаточно хорошее воспитательное влияние на своих детей. Ведь под воспитанием подразумевается содействие вседозволенности среди детей, попустительскому отношению к их учебной успеваемости (кроме "гомо-дисциплин") и всякому способствованию их дальнейшему нравственному и когнитивному разложению.

Похоже, в недалеком будущем одно только признание мужчины в том, что он женат на женщине, будет вызывать обвинение в гомофобии, архаичности мышления и образа жизни. Идеологическая позиция, выраженная в защите семейных ценностей, станет препятствием для карьеры или жизни. Для такого прогноза не требуется слишком богатое воображение и конспирологичный взгляд на мир; достаточно всего лишь ухватить общие тенденции, происходящие на Западе.

Э. Гидденс пишет: «Радикальное значение плюрализма извлекается не из его шокирующих эффектов — вряд ли что-либо еще уже может шокировать нас, — а из эффекта осознания того, что "нормальная сексуальность" — это просто один из типов жизненного стиля, который можно выбрать среди других»[13]. Сегодня понятия "перверсия" и "нормальная сексуальность" теряют смысл, поскольку пределы нормальности ширятся, охватывая собой почти все. Все вписывается в норму. И. конечно, теперь уже трудно кого-либо чем-либо шокировать, поскольку почти все, что ранее запрещалось, уже было показано, выражено, подвергнуто не просто легализующему обсуждению, но даже превознесению как проявления "модности" и "современности".

---

[13] *Гидденс Э.* Трансформация интимности. СПб., 2004. С. 208.

Толерантность только внешне схожа с демократизацией, а на поверку способна сковывать сильнее любого авторитаризма. Терпимость ко всему возможному и существующему разнообразию (к тому же "обогащенная" восхвалением именно скверны) не укрепляет гуманизм, а угрожает ему, поскольку она неспособна бороться ни с какими формами несправедливости, в том числе и с заблуждениями. Более того, она не просто расписывается в неспособности борьбы за здоровое общество. Она сама — антисоциальный и антикультурный молот, который позволяет распространяться перверсивности. Наконец, *крайне нетолерантно навязывать толерантность*.

Возникает вопрос: кому и для чего нужна происходящая дегуманизация? Наиболее влиятельные силы, которые пытаются оседлать глобализационные процессы — западные (прежде всего американские) политики, сращенные с транснациональной корпоратократией, — ставят перед собой многие задачи, деструктивные с точки зрения человечества в самом широком смысле этого слова. Они стремятся уничтожить экономический, интеллектуальный и военный потенциал различных стран и политико-экономических акторов, в которых они видят своих конкурентов. Действительно, мы наблюдаем, как транснационалы-глобалисты совершают государственные перевороты, после которых вместо демократии и процветания в поверженных странах происходит обнищание народа. Они направляют НАТО бомбить неугодные страны в обход всякого международного права. Они вовлекают целые народы в экономические ловушки с помощью МВФ и Всемирного банка, требуют проводить неолиберальные реформы, после которых экономика превращается в руины. Они несут в мир проект болонской системы в сфере образования, что можно рассматривать как средство качественного снижения интеллектуального потенциала народов со всеми вытекающими отсюда последствиями. Они же пытаются насаждать глобализированную массовую потребительскую культуру и так называемые европейские ценности (подрывающие жизнеспособность обществ) в разных регионах мира. Вместо социальных государств глобальным силам необходимы социально безответственные, утратившие государственный суверенитет структуры, управляемые тем же транснациональным капиталом. Отсюда и многочисленные призывы мировых элит и их интеллектуальной обслуги к демонтажу госсуверенитетов, что якобы необходимо в условиях глобализации.

Наконец, вместо сильных гражданских обществ глобальным силам нужны слабые, атомизированные, страдающие от депопуляции псевдообщества, не способные к борьбе против транснационального

капитала. Именно сплав ценностей, которые сегодня под флагом толерантности навязываются западному миру, является эффективным идеологическим стандартом для дегуманизации, депопуляции, социальной атомизации.

Под риторикой толерантности и мультикультурализма идет навязывание ценностей и норм, которые отвергаются множеством культур. Большое количество культур загоняют в некое гетто, лишая их возможности к участию в мировых процессах и даже подвергая их остракизму и заярлычиванию как нетолерантных, архаичных, вредных и антигуманных. Нередко эти фразы сопрягаются с идеями, согласно которым именно западная цивилизация является наиболее передовой в культурном, политическом и иных отношениях — вспомним хотя бы западноцентричные концепции С. Хантингтона, Ф. Фукуямы и многих других теоретиков.

Лицемерно вещая о толерантности и демократии, Европа активно поддерживала захватническую войну США против Ливии, одобряла череду якобы народных, но крайне деструктивных цветных революций в различных странах, внесла свой вклад в организацию переворота на Украине и предпочла не обращать внимания на зверства пришедших к власти нацистов. Под риторику о толерантности и демократии Европа закрывала глаза на агрессивные военные и экономические действия США в отношении других стран. Толерантность по-европейски — это толерантность к внешней политике Штатов, какой бы циничной, наглой и вероломной она ни была. Это вполне ожидаемо, поскольку навязывание толерантности в западном мире исходит от инициатив транснационального капитала, сращенного с политиками западных стран (в первую очередь США).

Лицемерие толерантности связано с тщательным закрытием глаз на поистине ужасные проблемы людей “третьего мира”, ответственность за которые нередко несет Запад с его агрессивной внешней политикой и расставлением экономических ловушек (например, кредитное закабаление) по отношению к самым разным странам. Так, “в марте 2005 года внимание всей Америки было приковано к делу Терри Шиаво: в 1990 году ее мозг был поврежден, когда сердце женщины ненадолго остановилось из-за химического дисбаланса, вызванного, по всей видимости, расстройством питания; назначенные судом врачи утверждали, что она находится в хроническом вегетативном состоянии без надежды на выздоровление. Хотя ее муж хотел, чтобы ее отключили от аппарата искусственного питания и она могла спокойно умереть, ее родители утверждали, что она может поправиться и что она никогда бы не захотела, чтобы ее лишили

пищи и воды. Это дело добралось до высших эшелонов исполнительной и судебной власти Соединенных Штатов с участием Верховного суда и президента, принятием резолюций конгрессом и т.д. Абсурдность ситуации, при рассмотрении ее в более широком контексте, просто поражает: в то время как в мире десятки миллионов людей умирают от СПИДа и голода, американское общественное мнение сфокусировалось на одном-единственном случае продления ГОЛОЙ ЖИЗНИ, хронического вегетативного состояния, лишенного всех человеческих черт"[14]. "Это наш гуманизм, — осталось продекларировать общественному мнению Запада, — периодически высказывать сердобольность на самом высоком уровне по отношению к одному-единственному человеку, забывая о трагизме, в который вовлечены многочисленные недостойные нашего внимания другие".

Когда западная пропаганда вещает о свободе и правах человека, она предполагает, что эти понятия не распространяются на тех, кто лишен права войти в золотой миллиард. Европейцы оплакивают французских и британских жертв терактов, но поле солидарности не охватывает русских или погибающих под огнем украинского оружия мирных жителей Донбасса — детей, женщин, стариков. Толерантность не распространяется в отношении народов, которые до сих пор живут под гнетом западного неоколониализма. Толерантность в западном мире имеет границы, но не те, которые ей надлежит иметь. В моральном смысле она безгранична (и потому наступает на здоровую мораль, предлагая нездоровые альтернативы), однако в смысле культурного и географического ареала она ограниченна "своими". Другие для нее не заслуживают уважительного отношения. В этом смысле она представляет собой новый, отредактированный, вид расизма, который и ранее был характерен для западной цивилизации, уверовавшей в себя как высшее творение, венец человечества.

Из всего сказанного не следует делать однозначный вывод, что западные культуры в своем ценностном расчеловечивании достигли точки невозврата. Пока рано сгущать краски, поскольку объект нашего внимания сохраняет в себе здоровые ценности. Однако тенденции дегуманизации идут весьма быстро, побеждая своих гуманистических оппонентов. И эта динамика вызывает сильную тревогу за будущее западной цивилизации. В России сформировалась практически национальная культурная особенность в виде стремления интериоризировать западные ценности и социальные практики без тщательной рефлексии на предмет их социальной не-

---

[14] *Жижек С.* Устройство разрыва. Параллаксное видение. М., 2008. С. 423.

обходимости для нашей страны[15]. И сегодня сохраняется опасность попыток перенесения новых европейских ценностей на российскую почву.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бьюкенен П. Дж. Смерть Запада. М., 2003.

Веретевская А.В. Об опасностях политического мифа для общественного развития (на примере мифа о мультикультурализме в Европе) // Вопросы философии. 2018. № 5. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1950&Itemid=52#_ednref11 (дата обращения: 08.12.2019).

Гидденс Э. Трансформация интимности. СПб., 2004.

Дугин А.Г. Социология глобального общества // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2012. № 2. С. 133–143.

Жижек С. Устройство разрыва. Параллаксное видение. М., 2008.

Жижек С. О насилии. М., 2010.

Жижек С. Киногид извращенца: кино, философия, идеология. Сб. эссе / Предисл. А. Павлова. Екатеринбург, 2014 (а).

Жижек С. Накануне Господина: сотрясая рамки. М., 2014 (б).

Запесоцкий Ю.А. Современная реклама как институт социально-культурной динамики // Вопросы философии. 2013. № 3. С. 33–38.

Ильин А.Н. Консьюмеризм как фактор антикультурной инновационности // Вопросы философии. 2016. № 4. С. 171–181.

Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация: от начала до Великой Победы. М., 2001.

Михайлов Р. Новые тенденции в идеологии русофобии // Международные процессы. 2015. Т. 13. № 3 (42). С. 98–107.

Самсонов А. Системный кризис капитализма, деградация человечества. А что ждет Россию? Ч. 2 // Военное обозрение. URL: https://topwar.ru/38095-sistemnyy-krizis-kapitalizma-degradaciya-chelovechestva-a-chto-zhdet-rossiyu-chast-2.html (дата обращения: 06.12.2019).

Федотова В.Г. Единство и многообразие культур в условиях глобализации // Вопросы философии. 2011. № 9. С. 45–53.

Фурсов А. Тайная история // Завтра. URL: http://zavtra.ru/blogs/tajnaya-istoriya (дата обращения: 04.11.2019).

REFERENCES

Buchanan P. Smert' Zapada [The death of the West]. M., 2003 (in Russian).

Dugin A.G. Sociologiya global'nogo obshchestva [Sociology of global society] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya. 2012. N 2. P. 133–143 (in Russian).

Fedotova V.G. Edinstvo i mnogoobrazie kul'tur v usloviyah globalizacii [Unity and diversity of cultures in the context of globalization] // Voprosy filosofii. 2011. N 9. P. 45–53 (in Russian).

Fursov A. Tajnaya istoriya [Secret history] // Zavtra. URL: http://zavtra.ru/blogs/tajnaya-istoriya (accessed: 04.11.2019) (in Russian).

---

[15] *Ильин А.Н.* Консьюмеризм как фактор антикультурной инновационности // Вопросы философии. 2016. № 4. С. 171–181.

Giddens E. Transformaciya intimnosti [The transformation of intimacy]. SPb., 2004 (in Russian).

Il'in A.N. Kons'yumerizm kak faktor antikul'turnoi innovatsionnosti [Consumerism as a factor of anti-cultural innovation] // Voprosy filosofii. 2016. N 4. P. 171–181 (in Russian).

Kara-Murza S.G. Sovetskaya civilizaciya: ot nachala do Velikoj Pobedy [Soviet civilization: from the beginning to the great Victory]. M., 2001 (in Russian).

Mikhailov R. Novye tendencii v ideologii rusofobii [New trends in the ideology of Russophobia] // Mezhdunarodnye process. 2015. Vol. 13. N 3 (34). P. 98–107 (in Russian).

Samsonov A. Sistemnyj krizis kapitalizma, degradaciya chelovechestva. A chto zhdyot Rossiyu? Ch. 2 [System crisis of capitalism, degradation of mankind. What awaits Russia? Part 2] // Voennoe obozrenie. Available at: https://topwar.ru/38095-sistemnyy-krizis-kapitalizma-degradaciya-chelovechestva-a-chto-zhdet-rossiyu-chast-2.html (accessed: 06.12.2019) (in Russian).

Veretinskaja A.V. Ob opasnostyah politicheskogo mifa dlya obshchestvennogo razvitiya (na primere mifa o mul'tikul'turalizme v Evrope) [About the dangers of a political myth for social development (on the example of the myth of multiculturalism in Europe)] // Voprosy filosofii. 2018. N 5. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1950&Itemid=52#_ednref11 (accessed: 08.12.2019) (in Russian).

Zapesotsky Y.A. Sovremennaya reklama kak institut social'no-kul'turnoj dinamiki [Modern advertising as a Institute of socio-cultural dynamics] // Voprosy filosofii. 2013. N 3. P. 33–38 (in Russian).

Žižek S. Ustroistvo razryva. Parallaksnoe videnie [The Device gap. Parallax vision]. M., 2008 (in Russian).

Žižek, S. O nasilii [On a violence]. M., 2010 (in Russian).

Žižek S. Kinogid izvrashchenca: kino, filosofiya, ideolo¬giya: sbornik esse [Kinogid of pervert: cinema, philosophy, ideology: a collection of essays]. Yekaterinburg, 2014 (in Russian) (a).

Žižek S. Nakanune Gospodina: sotryasaya ramki [On the Eve of the Master: shaking the framework]. M., 2014 (in Russian) (b).

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Общие требования к рукописям, предлагаемым для опубликования в журнале “Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология”

Материалы, представленные на рассмотрение для публикации в журнале, обязательно должны соответствовать тематике журнала (основные тенденции современного социального развития и изменения, методологические и теоретические проблемы современной социологии и политологии, конкретные области социологического и политологического анализа, исследования проблем и специфики современного общества и институционального порядка, политических процессов, вопросы социальной и государственной политики, социального и организационного менеджмента).

Все материалы должны представлять собой самостоятельное научное исследование (то есть должны содержать вклад автора в постановку и разработку выбранной для научного исследования проблемы). В целях обеспечения качества публикуемых материалов и соблюдения авторских прав все поступающие статьи проходят проверку через систему “Антиплагиат”.

Материалы должны быть актуальными (содержать элементы научной и информационной новизны).

Рукопись обязательно должна соответствовать принятым в журнале техническим требованиям к оформлению. В случае соответствия требованиям предлагаемая статья может быть рассмотрена в редакции и отправлена на рецензирование (экспертную оценку), а при необходимости может быть обсуждена на редколлегии. В последующем будет принято решение о возможности/невозможности публикации рукописи с учетом публикационных планов журнала.

Редакция оставляет за собой право сокращать объем статей и редактировать их в соответствии с требованиями научного журнала. По вопросам, связанным с публикацией представленных в редколлегию материалов, необходимо обращаться по электронной почте vestnik@socio.msu.ru, ilinih@socio.msu.ru, а также по телефону ответственного секретаря журнала Ильиных Ольги Владимировны +7 (903) 268-89-69.

Желающие опубликовать статью в журнале “Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология”, могут присылать материалы

в № 1 (январь–март) — до 20 августа,
в № 2 (апрель–июнь) — до 20 ноября,
в № 3 (июль–сентябрь) — до 20 февраля,
в № 4 (октябрь–декабрь) — до 20 мая
каждого года.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна. Рукописи не возвращаются. Гонорар авторам за публикацию рукописей не выплачивается.

Плата с авторов (в том числе с аспирантов) за публикацию рукописей не взимается.

Рукописи, подаваемые в журнал,
должны соответствовать следующим требованиям

Материалы предоставляются в редакцию в электронном виде (в том числе рисунки (диаграммы, графики, схемы и т.п.)).

Все предоставляемые в редколлегию материалы должны содержать:

1) название статьи на русском и английском языках;
2) сведения обо всех авторах на русском и английском языках: фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, ученое звание, полное название научного или учебного учреждения и его структурного подразделения, контактный телефон и адрес электронной почты автора, город, страна, индекс. Авторская транслитерация ФИО должна учитывать то обстоятельство, что ее изменение, возможно, затруднит поиск прежних публикаций автора, которые перестанут учитываться в перечне его работ (то есть необходимо транслитерировать ФИО так, как в загранпаспорте или в предыдущих работах, т.е. унифицировать).
3) аннотации на русском и английском языках (не менее 200–250 слов каждая);
4) ключевые слова (6–8 слов/словосочетаний) на русском и английском языках;
5) основной текст. К рассмотрению принимаются материалы и статьи преподавателей и научных сотрудников объемом от 1 авторского листа (40 тыс. знаков) до 1,3 авторского листа (приблизительно 53 тыс. знаков). Объем аспирантских статей от 0,5 авторского листа (20 тыс. знаков) до 1 авторского листа (40 тыс. знаков). (Указано общее число знаков вместе с пробелами, знаками рисунков, оформительскими страницами);
6) список литературы в конце статьи (число русскоязычных работ + число работ на иностранных языках = 20–30). Отсутствие пристатейного списка литературы может стать причиной отказа в рассмотрении статьи.

Список литературы помещается после основного текста статьи, и оформляется следующим образом:

а) список литературы на русском языке (по алфавиту (кириллическому) без нумерации). Этот список имеет подзаголовок “Список литературы”;
б) второй список имеет подзаголовок “References”. Этот список в свою очередь включает в себя транслитерацию (по системе BSI. При создании транслитерации возможно использование программы транслитерации текста, к примеру, translit.net) и перевод на английский вышеприведенного списка литературы на русском языке, а также список литературы на иностранных языках (транслитерация русскоязычных работ + список работ на иностранных языках, все общим списком по алфавиту (латинскому)).

Более подробно требования к оформлению статей представлены на сайте журнала http://vestnik.socio.msu.ru/jour Там же можно посмотреть образцы оформления ссылок, списков литературы и т.п.

Кроме того, на сайте есть электронная форма, с помощью которой необходимо подать статью в редколлегию.

С уважением,
редколлегия журнала “Вестник Московского университета.
Серия 18. Социология и политология”